

*Труды теоретико-лингвистической школы
в области общего и русского языкознания*
Воронежский государственный университет
Центр коммуникативных исследований
Кафедра общего языкознания и стилистики

Текст - дискурс - картина мира

Вып. 7

Продолжающееся научное издание

**Воронеж
2011**

Очередной (седьмой) выпуск межвузовского научного сборника «Текст – дискурс - картина мира» (предыдущие выпуски 2005-2009 гг.) посвящен теоретическим и прикладным проблемам изучения взаимодействия текста, дискурса и картины мира. В сборнике представлены статьи ученых Воронежа, Ярославля, Липецка, Ирака, Вьетнама, Сенегала, посвященные исследованию текста в традиционном, функциональном, прагматическом и когнитивном аспектах.

В некоторых случаях концепция присланных статей отличается от общепринятой трактовки анализируемой проблемы и расходится с мнением редакционной коллегии. Однако редколлегия считает возможной публикацию таких работ в порядке научной дискуссии.

Сборник предназначен для филологов, преподавателей русского языка и иностранных языков, литературоведов, преподавателей русского языка как иностранного, специалистов в области текста, дискурса, когнитивных исследований, культурологии и межкультурной коммуникации.

Редакционная коллегия:

д.ф.н. Вахтель Н.М., д.ф.н. Попова З.Д., д.ф.н. Стернин И.А.,
д.ф.н. Чарыкова О.Н. - научный редактор

Компьютерная верстка и оригинал - макет –
И.А.Стернин

© Коллектив авторов, 2011

Текст - дискурс - картина мира. Межвузовский сборник научных трудов.
- Вып.7. / Научный ред. О.Н.Чарыкова. - Воронеж: «Истоки», 2011. - 200 экз.- 181 с.

От редколлегии

Предлагаемый вниманию читателей сборник продолжает тематическую серию публикаций, посвященных проблемам соотношения текста, дискурса и картины мира.

Сборник формируется в русле основной научной проблемы теоретико-школы кафедры общего языкознания и стилистики «Язык и национальное сознание», но ориентирован на изучение национальной специфики текста и дискурса.

Редколлегия приглашает к сотрудничеству всех исследователей, занимающихся проблемами соотношения текста, дискурса и языкового сознания.

Электронный адрес редколлегии: sternin@phil.vsu.ru.

Вопросы теории

Е.А. Маклакова

О понятии лингвокультурологической специфики значения слова

В настоящее время общепринятым является мнение о том, что как в культуре, так и в языке каждого народа присутствует как универсальное (общечеловеческое), так и национально-специфическое: «... две культуры никогда не совпадают полностью ..., каждая состоит из национальных и интернациональных элементов» (Верещагин, Костомаров 1990, с.30).

В качестве ориентиров, позволяющих индивиду не заблудиться в новом культурно-языковом пространстве, выступают универсальные явления, одинаково осмысляемые всеми людьми в мире, что объединяет взаимодействующие культуры. Как справедливо отмечает А.А. Леонтьев, «мы можем воспринимать как целое предметный мир только при условии, что в нем есть что-то постоянное, опорные элементы, отображенные в нашем сознании в виде образов “низшего порядка” – образов предметов и ситуаций, константных по сравнению с образом мира. Чтобы образ мира изменялся ... , в нем должно быть что-то относительно неизменное» (Леонтьев 1997, с.144).

В процессе контакта культур национально-специфические особенности, не осознаваемые при внутрикультурном общении, становятся очевидными.

Некоторые исследователи предлагают отказаться от прямого применения методов анализа языка к культуре, поскольку оно в известной

степени обуславливает механистический подход к явлениям культуры, игнорируя её динамический характер и системность. Более оправданным оказывается отношение к культуре как к совокупному духовному опыту человечества, согласно которому «социокультурные явления существуют и развиваются в трех важнейших формах: духовной (различные элементы и состояния сознания), овеществленной (опредмеченные духовные явления) и институциональной (культурный аспект различных институтов общества)» (Журавлев 1998, с.58).

Одним из подходов к анализу культуры является рассмотрение её как «трехслойной» сущности: 1) верхний слой, наиболее явный и доступный чувственному восприятию, включает артефакты, другие материальные явления культуры, а также язык; 2) средний слой – нормы и ценности; 3) внутренний слой – базовые установки, послышки, убеждения, менталитет и т.д. (Dahl 1998).

Нам представляется обоснованным рассматривать национальную культуру как исторически складывающееся мировоззрение народа, реализуемое в традициях, национальных реликвиях и получающее свое отражение в данном языке, что выражается в виде национально-культурной специфики единиц данного языка.

В основе мировидения и миропонимания каждого народа лежит своя система предметных значений, социальных стереотипов, когнитивных схем. Этносоциокультурный фактор оказывает воздействие на формирование и формулирование мысли.

Основу национально-культурной специфики единиц языка могут составлять:

историческая память народа (*мамаево нашествие* – о неожиданном появлении многочисленных и неприятных гостей; *мамаево побоище* – шумная крупная драка или ссора – по имени татарского хана Мамай, совершившего в XIV в. опустошительное нашествие на Русь; *тяжела ты, шапка Мономаха* – о тяжести власти, ответственности – по названию царского венца, хранившегося со времен князя Владимира Мономаха и являвшегося символом княжеской и царской власти [Фёдоров 2008]; *враг народа* – идейно-политический противник советской власти – идеологический ярлык, широко распространенный в СССР в годы сталинизма, когда врагами народа нередко объявлялись и преследовались по закону ни в чем не повинные люди [Жуков 2007:91]),

культурологические реалии (*бесструнная балалайка* – «болтун, пустомеля» [Фёдоров 2008], *вольный казак* – «свободный, независимый человек» [Жуков 2007], *сибирский валенок* – «неотёсанный человек; простак; тупица» [Квеселевич 2002]),

ономастические реалии (*не помнящий родства Иван* – неблагодарный, относящийся с полным безразличием к своим предшественникам, воспитанникам – «первонач.: юридический термин, который применялся к

беспаспортным бродягам» [Ашукин 1987]; *коломенская верста* – «от сравнения высокорослого человека с верстовыми столбами, расставленными между Москвой и селом Коломенским, где когда-то находилась летняя резиденция царя Алексея Михайловича» [Жуков 2007]), **ценности, принятые внутри данной культуры; традиции, прецедентные тексты** (*человек в футляре* – живущий своими узкими интересами; отгородившийся от людей, от жизни; косный и замкнутый – по одноименному рассказу А.П. Чехова; *лебедь, рак да щука* – о компании с различными интересами – от названия басни И.А. Крылова «Лебедь, Щука и Рак»; *колокольный дворянин* – лицо духовного сословия – из поэмы Н.А. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо»).

Отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, подобные единицы языка вербализируют культурные концепты и культурные коннотации, передавая от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы. Как своеобразные микромиры, они содержат в себе «и нравственный закон, и здравый смысл, выраженные в кратком изречении, которые заветовали предки в руководство потомкам» (Буслаев 1954, с.37). Эта душа всякого национального языка, в которой неповторимым образом выражается дух и своеобразие нации.

Избирательность языков в отношении признаков, извлекаемых из внеязыкового мира, находит свое воплощение во «внутренней форме слова, предложения или суждения, изменениях смысловой стороны слова, переносных его употреблений, эмоциональной нагрузке слова, нюансах его индивидуального использования» (Маслова 1997, с.35), различия в которых у переводных соответствий в двух языках являются проявлением национальной специфики их семантики.

Национальная специфика семантики языковых единиц не всегда может быть обусловлена культурой того или иного народа, которая представляет особый тип осмысления действительности в его национальном сознании. Следует, на наш взгляд, дифференцировать более общее понятие национальной специфики семантики языковых единиц и национально-культурную специфику их значения. Например, следующие фразеологические единицы русского языка и их переводные эквиваленты в английском языке различаются составом компонентов и фразеологическим образом, однако выражают одинаковые для двух культур ценности и приоритеты:

так себе, ни то ни сё \approx *betwixt and between* (между и между) – о человеке среднем, ничем не примечательном – пренебрежительное;

вырос, а ума не скопил \approx *better fed than taught* (откормлен, но не обучен) – о невоспитанном или необразованном человеке – неодобрительное;

ум хорошо, а два – лучше = *four eyes see more than two* (четыре глаза видят лучше, чем два) \sim [этим. лат. *Plus vident oculi quam oculus* – несколько глаз видят лучше, чем один] – о людях (ум, глаза), которые добьются успеха, объединив свои усилия;

притча во языцех \approx *the talk of the town* (то, о чём говорит весь город) – предмет всеобщих разговоров, постоянных пересудов и т.п.

«Культурная семантика» – семантическое следствие культурных предпочтений носителя языка, реализация в семантических единицах его культурного выбора. Изучение «культурной семантики» нуждается в привлечении контрастивного метода исследования, анализа на микросемантическом уровне. Придание отдельному слову статуса «культурного» или «ключевого» для данной лингвокультурологической традиции нуждается в лингвистическом обосновании, в выявлении так называемых культурных доминант «через сопоставление ценностных суждений, которые вытекают из стереотипов поведения и зафиксированы в значениях слов, устойчивых выражениях, прецедентных текстах» (Карасик 1996).

В связи с этим, следует выделять и сопоставлять следующие специфические реалии, отраженные в национальных языковых картинах мира двух взаимодействующих культур:

национально-исторические реалии (некогда считавшиеся безэквивалентными некоторые русские наименования лиц, постепенно приобретающие свои английские соответствия в виде варваризмов, фиксируемых в английских словарях, заполняющие мотивированные и немотивированные лакуны в английском языке: *большевик* – *Bolshevik*, *барин* – *barin*, *барыня* – *barinya*, *боярин* – *boyar*, *боярыня* – *boyarynia*, *господин* – *gospodin*, *интеллигенция* – *intelligentsia*, *казак* – *Cossack*, *комсомол* – *Komsomol organizer*, *космонавт* – *cosmonaut*, *кулак* – *kulak*, *матушка* – *matushka*, *меньшевик* – *Menshevik*, *мужик* – *muzhik*, *стрелец* – *Strelets*, *троцкист* – *Trotskyist*, *царь* – *tsar*, *tzar*, *czar*, *цесаревич* – *Cesarevitch*);

национально-ономастические реалии (содержащие топонимы или антропонимы: *казанская сирота* – человек, который, желая разжалобить кого-либо, прикидывается несчастным – первонач. о татарских князьях, старавшихся после покорения Казанского царства Иваном Грозным получить от русских царей всевозможные поблажки, жалуясь на свою горькую участь; *Иванов, Петров, Сидоров* – простые, рядовые жители страны;

национально-литературные реалии или прецедентные тексты (*Маша-растеряша* – персонаж из стихотворения Л.Ф.Воронковой, 1906-1976 – о том, кто отличается сильной рассеянностью, постоянно что-либо забывает; *кисейная барышня* – заимствовано из повести Н.Г. Помяловского «Мещанское счастье» 1860 г., где показана провинциальная, ограниченная, жеманная, простодушная Леночка, получившая прозвище кисейной девушки; *лишний человек* – в русской литературе 19 в. тип человека, не умеющего найти применение своим силам в общественной жизни; выражение вошло в употребление после «Дневника лишнего человека» И.С. Тургенева 1850 г.; *маг и волшебник* – заимствовано из комедии А.В.

Сухово-Кобылина «Свадьба Кречинского» 1855г., где рассказывается об авантюристе Кречинском, которого называют магом и волшебником);

национально-материальные (бытовые) реалии (*тугая / толстая мошна* – о том, у кого очень много денег, *мошна* – мешочек для хранения денег; *аршин с шапкой* – о человеке маленького роста, *аршин* – старая русская мера длины, равная 0,71 м; *кладезь премудрости* – о человеке с большими знаниями, *кладезь* – церковно-славянское колодец);

национально-культурные реалии. К последним относятся такие различия в семантике языковых единиц, которым возможно предложить культурологическое объяснение. Продемонстрируем это на следующих примерах.

Ряд исследуемых наименований лиц при контрастивном сопоставлении различаются *национально-культурной специфичностью внутренней формы*, потому что носители каждого языка используют различные компоненты значения для осуществления переноса наименования или для создания ассоциации при сравнении. Возникающий при этом эмпирический образ объекта наименования складывается из отражения чувственного восприятия некоторого признака действительности, избранного данным народом как основание для номинации: русские слова *пожарник* и *кочегар*, которые служат для обозначения людей с прямо противоположным «отношением к огню», так как первый занимается тушением пожара, а второй подбрасывает уголь в топку котла, чтобы поддержать огонь, имеют совпадающее переводное соответствие в английском языке – *fireman* (человек огня); русский *беженец* – лицо, которое бежит от бедствия, – имеет переводное соответствие в английском языке *refugee* – тот, кто ищет убежище; русский лентяй – *лежебока* любит лежать на боку, английский бездельник – *lie-abed* также лежит (*lie* – лежать), но – в постели (*abed*).

Национально-культурная специфика образного переосмысления отдельных лексических единиц в двух языках проявляется в различиях формирования переносных значений отдельных слов и выражений: *баловень судьбы* = *favourite* (любимец) / *a spoilt child* (избалованный ребёнок) *of fortune*; *живые мощи* = *a walking skeleton* (ходячий скелет); *золотая молодежь* = *gilded youth* (позолоченная молодёжь); *родственная душа* = *a twin soul* (душа-близнец); *соломенная вдова* = *a grass widow* (травяная вдова); *человек одного с вами роста* = *a man of your inches* (человек ваших дюймов).

Национально-культурная символичность значений имеет природные корни, и предстает перед нами в роли хранителя национальной культуры, предоставляя возможность с помощью дешифровки проникнуть в незнакомую традицию другого народа, так как знак переходит в символ, накапливая отвлеченные смыслы, более актуальные для отдельного народа. Таким образом, «символ выражает связь знака с объектом через

идею» (Карасик 2010, с.70). Например, число *семь*, относящееся к христианским символам, встречается в ряде русских фразеологических словосочетаний для предания высказыванию экспрессивности: *семи пядей во лбу* – очень умный, *семь пятниц на неделе* – очень часто меняет свое решение, *семеро по лавкам* – очень много маленьких детей (у кого-либо), *за семерых* (ест кто-то) – очень, много, прожорливо, *на седьмом небе* – о том, кто безгранично счастлив. Национально-культурные различия выявляются также и в цветовой символике, связанной с наименованием лиц. Слово *голубой* в русской лингвокультуре с недавних пор приобрело стойкие ассоциации с гомосексуалистами, не представленные в англо-американской языковой картине мира: *blue* – в британском варианте английского – это о консерваторе, так как светло-синий цвет является символом Консервативной партии; американцы называют этим цветом также тех, кто находится под действием алкоголя или наркотиков, «под кайфом».

Черный цвет символизирует безобразие, ненависть, печаль, смерть, то есть противоположную свету символику, которая тождественно воспринимается носителями обоих языков: *черная сотня* – название реакционно-монархических банд погромщиков, возникших в период революции 1905-1907 гг. (Фёдоров 2008) – *black hand* (черная рука) – шайка бандитов; *черная душа* – о человеке коварном, способном на низкие, предосудительные дела, поступки; *чернь* – 2) люди, далёкие от духовной жизни, высоких идеалов (Ожегов 1994).

Национально-культурная дифференциация номинативных средств выражается в том, что в той или иной национально-языковой культуре существуют различия в степени дифференциации одного и того же денотата, что отражает разную национальную концептуализацию действительности, обусловленную конкретными культурно-историческими особенностями той или иной нации: возраст, считающийся *старым* в России, воспринимается как *молодой* в США и Великобритании, поскольку люди поздно вступают в брак и заводят детей; в США возраст ребенка до двух лет исчисляется месяцами (*eighteen months*), а в России – годами (*полтора года*); когда речь идет об одежде, размер *small* (маленький) в США, с точки зрения европейцев, включая русских, на поверку оказывается не таким уж *маленьким*, среднему американскому размеру *medium* соответствует европейский *large* (большой).

Национально-культурная безэквивалентная лексика представляет собой культурологически нагруженные единицы, реализация значений которых невозможна без сопутствующих фоновых знаний, составляющих суть конкретной культуры.

Они в наибольшей степени отражают особенности менталитета, когнитивный и ценностный подходы к материальному миру, способы освоения действительности и её моральной оценки. Через их посредство реализуются категории, которыми мыслят носители лингвокультуры, и те

рамки, в которые они поставлены для осознания и интерпретации окружающего мира. Приведем некоторые концепты, для которых американские авторы, пишущие о России, не смогли найти достойных эквивалентов в английском языке и поэтому сочли необходимым воспользоваться русскими словами, вкрапленными в английский текст – *nomenklatura*, *bespartiiny* (Shipler 1989), *vozhd*, *vlasti* (Lourie, Mikhalev 1989).

Таким образом, вышеперечисленные языковые формы, отражающие этнически, социально, исторически и т.д. детерминированные категории мировоззрения отдельного народа, составляют лингвокультурологическую парадигму, исследование которой имеет большое значение в процессе выявления национальной специфики языковой семантики.

Добавим, что семное описание наименований лиц в контрастивном плане выявляет многочисленные семантические компоненты, которые отражают определенные культурные установки, и имеющие особое значение для данного общества, то есть обладающие лингвокультурологической сущностью.

Соответственно, семантический анализ определенного круга языковых единиц имеет лингвокультурологическую значимость и позволяет выявить культурно-специфические семантические особенности языковых единиц, отражающие национально-культурный фрагмент языковой картина мира.

Верещагин Е.М., Костомаров, В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – 4-е изд., испр. и доп. [Текст] / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М., 1990. – 269с.

Журавлев В.В. Человек. Культура. Политика [Текст] / В.В. Журавлев. – М.: «Социум», 1998. – 198 с.

1. Dahl S. Communications and Culture Transformation. Cultural Diversity, Globalization and Cultural Convergence. Project presented to the European University, Barcelona. June 1998. Режим доступа: <http://www.stephweb.com/capstone/index.htm>

2. Карасик, В.И. Культурные доминанты в языке [Текст] // Языковая личность: культурные концепты. – Волгоград-Архангельск: Перемена, 1996. – С.3-16.

3. Жуков, А.В. Лексико-фразеологический словарь рус. яз.: 1500 фразеологических единиц [Текст] / А.В. Жуков. – М: Астрель: АСТ, 2007. – 603с. Квеселевич Д.И. Русско-английский словарь ненормативной лексики [Текст] / Д.И.Квеселевич. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2002. – 1120с.

4. Фёдоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13000 фразеологических единиц [Текст] / А.И.Фёдоров. – 3-е изд., испр. – М.: Астрель: АСТ, 2008 – 878 с.

5. Ашукин, Н.С. Крылатые слова. Изд. 4-е [Текст] / Н.С. Ашукин, М.Г. Ашукина. – М.: Художественная литература, 1988. – 528 с.

6. Буслаев Ф.И. Русские пословицы и поговорки, собранные и объясненные [Текст] / Ф.И. Буслаев. – М., 1954. – 289 с.

Коммуникативный анализ семантики слова

Общеизвестно, что значение слова в контексте претерпевает существенные изменения. Эти изменения неоднократно затрагиваются в разных исследованиях — по стилистике художественного текста, в лексикографических исследованиях, но систематизации возможных типов семантических изменений слова в контексте еще не осуществлено. Некоторые подходы были предложены в исследованиях (Стернин 1986, Стернин 1987), но с тех пор семантические исследования пошли дальше и выдвинутые в восьмидесятые годы прошлого века положения нуждаются в уточнении и развитии на конкретном материале.

Рассмотрим данную проблему с точки зрения роли и функции контекста в семантической реализации слова.

Контекст в отношении семантики слова выполняет несколько функций, которые по-разному проявляются в речевой деятельности продуцента и реципиента речи.

Для продуцента речи контекст выполняет актуализирующую функцию, то есть выражает, формализует коммуникативную интенцию говорящего.

Данная функция реализуется в следующих семантических процессах.

1. Контекст актуализирует определенное значение многозначного слова.

Актуализация осуществляется путем использования контекстуальных диагностических лексических маркеров того или иного значения. Маркеры могут быть лексическими, синтаксическими, тематическими.

Проиллюстрируем это явление на примере актуализации слова *гостья*. В основу анализа положена обобщенная лексикографическая дефиниция слова, которая формулируется в результате ряда последовательных процедур, изложенных в работе (Стернин, Талл 2010).

Применение данных процедур, а также анализ контекстов употребления слова *гостья* в «Корпусе русского языка» позволило выявить следующие значения слова *гостья*.

1. Значение *лицо женского пола, пришедшее в гости, которое принимают и угощают.*

Диагностирующие данное значение маркеры контекста:

— **Проходи, чего в дверях стоишь?** - Кассета была явно записана в этих стенах — Игорь услышал знакомый **скрип петель входной двери**. «Да я, собственно, на минуточку!» — начала *гостья*, но хозяйка не согласилась: «Никакой минуточки, сейчас будем чай пить! *Максим Милованов. Рынок тщеславия (2000)*

Диагностические маркеры значения — фразы, описывающие открывание входной двери, появление гостя в дверях, предложение пройти, предложение угощения.

-У меня есть немного денег, попробую **устроиться в гостиницу**... Ольга взяла сигарету, взглянула на Игоря и обратилась к Свете: — Поехали **к нам домой**. Сегодня ты — наша *гостья*. **Не бросать же тебя на улице** — не дай Бог, опять **что-нибудь случится**. Светлана для вида постеснялась, но было ясно, что это наилучший вариант для нее. Игорь развернул машину и повел ее к дому. *Сергей Таранов. Мстители (1999)*

Диагностические маркеры значения — фразы, описывающие потребность в гостинице, приглашение домой, предложении ночлега, забота о безопасности проживания гостя.

Пришла и *гостья* — старшая дочь Александры, беременная Лидия. **Еда** была простая, не праздничная: винегрет, котлеты с макаронами да подгоревшее Никино печенье. *Людмила Улицкая. Медя и ее дети (1996)*

Контекстуальные маркеры значения — фразы, описывающие приход женщины в квартиру, угощение едой.

-Правда, Клоп, хоть и большой дурак — его даже мышка не испугается. Потому что трус. - Сарычев оборачивается. Увидев, что *гостья допила свой чай*, мягко **упрекает**: — Что же вы стесняетесь? **Еще наливайте**. Сами, пожалуйста, и **не нужно стесняться**. *Андрей Дмитриев. Шаги (1987)*

Диагностические маркеры значения — фразы, описывающие угощение чаем, слежение за гостем, чтобы он пил, упрек в том, что гость не пользуется привилегиями гостя, предложение самому наливать чай, предложение угощения, предложение не стесняться при угощении.

Как **хорошо, что ты прилетела!** А сейчас марш в **душевую**. Без разговоров. Ты моя *гостья*. После душа — **завтрак** у меня. *Сергей Жемайтис. Большая лагуна (1977)*

Диагностические маркеры значения — фразы, описывающие выражение радости от приезда гостя, предложение принять душ, предложение завтрака.

— Слышу, слышу! Иди уж, **топай!** С собой, что ли, **ложка-то?** Ох ты ж, *гостья* моя **неописуемая!** — растроганно откликается с террасы Лина, **наливая в чашку молока**. *Валентина Осеева. Динка (1959)*

Диагностические маркеры данного значения — фразы, описывающие приглашение придти, приглашение взять ложку, выражение радости от встречи, предложение угощения.

2. Значение «*приезжая*»

А прямо, где кончается мост, трепыхались флажки Лужниковской ярмарки, там тоже кишмя кишел народ, и это, можно сказать, была третья половина Москвы: **приезжий, проезжий** люд... Вот и рядом со мною, слегка откинувшись, потому что дорога под уклон, идет **приезжая** *гостья*, Саша Тиунова. Я все уже знал, что Саша **приехала на экскурсию**. Александр Рекемчук. Мальчики // «Юность», 1970

Диагностические маркеры значения – словесное указание на то, что в Москве много приезжих, что *гостья* тоже приехала в Москву, что она приехала на экскурсию.

- Красавица, о которой вы говорите, — *гостья*. Она, как мы думаем, просто скучающая молодая женщина. Она **приехала из Индии** с братом и приятелем брата; один — журналист, другой, кажется, археолог. Вы знаете, что представляет дворец Ганувера. А. С. Грин. Золотая цепь (1926)

Диагностический маркер значения – указание на приезд из Индии.

Возможна нерасчлененная реализация двух значений одновременно – в случае, если контекст не обеспечивает их дифференциацию. Приведем пример с глаголом *угоститься*.

Сидящие у огня, недоверчиво покосившись на меня, бросают взгляд на Егорыча и приглашают присесть: — Пивка не хотите? Пиво, как и закуска, найдено здесь же, на свалке. Бутылки сложены штабелем у огня — внутри лед, и, прежде чем **угоститься** пивом, надо дожидаться, пока оно станет жидким. На современной свалке можно найти что угодно. От суммы бомжа не зарекайся. «Профессионал», 1998.07.01

В данном случае одновременно актуализируются два значения слова *угоститься* - «выпить алкоголя» и «попробовать что-либо вкусное».

Актуализация значения может осуществляться и самой экстралингвистической ситуацией.

Например, магазин называется «СПЛАВ». Возможно понимание этого слова в двух значениях - «соединение разных металлов» и «спуск вниз по реке на плавсредстве». Лексические или синтаксические маркеры, которые могли бы дифференцировать эти значения, при восприятии названия магазина на улице отсутствуют, но на витрине магазина нарисованы гидрокостюмы, палатки, сапоги, что диагностирует значение «спуск вниз по реке на плавсредстве».

Другой пример. Если фразу «*Операция* прошла блестяще» говорит врач, человек в белом халате – диагностируется значение «хирургическая вмешательство», если работник банка – значение «мероприятие по переводу финансовых средств с одного счета на другой», если человек в военной форме – «мероприятие по осуществлению военной задачи», если в милицейской форме – «мероприятие по поимке преступника».

2. Контекст актуализирует конкретный набор сем в семантически реализуемом значении.

Контекст актуализирует конкретные семы того или иного значения, которые выступают в данном акте речи как коммуникативно-релевантные, входящие в коммуникативное намерение продуцента речи. В работах (Стернин 1986. 1987) эта совокупность сем названа *актуальным смыслом*. Таким образом, контекст формирует актуальный смысл слова в речи.

Актуальный смысл слова может включать различный набор ядерных сем, а также может представлять собой сочетание некоторых ядерных и периферийных сем. Могут быть актуализованы и чисто периферийные семы, без ядерных.

Принимается, что семы из ядра значения (основные, наиболее яркие семы, обычно отражаемые в словарной дефиниции слова) при прямой номинации актуализируются в контексте автоматически:

На столе лежит *книга*.

Актуальный смысл – «переплетенные листы бумаги с печатным текстом».

У костра сидели двое – *мужчина* и *женщина*.

Актуальный смысл слова *мужчина* – «взрослое лицо мужского пола», *женщина* – «взрослое лицо женского пола».

При этом некоторые из ядерных сем, тем не менее, могут не войти в актуальный смысл слова в конкретном контексте, если они не являются коммуникативной целью номинации. Актуализация же периферийных сем требуют контекстуальных диагностических маркеров, которые вербально конкретизируют актуализируемую сему, и тогда можно утверждать, что она действительно актуализована, вошла в актуальный смысл слова в данном контексте.

Приведем примеры разных семных актуализаций слова *гостья*.

В контекстах слово *гостья* демонстрирует широкое семное варьирование, которое характерно преимущественно для основного, ядерного значения – *лицо женского пола, пришедшее в гости, которое принимают и угощают*.

Ядерные семы актуализируются далеко не всегда в полном составе. Ср. следующие примеры (актуализованные ядерные семы выделены жирным шрифтом):

Представьте, занялась катерингом и процветает. Свою продукцию называет «вкуснота». Мы были на двух банкетах, которые обслуживала ее фирма: вполне прилично, аппетитно, деликатно. Мы думали, что ее самолюбие ущемлено ролью обслуги, пусть и начальницы, но без права участвовать в застолье как *гостья*. Ничуть не бывало: во время короткой встречи в коридоре успела нам сказать: я вас всех как облупленных знаю и в гробу видала. *Анатолий Найман, Галина Наринская. Процесс еды и беседы. 100 кулинарных и интеллектуальных рецептов // «Октябрь», 2003*

–*лицо, которое угощают* (остальные ядерные семы не актуализованы)

А старик, видать, все эти годы не видал женского лица, и ему будет приятно... Так вы не возражаете? Она пожала плечами. — Делайте, конечно, как считаете необходимым, я такая же *гостья*, как и он. Ю. О. Домбровский. *Факультет ненужных вещей, часть 5* (1978)

— *лицо, которое не имеет права распоряжаться*

Должно быть, оттого Оленюшке всё никак не удавалось войти в круг хозяйственной жизни. Нет, её не отталкивали, не обижали недоверием. Просто она всё время чувствовала, что она здесь не своя. *Гостья* — и только. А значит, не ей месить тесто, не ей готовить еду и мыть горшки с мисками, не ей шить, ткать, вязать, доить коров, кормить поросят... Оленюшке, отроду не приученной сидеть сложа ручки, вынужденное безделье было едва ли не тяжелее всего. Как она завидовала Шаршаве, которого местный кузнец с радостью допустил к себе в кузню! Мария Семенова. *Волкодав: Знамение пути* (2003)

— *лицо, которое не участвует в хозяйственных работах по дому*

Она у Мани не обслуга, не сопровождение, а *гостья*, какая-никакая подруга, и тут не уйдешь под яблоню как посторонняя, тут сидеть и разговаривать надо, и выпить придется за Маню, а она ни к чему этому уже не годная. Она поняла это еще с ночи, когда сначала хотела поговорить с Ленчиком, а потом разоткровенничалась с Лидусей. Никакого облегчения ей это не принесло. Наоборот. Галина Щербакова. *Ах, Маня...* (2002)

— *лицо, которое необходимо должно участвовать в общей беседе*

«И да поможет Господь всем бесприютным скитальцам... » Сорин (пытается приподняться). Господи, Нина Михайловна, милая, что вы такое говорите! Вы моя *гостья*, драгоценная *гостья*. Да на вас сухой нитки нет! Долго ли простудиться. Вот, возьмите мой плед. Борис Акунин. *Чайка* // «Новый Мир», 2000

— *лицо, которое нуждается в заботе, помощи*

Каким-то образом Колькина мамаша устроилась так, что вместо школы, куда ее вызывали по-прежнему часто, стала приходить к учительнице домой. Здесь она была уже *гостья*, причем единственная — Софья Андреевна много лет никого к себе не приглашала, — и потому ее присутствие изменило самый состав жилья, непривычного к чужим и беззащитного перед их вторжением. У *гостьи* появилась персональная тарелка, чашка в крупный горох, вилка со сведенными зубьями. Ольга Славникова. *Стрекоза, увеличенная до размеров собаки* (1995-1999)

— *лицо, которое имеет привилегированное положение*

— Будем через час. — Да вы не один! У меня тоже гости. — Наталья Стоун — не *гостья*. Она наша соратница. — Прошу прощения и у вас, инспектор, и у Натальи Стоун. Я не хотел никого обидеть. Сергей Жемайтис. *Большая лагуна* (1977)

— *лицо, требующее особого отношения*

— Лето ведь, тепло, — сказала она, разглядывая его. — Все равно такая поговорка, — рассердился он, — да вы снимите ваш крахмал, ей-богу! Скрипит же... — Доктор, миленький, — сказала она нараспев, — я ведь *гостья*... Он суетливо кинулся за спиртом. Пока возился, в затылке ныло от ее насмешливого взгляда. «Молоденькая,

чертовка, — думал он, — еще не обломалась... Булат Окуджава.
Путешествие дилетантов (Из записок отставного поручика Амирама Амилахвари)
(1971-1977)

— *лицо, которое может рассчитывать на внимательное отношение*

Да мне и не предложили. «Сидят, — думаю, — своим тесным, сплоченным буржуазным кружком, как арабы у костра, рассказывают свои сказки. Разве они о чужом человеке подумают? Конечно, мне, в сущности, все равно, но все-таки я — *гостья*. Неделикатно с их стороны». — Конечно, мне все равно. Но тем не менее все-таки хочется рассказать... Н. А. Тэффи. *Арабские сказки (1911)*

— *лицо, которое нельзя игнорировать в общении*

... смело возразила я. Он еще строже нахмурился и сказал сурово: — Не было случая на веку бека-Мешедзе, — а старый бек живет долго, очень долго, — чтобы дети учили взрослых, как поступать. Если ты пришла как *гостья*, войди, женщины угостят тебя бараниной и хинкалом... Тогда будь тиха и не напоминай о том, что неприятно слышать ушам старого бека-Мешедзе. — Нет! Нет! Л. А. Чарская. *Вторая Нина (1909)*

-*лицо с добрыми намерениями в отношении хозяев*

Приведем примеры актуализации значения слова при его окказиональном переносном употреблении на примере лексем тематической группы «Техника».

[О спускаемом аппарате космического корабля] — На этом-то вы и летаете? — спросил геолог. Бортинженер обиделся и ответил недовольно: — Весьма надежный аппарат. — «*Ньюпор*»! — покачал головой геолог. — «*Фарман*»! Желая видеть его через пятьдесят лет в музее (Ю. Апенченко. Ночь на горе).

Актуализованы ядерная архисема «**летательный аппарат**» и периферийные семы «примитивный», «несовершенный».

[Об «инвалидке» Петра Житова]: частенько и зимой и летом житовский «*Кадиллак*» возят на буксире трактора и автомашины (Ф. Абрамов. Дом).

Актуализована ядерная архисема «**автомобиль**» и периферийные семы «высокое качество», «престижность», «комфортабельность», «дороговизна»; в условиях контрастной номинации наводятся денотативная сема «несовершенный» и эмоциональная сема «ироническое»

Но и мастера, конечно, были выдающиеся. Станок — *телега*, а он на нем фигурные детали вытачивает (В. Кожевников. Корни и крона). Актуализована ядерная архисема «**устройство**» и периферийные семы «устаревшее», «примитивное».

[Жена починила осенние ботинки героя]. Теща ...попросту вышвырнула бы в окно эти дырявые *корабли* (Р. Киреев. Подготовительная тетрадь). Актуализованы ядерные семы «**предмет**», «**для перемещения по воде**».

– Старею, – отдуваясь, проговорил он. – На третий этаж без лифта поднялся – чуть главный *двигатель* не пошел вразнос (В. Санин. Одержимый); Уверял себя, что молод и силен ...*мотор* работает и клетки не до конца отравлены шлаками (10. Мушкетик. Позиция); Иван Матвеевич ... долго успокаивал дыхание. «*Мотор*» работал с перебоями, во рту пересохло (В. Еременко. Слепой дождь). Актуализованы ядерные семы «**устройство**», «**приводит в движение** (механизм)» и периферийная сема «**основная часть** (машины)».

Через десять минут друзья предстали перед шустрой девицей в очках-колесах (Ф. Таурин. Высокие берега). Актуализована ядерная сема сема «**круглое**» и периферийная сема размера «**большое**».

– Может, добавку подсыпать? – осведомилась, поднимаясь из-за стола, величественная, необычайно толстая стряпуха. ...– *Трактор «Фордзон»*, а не баба! – восхищенно сказал Дубцов (М. Шолохов. Поднятая целина). Контекстуально наведена сема «**лицо**», актуализированы периферийные семы «**крупные габариты**», «**тяжелая**».

Родион пошел. Топор заблестел, зазвенел. ...Славно! – *Комбайн!* – проговорил кто-то из рабочих (В. Чивилихин. Елки-молотки); Я копал ...обогнал напарника – чуть ли не две трети карниза прошел и заслужил комплимент: «*Бульдозер*, не парень!» (В. Чивилихин. Пестрый камень). Контекстуально наведена сема «**лицо**», периферийные семы «**высокая производительность**», «**эффективность**».

Он с нею танцует особенно как-то, Рука на весу и глаза в полусне. А я в этом деле действительно *трактор*, Тут даже и пробовать нечего мне (А. Твардовский). Контекстуально наведена сема «**лицо**», актуализованы периферийные семф «**неповоротливый, неловкий**».

Самолет так встряхнуло, что не все удержались на своих местах. – *Бетономешалка* чертова! (В. Санин. Точка возврата).

Актуализованы ядерные семы «**устройство**», ядерная сема «**перемешивание бетона**» модифицирована в контекстуальную сему «**интенсивность перемешивания**», сема расщеплена.

– Учите ее думать, а считает пусть машина. [Директор школы] с раздражением бросил свою трубку на рычаги. «*Робот* какой-то, а не папа. «Учите ее думать...» Научишь такого думать...» (Э. Пашнев. Белая ворона).

Сема *лицо* наводится контекстом, актуализируются периферийные семы «**стандартность поведения**», «**запрограммированность**».

Неужто твоя Нелька [почтальонша] с посыленцией не справится? Этаким *студабекер*! (О. Гончарова. Потрясенный).

Сема *лицо* наводится контекстом, актуализируются периферийные семы «**крупная**», «**мощная, сильная**».

Плафоны под потолком, стены кафелем выложены. Просторно, светло, хоть газету читай. – У вас не погреб – *метро!* – смеялись соседи. Это уже когда в Киеве метро построили (А. Димаров. Три невесты для нашего бати).

Актуализируется ядерная сема «**сооружение**», периферийные семы «внешне привлекательное», «светлое», «красивое», наводится положительно-оценочная коннотативная сема.

[Тренер аргентинской сборной] пришел к выводу, что аргентинский футбол на фоне европейского – «*телега*», что они играют в ритме медленного танго (Неделя, 1981, № 29).

Наводится контекстуальная архисема «футбол», актуализируется периферийная сема «медленность движения».

Где-то в городе -назойливо воеет сирена, из-за бугра поднимаются серые *паруса* дыма (И. Арсентьев. Сталинградские рассказы). Наводится контекстуальная сема «клубы», актуализируется эмпирическая сема «форма» с эмпирическим семным конкретизатором (чувственный образ). (образ).

«Ах, эти дамы чернобровые! На пальцах рук – по «*Жигулям*», В ушах сияют «*Волги*» новые... (Лит. газ., 1983, 19 янв.).

Наводятся семы «кольцо», «серьги», в наименованиях автомобилей актуализируется периферийная сема «дороговизна».

– Вы грубо нарушаете светомаскировку. Она не понимает. – *Прожектора* включены она полную мощность, – говорю и закрываю ладонями ее глаза (И. Арсентьев. Сталинградские рассказы).

Наводится контекстуальная сема «глаза» и актуализируются периферийные семы «внешние очертания», «блеск» с эмпирическими семными конкретизаторами.

Во всех приведенных выше случаях наблюдалась реальная актуализация значения – в том смысле, что контекст актуализировал конкретные компоненты значения, которые поддаются контекстуальной диагностике и формулированию на естественном метаязыке семантического описания.

Актуальные смыслы, представляющие собой реальную актуализацию значения, подразделяются на дискретные и недискретные.

Дискретный актуальный смысл – это конкретный вычленимый набор актуализованных сем, выявляющийся в коммуникативном акте и поддающийся описанию через перечисление компонентов.

Недискретный актуальный смысл – такая актуализация значения, при которой актуализованные семы представлены нерасчлененно, недискретно; в этом случае нельзя сказать, ядро или периферия актуализованы, нельзя выделить более и менее яркие семы (яркость всех актуализованных сем приблизительно одинакова), нельзя достаточно определенно перечислить актуализованные семы.

Например:

Перед ним сидело невыразимое никакими словами существо – **девушка**.

Слово **девушка** актуализовано во всем объеме своих сем, без актуализации отдельных сем.

Недискретный актуальный смысл часто характерен для семантики существительного, стоящего в позиции А в конструкции «не А, а В», когда элемент В – существительное оценочного характера (Харченко, 1973, с. 142): *не ребенок, а горе; не работа, а наслаждение; не женщина, а восторг; не человек, а зверь* и т.д. Существительные, стоящие в позиции А (при отрицании) актуализованы в недискретном актуальном смысле, семы, релевантные для коммуникативного акта, четко не выделимы. Сравнение в этом случае не осуществлено по какому-либо конкретному признаку и носит чисто формальный характер (Ср.: *не человек, а мученица; не дочь, а кремень; не девка, а дрожжи; не девица, а просто ковбой; не станок, а чудо; не человек, а тормозная колодка; не человек, а вулкан* и др.).

Подобные конструкции необходимо отличать от реального противопоставления: *не золото, а серебро; не девочка, а мальчик; не речушка, а ручей; не профессионал, а любитель; не чайник, а кофейник; не арифметика, а высшая математика; жизнь, а не арифметика; не хата, а модный салон; не схема, а реальный человек; не завхоз, а трусишка; не рана, а царапина; здесь школа, а не парламент; производство, а не фронт; мыши – не волки; школа не монастырь; мы геологи, а не интуристы* и т.д. Во всех этих случаях слово, стоящее с отрицательной частицей, актуализируется в дискретном актуальном смысле, так как осуществляется противопоставление по конкретным признакам, хотя во многих случаях актуализируемые признаки являются периферийными, слабыми.

В тавтологических конструкциях с удвоением имени (*спорт есть спорт, женщина есть женщина*) первое употребление слова также представляет собой недискретный актуальный смысл, а второе – дискретный (правда, в большинстве случаев этот смысл требует экспликации, т.е. поддержки контекста, так как актуализируются в основном слабые семы). Например: *Север есть Север, пацан есть пацан, бой есть бой, баня – это баня, офицер есть офицер, провинция есть провинция, космос есть космос*; ср.:

– Козлята... – со всхлипом напомнила она с крыльца... Тоже надо покормить. – Баба... – оправдался за жену Тарасов. – Баба есть *баба*... *Тонкослезная* (Б. Екимов. Сенокосолома); – Нет, я ничего не говорю, лопухи и есть *лопухи*. *Сорняк*... Просто я хотел сказать, что красота есть во всем, даже, как видим, в горьком лопухе (В. Солоухин. Рассказы).

Недискретный актуальный смысл наблюдается и при так называемой всеобщей референции, т.е. употреблении слова в обобщающем смысле, как представителя класса предметов целиком: *кошка* – млекопитающее, любите *книгу* – источник знаний и т.д.

Кроме того, в определенных контекстах возможно также асемантическое употребление слова - употребление слова без актуализации его значения (нулевой актуальный смысл)

Употребление слова без актуализации его содержания называют автонимным употреблением (термин Р. Карнапа), т.е. употреблением имени для собственного наименования (Тондл 1975, с.158). Так, автонимным будет употребление слова *рука* в следующих контекстах: рука – слово из четырех букв, рука – русское слово, рука – хорошо звучит. Здесь никакие компоненты системного значения слова *рука* в речи не актуализируются, слово выступает без своего плана содержания, только в виде материальной оболочки, т.е. реализуется асемантически.

Другим примером асемантической реализации слова в коммуникативном акте является чисто экспрессивное употребление слова, когда в коммуникативную задачу говорящего входит лишь создание экспрессии, эффекта номинативной новизны. В таком случае номинация может быть совершенно номинативно не оправданной. Например:

А ежели любите суп, то из супов наилучший, который засыпается кореньями и зелеными: морковкой, спаржей, цветной капустой и всякой тому подобной *юриспруденцией* (А. Чехов. Сирена); – Я отходил. Я же предупреждал. Мне нужно было в аптеку. – Да? А еще что расскажете? В аптеку. Тоже мне, *Евгений Онегин!* (А. Кургатников. Ракурсы); Вот вы уборку собрались механизировать. А фонды откуда? Вот, значит, какой *пейзаж* получается (В. Кожевников. Корни и крона); [О девушке] – Ну, я бы ее приласкал! Я б с ней такие *мемуары* завязал! (Г. Сквиренко. В конечном счете). О чисто экспрессивном употреблении см. (Харченко, 1983, с. 46-47; Девкин, 1979, с. 227).

Такие употребления не могут быть подвергнуты семному описанию.

Эффективному и достоверному контекстуальному семантическому описанию могут быть подвергнуты только реальные дискретные актуальные смыслы.

При актуализации ядерных компонентов значения в контексте может наблюдаться контекстуальное усиление одной из сем, чаще – архисемы.

Например:

Валя же совсем покой потеряла: неужели у них все время о машине разговор? – И что за человек наш отец? – жаловалась она Максиму. – Все о *шатунах* да *карбюраторе*. Это же какая женщина выдержит (А. Димаров. Три невесты для нашего бати).

Актуализовано ядро значений с усилением архисемы «**техническое устройство**».

Говорили о том, что с *трактором* он [Тарасов] как с живым человеком говорит и тот его понимает (Б. Екимов. Сено-солома). Среди ядерных сем усилена архисема «**предмет**» и актуализована периферийная сема «неодушевленный».

К ядру с усиленной архисемой может присоединиться наведенная коннотация:

[О пьесе на производственную тему]. – Настоящая правда не в разных там *вагранках*, *электропечах*, *станинах* или *рейсиинах* (В. Еременко. Слепой дождь); [Боцман – матросу]. – Вот постигнешь морскую науку, оно и легче будет. – А зачем мне ее

достигать? Я же другим буду заниматься, другим! На кой черт мне эти ваши *шкентеля с муссингами* пополам с *ватервейсами*! (Ю. Пахомов. Шонг Зой). Усилена архисемы «техническое устройство», актуализованы периферийные семы «узкоспециальное назначение» и наведены контекстом неодобрительно-оценочная и эмоционально-пренебрежительная семы.

– Дак как, Николай Иванович, насчет Петрова-то? А? Без ножа режешь [задержал его в милиции]. У меня *трактор* стоит, сев на носу (В. Белов. Повести); Где танк гремел – там ныне мирный *трактор* (А. Ахматова); [У первого жителя этих мест] о широких артельных полях, о *тракторах* и *комбайнах* и, на волосок думы не было (А. Кривоносое. Провинция). Усилены архисема «машина» и дифференциальная сема «сельскохозяйственная».

[Свидетель вынужденной посадки самолета летчику] – Ну, летчик, ты даешь! Смотрю, жмешь без звука. Я подумал, что *планер*, а у тебя вроде бы как *самолет* (В. Шурыгин. Если настанет минута). Усилены архисема «летательный аппарат» и дифференциальные семы «безмоторный» (планер), «с мотором» (самолет).

Самосвал в роли «Жигулей». Заголовок говорит сам за себя: многие руководители низшего звена производства, особенно в строительстве, вынуждены, экономя время, передвигаться на самосвалах, поскольку легковой транспорт им не выделяется (Лит. газ., 1982, 8 сент.).

В значении слова *самосвал* усилена архисема «автомобиль» и дифференциальная сема «грузовой», в значении слова «Жигули» – архисема «автомобиль» и дифференциальная сема «пассажирский, легковой».

В дизеле с генератором более тонны. Помножьте вес на 600 метров расстояния от свалки до места под крышей... Есть *трактор*. Но никто никогда на «Востоке» в такие морозы трактор не заводил (В. Песков. Зимовка).

Усилена архисема «машина», дифференциальные семы «мощная» и «для тяги сельскохозяйственных орудий»; последняя сема при актуализации расщеплена и усилен актуализованный компонент «для тяги».

[Машину разобьют], да так, что в железный ряд своим ходом не поставишь, *бульдозером* придется затаскивать (Г. Немченко. Проникающее ранение); *Трактором, бульдозером* не смять эти железные ограды (Ф. Абрамов. Дом); «Победа» лишь кренилась еще более и увязала все глубже. – «Все». – Он [шофер] безнадежно махнул рукой. – «Теперь ее только *трактором* выволочь можно» (А. Рекемчук. Тридцать шесть и шесть); Но плаху одному не поднять. Рядом курили два парня, лет по семнадцати. – Помогите поднять. – Пусть *трактор* ее поднимает. Ты, дядя, спятил (Сов. Россия, 1983, 8 апр.); Покуда пахали на малосильном коняге, пашню бороздили только сверху, только верхний слой ее подымали. А появился *трактор* – начали наизнанку выворачивать. Дескать, чем глубже, тем лучше (Ф. Абрамов. Дом).

В составе актуализованного ядра усилена дифференциальная сема «мощный».

Трудности они в этих походах переживали настоящие, рюкзаки на себе тащили тяжеленные – куда геологам! У тех-то есть *вездеходы, вертолеты...* а тут и еда, и спальные мешки, и палатки – все на горбу (А. Черноусов. Второй дом). В составе актуализованного ядра значения усилена архисема «средство транспорта» и актуализована периферийная сема «облегчает деятельность людей».

Подростком Сергей работал прицепщиком на взмете зяби и втихомолку мечтал о том, что бы хоть однажды переместиться с *плуга* на *трактор* (Г. Пряхин. День и ночь).

Актуализовано ядро значения, усилены архисема «машина», дифференциальные семы «самоходная» (трактор), «несамоходная» (плуг) и актуализированы периферийные семы «технически несложный» (плуг) и «технически сложный» (трактор).

Сигачев стал заливать, что отец у него генерал, что он до войны имел свою *легковушку*, мы перестали ему верить (А. Генатулин. Атака).

Актуализовано ядро и периферийная сема «престижность».

— Да звони же в милицию, пока еще недалеко убежали... Они же на машине. – На *машине?* – Председатель даже присвистнул. – Теперь ищи ветра в поле! (А. Димаров. Мажориха).

Актуализовано ядро и периферийная сема «быстроходность».

— На Малиновку дорогу знаешь? – Еще бы не знать. – *Машина* туда не пройдет, на *тракторе* надо (А. Кривоно-ев. Провинция); – Что ты, говорит, у нас на *тракторе* еще кое-как до деревни доберешься, а чтобы на *машине*, на *грузовике* – лучше и не думай (Ф. Абрамов. Дом). Актуализируется ядро и периферийная сема «высокая проходимость» в значении слова *трактор* и «низкая проходимость» в контекстуальных значениях слов *машина, грузовик*.

В такой грязи и *вездеход* застрянет, где уж им-то, на *мотоцикле*, и думать нечего лезть в ручей (А. Черноусов. Второй дом). Значение слова *вездеход* актуализовано в объеме ядра значения, а значение слова *мотоцикл* – в объеме ядра и периферийной семы «низкая проходимость».

Мы с Дондуковым на поля, на семенные участки. Она [жена Дондукова] за нами по лугам на мотоцикле, чтобы опередить нас. – Лена звонко рассмеялась, весело поглядывая на мужа. – Заметь, на *мотоцикле!* Ревнивица эпохи НТР! (Г. Марков. Грядущему веку).

Актуализованы ядро и периферийные семы «быстроходность», «требуется навыков управления», «сложность в управлении».

– Позвони в цех! Скажи, чтобы освободили грузовой лифт и опустили вниз. Заберу твой «газик» – «Волга» в лифт не войдет (Г. Немченко. Приникающее ранение). Актуализованы ядро и периферийные семы размера в объеме значимостей: «небольшой размер» и «большой размер».

«*Mercedes*» на Ордынке смотрится куда заманчивее, чем на Елисейских полях – там «мерседесов» навалом (Е. Евтушенко. Ягодные места).

Актуализовано ядро и периферийные семы «престижность», «зарубежное изготовление».

«Жигули», конечно, ему пока не купить, но не всем же на *машинах* разъезжать, надо кому-то и пешочком, и на *метро*, и на *автобусе* (В. Кондратьев. Знаменательный день).

В значениях единиц «*Жигули*», *машина* актуализованы, кроме ядерных, периферийные семы «комфортабельность», «престижность», «дороговизна»; в значениях слов *метро*, *автобус* – значимости периферийных сем «дешевизна», «некомфортабельность», «непрестижность».

[Владелец «Волги»] теряет покой, ему нужен гараж, он отныне плохо спит – боится, что дорогую машину украдут, что ее зацепит и изуродует *самосвал* (В. Санин. Точка возврата); [Владелец «Запорожца»] нализался водки и врезался в «МАЗ». «МАЗу» что, «МАЗ» и глазом не моргнул, а «Запорожец» вместе с хозяином: би-бип – прямо в царство небесное (А. Димаров. Три невесты для нашего бати). В значениях слов *самосвал*, «МАЗ» актуализованы ядро и периферийные семы «крупный», «тяжелый» «представляющий угрозу».

– Партизаны в пути. Им предстоит форсировать Горынь. – Каверзная река. Днем вся в проталинах, а ночью по льду хоть *грузовик* переправляй (Н. Гамов. Задание выполнено). Актуализована, кроме ядра, периферийная сема «тяжелый».

При вольной жизни я бы зараз может свой *автомобиль* держал! (М. Шолохов. Поднятая целина); ...Завистливые мальчишеские разговоры о сверстнике, которому отец подарил на шестнадцатилетие *машину*, разжигали воображение (Комс. правда, 1981, 30 июля); Что прибавляет человеку обладание вещью? Если у него появляется «Волга», он не становится для меня ни хуже, ни лучше (В. Санин. Точка возврата). Актуализируется ядро и периферийная сема «престижность».

Мать с отцом, всю жизнь проработавшие в поле, на ферме, в состоянии не только прокормить дитё, но и купить ему «Жигули» (Коммуна, 1981, 26 дек.); Родители – не академики, не народные артисты – монтажники, птичники, простые рабочие и служащие с невеликими заработками. Для детей же все – хоть джинсы, хоть *мотоциклы* (Известия, 1983, 24 мая); [Корреспондент осматривает квартиру героев очерка]. Материальный достаток, так сказать, налицо. Стоит лишь уточнить детали. Ну, например, есть ли у хозяев *мотоцикл* или *машина*, для какой надобности, как помогает жить, отдыхать (Л. Беляева. Роман с чемпионом). Актуализованы ядерные семы и периферийная сема «дороговизна».

У нас в механическом оборудовании новейшее, а у них древнейшее. Это все равно, что *трактор* в *телегу* запрячь (В. Кожевников. Корни и крона).

В значении слова *трактор* актуализованы ядро и периферийные семы «технически совершенный», «отражает высокий уровень развития общества»; *телега* – «примитивность конструкции», «несложность», «отражает низкий уровень развития общества».

Что нужнее – отремонтировать *паровоз* или древний храм? (В. Чивилихин. Память). Актуализовано ядро и периферийные семы «повседневная необходимость», «утилитарная полезность».

Ждать пришлось недолго. Не прошло и трех-четырех минут, как он увидел быстро приближавшуюся машину. Это был черный «ЗИС-101». ...Поначалу Воронову и в голову не пришло, что такая машина может приехать за ним (А. Чаковский. Победа). Актуализованы ядро и периферийная сема «используется высокопоставленными лицами».

Древнейшее металлургическое производство так же далеко от современного, как, скажем, *экскаватор* от мотыги (Сов. Россия, 1983, 23 июня).

Актуализованы ядро и периферийные семы «техническая сложность», «совершенство конструкции», «отражает высокий уровень развития общества».

Работали, ковыряясь на пяточках, куда *экскаватор* не заведешь, разбивая кувалдами бетон (А. Аграновский. Реконструкция: назревшие проблемы). Актуализованы ядро и периферийные семы «крупный размер», «высокопроизводительная».

Мой младший брат за руль сел, когда еще в школу не ходил. Мальчонку из-за руля не видно, от горшка два вершка, а уже *трактором* управляет (Лит. газ., 1983, 27 марта).

Актуализованы, кроме ядерных, периферийные семы «конструктивная сложность», «трудность управления», «управляется взрослыми людьми».

Надо больше сеять. А как ты с *сохой* или (однолемешным *плугом* больше посеешь? Только *трактор* может выручить. Факт (М. Шолохов. Поднятая целина).

В значениях слов *соха*, *плуг* актуализованы, кроме ядерных, периферийные семы «малопроизводительность», в слове *трактор* – периферийная сема «высокопроизводительный».

Пытались убеждать: – Парень грамотный, пусть на *трактор* идет или в электрики (Коммуна, 1981, 26 дек.).

Актуализируются ядро и периферийная сема «техническая сложность» «высокая квалификация, необходимая при обращении».

Вот, считается, современный дом. Высокий, чтобы в подвале *автокран* мог свободно развернуться. – А зачем автокран в подвале? – А бочки переставлять (Г. Немченко. Проникающее ранение).

Актуализируется ядро и периферийная сема «высокий».

— Уж не через Торопень ли ты метишь с возами? – А что? Так ближе. – Там в ростепель вода поверх льда пошла. – А сейчас уже новый ледок, в ладонь – *трактор* выдержит (О. Гончарова. Потрясенный); ...Силушка такая, что скатить с бугорка колесный *трактор* для него [деревенского парня] труда не представляет (Коммуна, 1981, 26 дек.), Вошел Петро. За ним его дружки – трактористы. Хлопцы все как один плечистые, сильные: эти не то что человека, *трактор* играючи поднимают на плечи (А.

Димаров. Мажориха).

Актуализируется ядро значения и периферийная сема «тяжелый».

— Не мог мне подсказать, что двенадцать соток марганца сталь не портят? — Я думал, тебе не годится. Я же не знаю, для чего тебе... Может, вы там, в Нижнем Тагиле, *спутники* делаете (А. Каштанов. Коробейники). Актуализовано ядро и периферийные семы «изготавливаемый из особо качественных материалов», «высокое качество изготовления».

Это все равно, что на автомобильный завод смежники стали бы поставлять вместо *карданных валов оглобли* (Р. Киреев. Подготовительная тетрадь).

Актуализованы, кроме ядерных, периферийные семы «характеризует высокий уровень развития техники» (карданный вал), «примитивность», «характеризует низкий уровень (развития техники)» (оглобли).

Поэзия трубадуров при всей своей временной отдаленности все же ближе мне, чем самая современная *лазерная установка* (Р. Киреев. Подготовительная тетрадь); Если бы не портативная ЭВМ... можно было бы подумать, что перейдя порог кабинета, Николай Васильевич шагнул куда-то в тридцатые годы (И. Герасимов. Миг единый). Актуализованы ядро и периферийные семы «отражает высокий уровень развития техники», «характерность для современной жизни».

— А земля в Индии богатая... По три урожая снимают. И все равно голодают. Голодают так, что мрут. — Они же *спутники* делают! — не выдержал Иван Матвеевич (В. Еременко. Поколение).

Актуализованы ядро и периферийные семы «конструктивная сложность», «отражает высокий уровень развития общества».

3. Контекст осуществляет вербальное усиление слабых, периферийных тем через их экспликацию, редупликацию.

Некоторые периферийные семы не могут быть актуализованы в составе значения без эксплицитной лексической поддержки. Это бывает со слабыми, неяркими семами, актуализацию которых, однако, говорящий включает в свое коммуникативное намерение. В таком случае периферийные семы нуждаются в обязательном эксплицитном вербальном дублировании.

Приведем примеры с актуализацией прилагательного *гостеприимный* (вербальная редупликация, осуществляющая усиление периферийных сем, выделена жирным шрифтом):

Придя домой, Штрум увидел на вешалке знакомое пальто, — его ждал Каримов... Каримов проговорил: — Я к вам из колхоза, читал там лекцию, — и добавил: — Только, пожалуйста, не беспокойтесь, **в колхозе меня очень кормили** — ведь наш народ исключительно *гостеприимный*. И Штрум подумал, что Людмила Николаевна не

спросила Каримова, хочет ли он чаю. Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2 (1960)

Усилена сема «обильное угощение»

В редкие дни увольнений торопился в город. Самарканд — город-красавец, город-музей. Ему, белорусскому пареньку выросшему среди лесов и болот, все здесь было внове. Узбеки — народ **гостеприимный**, **любили поговорить**, свое армейское, а то и фронтовое прошлое вспомнить. Угощали пловом, шашлыком, виноградом. Судьба моя - спецназ (2004) // «Солдат удачи», 2004.10.06

Усилена сема «активное ведение беседы с гостями, общительность»

Я — человек *гостеприимный*, и **всегда рада испечь для гостей свой фирменный лимонный пирог** — типичный американский десерт к чаю. Мои русские друзья от него в восторге. Певица Ариана: «Моя мечта петь в России сбылась!» (2003) // «Мир & Дом. City», 2003.09.15

Усилена сема «готовый угостить вкусным, изысканным блюдом»

Здесь есть даже свои автомобильные музеи, но в отличие от коллекции князя Ренье они занимают, как правило, лишь несколько комнат и **гостеприимный** хозяин не только **не возьмет с вас денег за вход**, но и, если вы готовы слушать, с **удовольствием расскажет** какую-нибудь увлекательную гоночную историю.. Владимир Маккавеев. Дух «гоночной долины» (2002) // «Формула», 2002.03.15

Усилены семы «оказывает гостеприимство бесплатно», «общительность».

— Даже не знаю... — выдохнула Марина и бочком пробралась к креслу мимо выдвинутого на середину комнаты столика. — **Ну пожалуйста.** — *Гостеприимный* Савва **чуть не насильно вложил ей в руки стопку**. — А то мы будем чувствовать себя законченными алкоголиками. Марина не заставила себя уговаривать и сделала глоток коньяка. Марианна Баконина. Школа двойников (2000)

Усилена сема «предлагает выпивку, побуждает к выпивке»

Третья мысль была хуже двух первых, потому что **Ельцин отправился из театра пешком**. Автомобиля его лишили, а в театре в то перестроечное время с автомобилями было плохо, к вечеру они подлым образом кончались. Я, как *гостеприимный* хозяин, ударился в панику и бросился к нашему электрику, который, по слухам, владел непристойного вида старым «**Запорожцем**». Мы догнали одиноко шагающего Ельцина в переулке, и я аристократическим жестом распахнул с неприличным скрипом дверцу **поданного автомобиля**. Ельцин оценил благородный поступок коллектива и, поблагодарив, полез в «Запорожец», полагая в нем уместиться. Это был явный просчет будущего Президента России. Марк Захаров. Суперпрофессия (1988-2000)

Усилена сема «заботящийся о благополучном возвращении гостей домой»

За столом адмирал оказался рядом с нашим богатырем-механиком Федей Львовым, к которому сразу расположился, — видимо, по контрасту их комплекций. Федя, как *гостеприимный* хозяин, **постоянно что-то подкладывал в тарелку** адмирала, но главное — **следил, чтобы рюмка гостя не оставалась пустой**. Он так опекал изящного соседа, что тот **ел чуть ли не из рук** «русского медведя». Но самая трогательная сцена была во время расставания. Гости так хорошо пообедали, что, когда

мы вели их к самолету, некоторых приходилось поддерживать. Юрий Сенкевич. Путешествие длиною в жизнь (1999)

Усилена сема «настойчиво угощает гостей»

...обвинялся я очень четко в ведении агитации против колхозов, что подтверждалось показаниями рядового охраны лагеря, колхозника деревни Лача Ивана Константиновича Габова, моего квартирохозяина во времена пребывания в составе экспедиции. Друг и неразлучный спутник длинных таежных походов, *гостеприимный*, внимательный хозяин, **доверительно изливавший** мне у лесных костров свои жалобы на нищенскую жизнь! О. В. Волков. Из воспоминаний старого тенишевца (1988)

Усилена сема «искренний в общении, доверительно беседующий»

— Выпейте с нами за сей *гостеприимный* кров, за сей **приют для всех озябших, утомленных и алчущих** и за хозяина его — прекраснейшего человека! Геннадий Алексеев. Зеленые берега (1983-1984)

Усилена сема— «предоставляющий жилье нуждающимся»

Видимо, он был огорчен таким сообщением, тем не менее, по возвращении с его предприятия обратно в Париж я выяснил, что сей *гостеприимный* хозяин **без моего, конечно, ведома**, поставил в багажник автомобиля **ящик шампанского**. Анастас Микоян. Так было (1971-1974)

Усилена сема «дарит подарки гостям без их согласия»

— Э, доктор, — сказал Амираджиби, — кажется, **вам надо дать бренди** сейчас... Петроковский **не возразит**, он *гостеприимный*. Юрий Герман. Дорогой мой человек (1961)

Усилена сема «готов предложить выпивку»

Затем наш *гостеприимный* хозяин предложил осмотреть дом. — **Идите во все комнаты и смотрите не стесняясь**. В доме мы не заметили ничего лишнего, никакой роскоши. Здесь всё очень просто, скромно и чисто. Г. Ф. Байдуков. Встречи с товарищем Сталиным (1939)

Усилена сема «предлагает осмотреть дом»

4. Контекст наводит семы в контексте, то есть вносит семы в значение слова в конкретном контексте, в конкретном акте речи.

Примеры наведения семы контекстом (наведенные семы выделены жирным шрифтом):

- Я сделаю из вас *математиков!*», - кричала учительница. Актуальный смысл — **хороших, знающих математиков**.

Но учтите, они пришли сюда не для того, чтобы вам удобнее было их допрашивать. И не рассчитывайте на *угощение*. Только чай. Леонид Юзефович. Князь ветра (2001)

— **обильная еда и напитки**

Он не прибирал посуду, не уносил хлеб, Степанида тоже не подходила сюда — она отчитывала его с порога. — Устроил *угощение*! Сало, огурцы! Василь Быков. Знак беды (1982)

— **недостаточное, бедное угощение**

Подождите здесь, — ответила фигура и исчезла за боковой дверью надстройки. — Вот это *гостеприимство*, — усмехнулся Ильин. Мы молча стояли за его спиной, и нам было тоскливо. Сергей Иванов. Марш авиаторов // «Звезда», 2002

— **плохое, ненастоящее гостеприимство**

Но выбора не оставалось. Такой уж оказывалась наша злая участь — подобно медведям продираться напрямик, только вперёд. Ветви деревьев, тесно сгрудившихся на нашем пути, цеплялись за нас, не желая выпускать из своих мокрых объятий. Их **гостеприимство** не останавливалось перед тем, чтобы в кровь раздирать нам лица, оставлять себе на память клочья нашего платья. Но мы шли, пренебрегая этим жестоким приёмом. Н.Н. Шпанов. Голубеграмма из Усть-Сысольска (1926)

— наводится сема «**ироническое**», «**отсутствие**», смысл — отсутствие доброго отношения

Полтора месяца руководство питерского клуба за этим наблюдало, пока наконец не увидело, как команда, ещё в начале сезона претендовавшая на один из комплектов медалей, увозит с выезда в Саратов — самый "**гостеприимный**" город премьер-лиги — всего одно боевое очко. Алексей Самура. Ничья вслепую. Герои и неудачники 21-го тура первенства страны по футболу (2002) // «Известия», 2002.08.26

— наводится сема «**ироническое**» и сема **отрицания** — негостеприимный.

Этот "*гостеприимный*" сибирский мужичок в известное время становится очень прижимистым, и горе путнику, не имеющему знакомых и оказавшемуся в моем положении. Владимир Чивилихин. «Моя мечта - стать писателем», из дневников 1941-1974гг. (2002) // «Наш современник», 2002.06.15

— наводится сема «**ироническое**» и сема **отрицания** - негостеприимный

— ... Ваше имя и отчество? — Вера Сергеевна. — Что же я вас держу здесь, вот так *гостеприимный* хозяин! Идемте сюда. — У меня извозчик, ему нужно отдать пятьдесят копеек, — сказала, смутившись, молодая женщина, — а я забыла у знакомых сумочку и в ней письмо к вам от Василия Никифоровича. — Ах, какая большая сумма — пятьдесят копеек! П. С. Романов. Видение (1925)

— наводится сема **отрицание** - негостеприимный хозяин.

А вот сейчас думалось другое. Вот вам Дуся. Еще та *гостья*. Этот голоногий субъект. Подарочек, ничего себе. Зинаида, бывшая врагиня номер один, Женя Семенова, женщина — молот и наковальня. Галина Щербакова. Ах, Маня... (2002)

- наводится сема **неодобрение, плохая**

— Не пойду. лягу здесь, не пойду! — Я те лягу! Нужна мне такая **гостья**. Марш с глаз долой! — Как быть-то? Куда обратиться? Владимир Тендряков. Находка (1965)

- наводится **отрицательная оценка** в значении «нужна».

5. Модификация сем в контексте

Еще одними семным процессом, который может происходить со словом в контексте, является модификация семы.

Модификация семы представляет собой разовую контекстуальную трансформацию содержания семы, заключающуюся в ее замене на другую, содержательно близкую или производную. Обычно она генерализируется, то есть составляет более общую часть той семы, которая модифицирована.

Например:

Самолет так встряхнуло, что не все удержались на своих местах. — *Бетономешалка чертова!* (В. Санин. Точка возврата).

Актуализованы ядерные семы «**устройство**», ядерная сема «**перемешивание бетона**» модифицирована в контекстуальную сему «интенсивность перемешивания», при этом ядерная сема расщеплена: из *перемешивание бетона* актуализирована лишь ее часть — *перемешивание*.

В дизеле с генератором более тонны. Помножьте вес на 600 метров расстояния от свалки до места под крышей... Есть *трактор*. Но никто никогда на «Востоке» в такие морозы трактор не заводил (В. Песков. Зимовка).

Усилена архисема «машина», дифференциальные семы «мощная» и «для тяги сельскохозяйственных орудий»; последняя сема при актуализации расщеплена и усилен актуализованный компонент «для тяги».

См. также в данном сборнике статью А.С.Полякова о слове *продаться*: словарное, лексикографическое значение слова *продаться* - разг. Из корыстных побуждений перейти на сторону противника, совершив предательство, измену. *П. иностранной разведке. П. ни за что*.

1. Сегодня *продаться* для сотрудника – обычное дело.

Актуализируется смысл «из корыстных побуждений перейти на сторону конкурента, совершив предательство, измену», неод.

Сема «противник» не актуализируется в контексте, она модифицируется в сему «конкурент». Диагностическим маркером модификации данной семы в контексте является фраза «для сотрудника», которая позволяет модифицировать противника в конкурента.

2. - Это будет выглядеть так, будто я вам *продался*. - Ну и что, что *продался*?! Вы ведь и приехали в Париж затем, чтобы продать подороже свою шпагу! [пер.: А.Дюма. Три мушкетёра].

В данном случае в первом употреблении слова *продаться* актуализируется смысл «из корыстных побуждений предоставить свои услуги кому-либо», неод. Сема *перейти* (на чью-либо сторону) модифицируется в более абстрактную сему *предоставить свои услуги*.

3. Джек согласился *продаться* ему за кружку эля, докатился! [Марина Каминская. По тыкве! (2002) // «Домовой», 2002.11.04].

Актуализируется значение «из корыстных побуждений согласиться полностью подчиниться чье-то воле, неод., презр.». Сема из корыстных

побуждений актуализована, сема *перейти на сторону противника* модифицируется в *согласиться полностью подчиниться чьей-то воле*.

Таковы основные семантические процессы, протекающие в контекстуально реализуемом значении слова.

От случаев актуализации значений и сем, наведения и модификации сем следует отличать обычную синтаксическую сочетаемость слов в высказывании.

Некоторый признак может не актуализироваться в значении и не наводиться контекстом, а предикцироваться слову в контексте и являться

компонентом не семантики слова, а смысловой структуры соответствующего высказывания.

Например:

Гость был *веселый*, все время шутил и рассказывал анекдоты.

Слово *веселый* предикцирует соответствующий признак «веселость» слову *гость* в данном высказывании, но не актуализирует сему «веселый» в значении слова *гость*, так как когнитивная верификация (о понятии когнитивной верификации см. ниже) не подтверждает наличия семы «веселость» в значении слова *гость* — он может быть и невеселым. Компонент «веселость» — это компонент смысловой структуры высказывания, а не компонент актуального смысла слова *гость* в данном контексте.

— Он тебе понравится, — сказал мой друг. — Мужик *культурный*, начитанный, с юмором [Сергей Довлатов. Чемодан (1986)].

Актуализируется сема *начитанность* — компонент значения *культурный*, что подтверждается когнитивной верификацией; в контексте эта сема вербально конкретизируется, усиливается. Диагностический фрагмент — лексема *начитанный*. Но сема *с юмором* не является компонентом значения *культурный*, выражение с юмором — ситуативная характеристика предмета речи, когнитивная верификация эту сему в значении *культурный* не подтверждает.

Рассмотрим также следующие примеры употребления слова *культурный*:

Арбатов проявил себя как храбрый, стойкий, дисциплинированный, подтянутый, *культурный* командир [Георгий Арбатов. Человек Системы (2002)].

Храбрый, стойкий, дисциплинированный, подтянутый — характеристика конкретного лица — Арбатова, а не экспликация компонентов значения слова *культурный*. Когнитивная верификация данные компоненты значения не подтверждает.

Аналогично:

Генерал высок, статен, живое лицо, блондин чуть седой, очень *культурный* и обходительный [Л. К. Бронтман. Дневники и письма (1946)].

Через недельку прилетает на помощь лама Б. из Иволгинского дацана осанистый, чрезвычайно *культурный* и элегантный господин [Василий Пригодич. Вечный путь (2003)].

— Конечно же, послушайте, у него же чудесный галстук, он же изящный, *культурный* человек [К.С. Станиславский. Моя жизнь в искусстве (1928)].

Попалась нам очень милая девушка Оля, довольно *культурная*, скромная, молчаливая, с красивыми золотыми волосами и нежным, бело-розовым цветом лица [Н. М. Гершензон-Чегодаева. Воспоминания дочери (1971)].

Одна ее предшественница — милая, скромная, такая *культурная* женщина — жила в никому не ведомом Симбирске на Волге... [Анатолий Кузнецов. Бабий Яр (1970)].

Такой улыбчивый, *культурный* молодой человек. — Что он хотел? [Игорь Мартынов. Главное Здание (1997)].

Иногда споры; критики Ермилов, Зелинский, Перцов и Серебрянский — все веселые, *культурные* и приветливые люди [Г. С. Эфрон. Дневники (1940)].

— Он *культурный*, он замечательный человек. Редкий человек [Эдуард Шим. Ребята с нашего двора (1976)].

Это очень симпатичный, *культурный* человек, независимых прогрессивных взглядов и хорошо к нам относившийся [Анастас Микоян. Так было (1974)].

Но мать человек, бесспорно, *культурный*, бывалый, много видевший [Г.С. Эфрон. Дневники (1940)].

Признаки *симпатичный, замечательный, веселый, приветливый, улыбчивый, скромный, молчаливый, изящный, обходительный, элегантный, бывалый* не могут рассматриваться как актуализируемые в контекстах семы прилагательного *культурный* — когнитивная верификация их не подтверждает, они являются ситуативными характеристиками лица, о котором идет речь в конкретном контексте.

Можно выявить некоторые формальные показатели, свидетельствующие о том, что значение слова в данном контексте актуализуется не в обычном, чисто ядерном актуальном смысле, а с участием периферийных сем или определенных семных процессов изменения значения (подчеркнем, что во многих случаях нетрадиционные актуальные смыслы не имеют никаких формальных показателей).

В устной речи нетрадиционные употребления слова могут выделяться интонационно.

В письменной речи интонация может передаваться вербально: *...презрительно сказал он, ...с восхищением протянула она* и др. (обычно такие случаи свидетельствуют о наведении сем) или графическими средствами, например, выделением курсивом:

— Я пишу статью, и она идет к главному через сто инстанций, и каждая — заметьте, каждая инстанция что-то там меняет, правит, смягчает... — Это же пресса, Юл, *пресса*, твоя писанина идет на всю страну, понимаешь? Тебе же спокойнее, когда визирует пять человек, когда стоит пять подписей (Е. Касатонova. Кому нужна синяя птица); — Елена Георгиевна, вас... Елена Георгиевна, слегка улыбаясь, прижала к уху трубку. Они все

внимательно за ней следили – они были **коллектив** и считали, что глядеть так в их праве (Н. Кожевникова. Елена прекрасная).

Часто показателем нетрадиционной актуализации слова являются кавычки:

Куда мог ездить Сергей, работая в районке? В санях на соломе, а то еще пешком – в «командировку» на пивзавод или, скажем, в Сельхозтехнику: как у вас дела с планом девяти месяцев? (Г. Пряхин. День и ночь); Пошла вторая половина июля, лето перевалило через свою «макушку» (А. Черноусов. Второй дом); Андрей видел, как она с этим своим крошечным мальчиком, ровесником Танюшки, с «мужчиной» своим, пилила дрова (Н. Короткая. Пропажа); Не мне бы заниматься обучением, идейным воспитанием этих семнадцатилетних болванов! Честно говоря, устаю я сильно, плечи режет от такого «рюкзака» (В. Чивилихин. Пестрый камень).

Отметим, что кавычки при нетрадиционном употреблении ставятся продуцентами текстов весьма непоследовательно: одно и то же употребление у одного и того же автора может в одном случае быть в кавычках, в другом – нет, не говоря уже о разных авторах.

Укажем и на некоторые синтаксические конструкции, которые можно рассматривать как формальные указатели нетрадиционного актуального смысла слова. В качестве примеров таких конструкций можно привести:

существительное + все-таки + существительное (я все-таки охотник);
существительное + ведь + существительное (он ведь начальник);
существительное + же + существительное (это же сибиряки);
существительное + еще + существительное (она еще школьница);
даже + существительное + глагол (даже лавочники поддержали);
в крайнем случае + существительное (в крайнем случае на «Победе»);
простой, обычный, рядовой, заурядный и т.д. + существительное (простой шофер, всего лишь бетонщик);
какой-никакой, а + существительное (какой-никакой, а ефрейтор) и др.

Для реципиента контекст выполняет **диагностическую функцию** – диагностирующие маркеры (лексические, синтаксические, тематические) выявляют конкретное значение и набор сем, которые актуализованы в данном контексте.

При восприятии значения для адекватного понимания реципиенту необходимо распознать вербальные и невербальные маркеры, диагностирующие актуализованное значение, семный состав актуализованного значения, а также семы, наводимые или модифицируемые в значении слова конкретной коммуникативной ситуацией.

Коммуникативно реализованное значение описывается исследователем на семантическом метаязыке. При этом одни и те же семы в одном и том же контексте могут быть описаны разными исследователями при помощи разных единиц метаязыка. Это явление никак не связано с неточностью или недостоверностью подобного описания сем. Разные возможные метаязыковые формулировки связаны прежде всего с *феноменом* (и можно

сказать – **законом**) множественности возможного метаязыкового описания семантических компонентов на естественном метаязыке, отражают многомерность, разносторонность семы как ментальной единицы, а также связаны с субъективными навыками метаязыковой фиксации семантики слова разными исследователями (о чем говорят различия в дефинициях одних и тех же слов в разных словарях).

В связи с этим метаязыковое описание семантики любого слова – в системе ли языка, в контексте ли – всегда содержит элемент субъективизма. Можно, однако, использовать некоторые вспомогательные приемы, которые позволяют верифицировать сделанное описание, сделать его по возможности более объективным, проверить его адекватность.

Можно указать на некоторые приемы, позволяющие проверить правильность выделения исследователем контекстуальных сем. Такая процедура особенно необходима для описания актуализации периферийных сем.

Может быть использована *когнитивная верификация* семного описания. Выявленные в контексте периферийные семы приписываются (предицируются) отдельно взятому, внеконтекстному слову: методом когнитивной рефлексии (мысленным анализом соответствующего концепта) определяется, присуща ли эта сема данному значению в языковом сознании носителей языка или нет.

Например, в слове *семья* в определенном контексте выявлена актуализованная сема «*требует внимания*». Данный признак мысленно предицируется слову *семья*: *семья – требует внимания*, то есть осуществляется вербальная экспликация актуализованных сем. Эксплицированная сема подвергается когнитивной рефлексии – действительно ли семья требует внимания в сознании русского человека?

Сема *требует внимания* в семантике слова *семья* подтверждается когнитивной верификацией. Если когнитивная верификация положительная – значит, данная периферийная сема актуализована в данном контексте, если верификация отрицательная – значит, сема наведена контекстом.

Аналогично в слове *женщина*:

Она не донесет этот чемодан, она же *женщина* – актуализована сема *физически слабая*. Эта сема подтверждается когнитивной верификацией.

В примере же:

- Я сделаю из вас *математиков!*», - кричала учительница, - выявляется сема *хороших, знающих* (*математиков*).

Сема «хорошие, знающие» не подтверждается верификацией: *математик – *хороший, знающий*, следовательно, она отсутствует в семантике слова *математик* в системе языка, а в данном случае наведена контекстом.

Другим приемом верификации описания актуализованных сем может служить развернутая синонимическая субституция, заключающаяся в том, что актуализованное слово последовательно заменяется на ряд других слов, которые могут в данном контексте заполнить место исследуемого. Затем проводится семантический анализ субститутов, включая и само исследуемое слово, и выявляются интегральные семантические признаки всех этих единиц, которые и составляют содержание актуализованного слова.

Например, слово *трактор* в предложении: – А в поле выедешь – знаете косогор за выгоном? – выедешь, а там хлеба стеной, *трактора* не видно! (Г. Николаева. Жатва) может быть заменено без большого ущерба для смысла на *комбайн*, *косилку*, *лошадь*, *столбы* и др. Семный анализ этих слов показывает, что их интегральными семами являются «**предмет, имеющий значительную высоту**», что и будет тем семантическим содержанием, которое актуализовано в слове *трактор* в рассматриваемом контексте.

Для верификации актуального смысла может быть использован также прием сопоставления слова с его переводными соответствиями.

Переводчик, осуществляющий перевод художественного текста, всегда старается как можно точнее передать смысл словоупотребления автора. Часто он вынужден передавать актуальные смыслы слов оригинала дополнительными словами, развернутыми словосочетаниями, описательными оборотами и т.д., что делает их обнаружимыми для исследователя языка оригинала. Чем опытнее переводчик, тем точнее передает он актуализованные семы переводимых слов и тем легче формулируются эти смыслы для слов оригинала, так как переводчик фактически уже проделал эту работу на языке перевода (который выступает в этом случае как метаязык) и обратный перевод позволяет установить актуализованные в единицах оригинала семы.

Например:

Да ведь комар-то не обыкновенный, а *гвардейского* росту! (М. Шолохов. Поднятая целина). – And they're not just ordinary mosquitoes, they're **as big as guardsmen**. В переводе выявляется актуализованная сема «**крупный размер**», которая передана отдельным сравнительным словосочетанием «**большой как гвардеец**».

Актуализованные компоненты могут быть определены и в том случае, когда смысл передан единицей языка перевода, эквивалентной актуализованным семам по своему прямому значению. Например:

И когда Самохин достал из портфеля увесистую папку, Нагульный больно ощутил острый *укол* тревоги (М. Шолохов. Поднятая целина). – And when Samokhin drew a massive folder out of his briefcase, Nagulnov felt a painful **twinge** of alarm. Слово *укол*, актуализованное в смысле «**краткое болезненное воздействие**», передано английским словом, имеющим прямое значение «**приступ боли**».

Или возьмем кулацкую корову: ... хозяйка ее кормила и свеклой, и помоями, и протчими *фруктами* (М. Шолохов. Поднятая целина). – Or take any ex-kulak cow. ...her old mistress used to feed her on beets and scraps and kinds of other **dainties**. Слово

фрукты актуализовано в смысле «лакомство, деликатес»; в переводе оно передается словом, имеющим прямое значение «лакомство».

Ср. также примеры из романа А. Н. Толстого «Хождение по мукам» и его английского перевода:

иглочки стрельбы – **flashes** of fire (букв, вспышки); *прилив* чувств – an **access** of love (букв, добавление, прирост); *туман шевелился* – the mist **shifted** (букв, туман двигался); усмешка *сползла* – the smile **disappeared** (букв, исчезла); *расстрелянные* окна – **shattered** windowframes (букв, разбитые); *седой* рассвет – **grey** dawn (букв. серый).

Таким образом, прием обратного перевода может быть использован как средство верификации описания актуализованного значения в коммуникативном акте.

Анализ семантических процессов, происходящих в значении слова при его коммуникативной реализации в контексте, является предметом *коммуникативной семасиологии* (Стернин 1985, Стернин, 1986), а сам анализ процессов актуализации и изменения семантики слова в контексте может быть назван *коммуникативным анализом семантики слова*.

Девкин В.Д. Немецкая разговорная речь. Синтаксис и лексика. - М., 1979. - 312 с.

Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи - Автореф. ...докт. фил. наук. – Минск, 1986. - 32 с.

Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1985. - 171 с.

Стернин И.А., Талл Усейну. Лексикографическое значение и его описание (на материале единиц лексико-словообразовательного поля *гость* в русском языке) // Современная языковая ситуация и совершенствование подготовки учителей-словесников. - Материалы VIII международной научно-методической конференции. - Воронеж: «Научная книга», 2010. – С. 98-103.

Тондл Д. Проблемы семантики. - М., 1975. - 280 с.

Харченко В.К. Сравнение через отрицание / Лексикологические основы стилистики. – Л., 1973. – С. 77-84.

Харченко В.К. Экспрессивное словоупотребление и контекст // Вопросы структуры предложения.- Ульяновск, 1983. -С. 45-50.

О.Н.Чарыкова

Сравнение как феномен художественной концептосферы

Сравнение представляет собой многоаспектное явление, что обуславливает непреходящий интерес к данному феномену различных областей науки. Этот интерес определяется прежде всего тем, что способность сопоставления объектов, относящихся к разным денотативным сферам, обеспечивает познание человеком окружающего мира. Операция сравнения – обязательный элемент мыслительной деятельности людей, «без нее невозможен анализ свойств предмета и определение его места в окружающей действительности, это один из приемов познания внешнего мира, в результате применения которого

возникает новое знание о реалиях» (Берелехис 1998, с.13). Следовательно, как справедливо считает Б.А.Серебренников, «сравнение одного предмета с другим является одним из наиболее мощных средств познания окружающего мира» (Серебренников 1970, с. 29). Более того, «самый процесс познания есть процесс сравнения» (Потебня 1997, с. 76).

С точки зрения логики в структуре элементарного акта сравнения обычно выделяют следующие элементы: 1) объект, который подвергают сравнению; 2) объект, с которым сравнивают первый объект; 3) основание сравнения – свойство, по которому сравнивают объекты; и 4) вывод из сравнения (Бартон, 1978, с. 49).

В актах сравнения объект, воплощающий основание сравнения, принято условно называть моделью, а объект, сравниваемый с моделью, - прототипом.

Объект, являющийся моделью, с точки зрения гносеологии, может играть эту роль только благодаря тому, что он представляет собой носителя известного знания, т.е. относительно познанный объект, по крайней мере в области того свойства, которое выступает основанием сравнения. В свою очередь, прототип является изученным объектом, и поэтому мы познаем его свойства через его отношение к другому объекту.

Прототип и модель взаимно обуславливают друг друга, являются нераздельными моментами компаративного отношения. То свойство (или совокупность свойств), благодаря которому два разнородных объекта могут образовывать компаративное отношение, т.е. благодаря которому они становятся сравнимыми, и называется основанием сравнения (Бартон 1978, с. 54).

Следует отметить, что хотя указанная структура сравнения признаётся всеми исследователями, однако структурные элементы сравнительной конструкции в работах разных ученых-лингвистов именуются по-разному, нередко противоречиво и без указания на функцию каждого из них.

При анализе лингвистических и лингвостилистических работ наиболее удачными представляются традиционные термины, предложенные А.А.Потебней и до сих пор широко используемые при изучении сравнения (см., например: Томашевский 1983; Федоров 1985; Разуваева 2008).

С лингвистической точки зрения в сравнительной конструкции выделяют языковые единицы, репрезентирующие: предмет сравнения (то, что сравнивается с чем-то другим); образ сравнения (то, с чем сравнивается данный объект), основание сравнения (тот признак, посредством которого осуществляется сравнение).

Кроме того, языковое сравнение имеет еще один специфический компонент, который называют «показателем сравнения» (Огольцев 1978, с. 25) или «показателем сравнительных отношений» (Черемисина 1976, с. 5).

Показатель сравнения – это средство языкового оформления сравнительных отношений (союзы *как, словно, точно* и другие, слова *похожий, подобный* и так далее).

В свете современной научной парадигмы наиболее плодотворным представляется лингвокогнитивный подход к анализу данного феномена, поскольку сравнение играет большую роль в формировании в сознании человека концептуальной картины мира, уточняет и конкретизирует его представления о предметах и явлениях.

С точки зрения когнитивной лингвистики можно утверждать, что сравнение – это ментальная (логическая) операция, в результате которой возникает когнитивная структура особого характера, представляющая собой когнитивный блок, состоящий из трёх концептов. При анализе языковой репрезентации данной когнитивной структуры в современной художественной прозе (материал Л.В.Разуваевой) выявляются определённые соотношения между когнитивной сферой и её языковым воплощением.

На синтаксическом уровне сравнение как трёхчленная когнитивная структура репрезентируется в современном художественном дискурсе посредством набора определённых конструктивных единиц. Наиболее частотным является выражение компаративных отношений посредством сравнительного оборота в составе простого предложения.

В подавляющем большинстве случаев образ сравнения в компаративной конструкции вводится союзом *как*, характеризующимся стилистической нейтральностью.

Преобладание в текстах современной художественной прозы синтаксических конструкций с показателем сравнения *как* обусловлено, с одной стороны, его стилистической нейтральностью, позволяющей использовать присоединяемые им сравнения как в речи автора, так и в речи персонажей, а также в несобственно-авторской речи, а с другой стороны, многофункциональностью данного союза, способного присоединять и сравнительные предикаты, и сравнительные обороты, и сравнительные придаточные предложения. Остальные сравнительные союзы и их аналоги имеют соответственно ограничения как стилистического, так синтаксического характера, не позволяющие им демонстрировать большую частотность употребления в современном художественном дискурсе.

Как показывает анализ практического материала, языковая компаративная структура может быть изоморфна когнитивной, а может быть асимметричной по отношению к ней.

Изоморфной является такая сравнительная конструкция, которая так же, как когнитивный блок, состоит из трёх структурных компонентов. Например, в сравнительной конструкции *лицо белое, как снег* существительное *лицо* обозначает предмет сравнения, *снег* – образ сравнения, *прилагательное белое* – признак сравнения.

Асимметричной является такая языковая структура, которая в отличие от репрезентируемого ею когнитивного блока, состоит только из двух структурных компонентов. Асимметрия языковой структуры по отношению к когнитивной обуславливается отсутствием лексической экспликации одного из компонентов когнитивной структуры – основания сравнения. Например: *лицо, как снег*.

Имплицитность основания сравнения является релевантной в аспекте каузации у реципиента креативного начала, поскольку не названный автором художественного текста признак восстанавливается самим читателем в соответствии с эталонами окружающего мира, контекстом, ассоциациями и эрудицией.

На лексико-грамматическом уровне текста конститuentы когнитивной сравнительной структуры объективируются в современной художественной прозе посредством определённых морфологических единиц и/или их сочетаний.

Предмет сравнения репрезентируется именами существительными, личными местоимениями и в редких случаях инфинитивом.

Основание сравнения в случае его эксплицитного выражения репрезентируется преимущественно атрибутивными единицами и глаголами.

Образ сравнения представлен следующими разновидностями: образ-предмет (выраженный существительным); образ-признак (выраженный прилагательным и причастием); образ-ситуация (выраженный глаголом в составе сравнительного придаточного предложения).

Следовательно, каждый из конститuentов когнитивной компаративной структуры репрезентируется посредством лексико-грамматических категорий, наиболее адекватно отражающих его сущность и функцию в процессе познания и отражения мира.

На лексическом уровне текста когнитивная интерпретация семантики и частотности употребления лексических единиц, объективирующих конститuentы компаративной когнитивной структуры, позволяет:

- 1) применительно к *предмету* сравнения выявить ключевые концепты современной художественной картины мира и ранжировать их по степени аксиологичности для современного художественного мировосприятия;
- 2) применительно к *образу* сравнения определить когнитивно релевантные для современного художественного сознания фрагменты национальной концептосферы;
- 3) применительно к *основанию* сравнения выявить наиболее значимые для современного художественного мировосприятия когнитивные признаки предмета сравнения.

Регулярность и частотность соотнесения в компаративных единицах современной прозы предметов и образов сравнения, выражаемых лексическими единицами, объективирующими определённые фрагменты национальной концептосферы, свидетельствуют о существовании в

современной художественной картине мира образных парадигм, репрезентирующих значимые для художественного мировосприятия устойчивые соотношения определённых когнитивных сфер окружающей действительности.

Например: человек – человек, человек – представитель животного мира, человек – предмет, человек – явление природы.

Посредством единичных парадигм репрезентируются индивидуально-авторские особенности мировосприятия того или иного художника слова.

Анализ показал, что почти половина лексем, номинирующих предмет сравнения в художественном дискурсе, репрезентирует концепт «человек», что объясняется особым вниманием писателей к личности, внутреннему миру человека, его чувствам и переживаниям. Частотность употребления для номинации предмета сравнения словесных единиц, относящихся к когнитивной сфере «Артефакты», тоже можно трактовать как опосредованное отражение антропоцентризма современного художественного дискурса, поскольку в качестве предмета сравнения выступают реалии, значимые для современного человека, что и обуславливает факт сравнения-оценки. Такими реалиями в современном художественном дискурсе оказываются предметы быта, машины и механизмы, компьютерная и бытовая техника. Менее употребительными являются сравнительные конструкции, включающие предмет сравнения, относящийся к зоологической, натурфактной, абстрактной и мифологической сфере.

Образ сравнения в компаративных конструкциях современного художественного дискурса, так же как и предмет сравнения, относится к определенной когнитивной сфере: антропологической, зоологической, натурфактной, артефактной, абстрактной, мифологической.

Выбор той или иной лексики для словесного обозначения образа сравнения в современном художественном дискурсе обусловлен задачей сделать этот образ наиболее наглядным, зримым благодаря выявлению сходства между двумя явлениями действительности по такому признаку, который является значимым для художественного мировосприятия автора. Обращает на себя внимание тот факт, что по количественным параметрам первое место в иерархии образов сравнения в современной художественной картине мира принадлежит человеку, второе – тому, что им создано, – артефактам.

Следовательно, самой высокой степенью аксиологичности в художественной концептосфере характеризуется концепт «человек», что соответствует такому выделяемому в литературоведении признаку художественного текста, как его абсолютная антропоцентричность.

На основании всего вышесказанного можно утверждать, что анализ языковой объективации когнитивного блока «сравнение» позволяет проникнуть в глубинные механизмы когнитивных процессов

художественного сознания, то есть является результативным приёмом выявления релевантных черт художественной концептосферы.

Бартон В.И. Сравнение как средство познания. – Минск: Изд-во БГУ, 1978. – 127с.

Берелехис О.А. Некоторые проблемы описания функционально-семантического поля сравнения // Актуальные проблемы современного языкознания: Материалы научно-практической конференции: Изд-во Башкирского ун-та. – Уфа, 1998. – С. 13 – 16.

Огольцев В.М. Устойчивые сравнения в системе фразеологии. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1978. – 158 с.

Потебня А.А. Из лекций по теории словесности. Басня. Пословица. Поговорка // Русская словесность: Антология. – М., 1997. – С. 75-78.

Разуваева Л.В. Особенности выражения признака сравнения в компаративных конструкциях современной прозы. / Л.В. Разуваева // Текст – дискурс – картина мира. Межвузовский сборник научных трудов. Выпуск 4. Воронеж, изд-во «Истоки», 2008. – С. 113 – 116.

Серебренников Б.А. К проблеме сущности языка //Общее языкознание. – М.: Наука, 1970.

Томашевский Б.В. Стилистика. Учебное пособие / Б.В.Томашевский. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1983. – 283 с.

Федоров А.И. Образная речь. – Новосибирск, 1985. – 110 с.

Черемисина М.И. Сравнительные конструкции русского языка. – Новосибирск: Наука, 1976. – 270 с.

Национальная картина мира и ее языковая репрезентация

Басим Кхребет

Наименования изделий из теста в метафорическом пространстве русского языка

Кулинарно-гастрономическая лексика чрезвычайно широко используется в качестве метафоры. Метафорический перенос ориентирован на адресата, получателя информации, поэтому при его использовании субъект речи должен быть уверен в том, что его реальный или потенциальный слушатель, используя хранящиеся в его памяти наглядно-чувственные образы, раскроет скрытое за метафорической оболочкой значение точно в соответствии с замыслом субъекта метафоры.

Метафорический перенос часто обусловлен такими семантическими признаками пищевых продуктов из теста как форма или консистенция, вкус, цвет или процесс приготовления и др. Эти признаки, непосредственно связывающие метафорическое значение лексемы с денотативным, Г.Н.Скляревская обозначает как «символ метафоры». При

метафорическом переносе символ метафоры, как правило, в исходном номинативном значении лексемы относится к сфере коннотации или к разряду потенциальных сем. В метафоре он уже выступает как независимое понятие и «входит в денотативное содержание в качестве ядерных (дифференциальных) сем, что и служит основанием для смысловых преобразований в процессе метафоризации» (Скляревская 1993, с. 47).

Рассмотрим кулинарно-гастрономическую метафору, в качестве мотивирующего основания которой выступает форма продукта. Именно этот признак маркирует образную номинацию различных предметов и явлений. С данным мотивирующим признаком наиболее используемой является метафорическая модель: «предмет => предмет». Такую метафору называют артефактной.

Баранка – это белорусское слово прижилось в русском и обозначает вид кренделя, образовано от *об-варити* в результате полной прогрессивной ассимиляции. Это булочное изделие в виде кольца, выпеченное из заварного теста (меньше бублика, но больше сушки). Первоначально произошла метафоризация в результате очевидного сходства баранки с рулевым колесом автомобиля. *Сесть за баранку, крутить баранку* – водить машину; работать шофёром. Позже свободное сочетание слов крутить баранку ещё раз матафоризуется и используется уже для обозначения любой трудной и рутинной работы.

Ты всё свою баранку крутишь? Не сменил место работы? – Нет, я уже привык стоять у станка (Из разг. речи);

Крепче за баранку держись, шофёр (Из песни).

Батон – вид хлебобулочного изделия из белой муки, вытянутой формы. Слово пришло в русский язык из французского *bathos* – палка, жезл. По аналогии и сходству это слово можно употребить и по отношению к мясному изделию («батон» колбасы).

Любопытно, что выражения *крошить батон* (на кого-либо), *крошить бублик* (на кого-либо) носят жаргонный характер и обозначает возникший конфликт, ссору или скандал.

Попробовал бы я тебя не взять. – Ты на меня батон не кроши, - усмехнулся Грязнов (то есть – не злись) (Из разг. речи).

Блин представляет собой тонкую лепёшку из жидкого теста, испечённую на сковороде, довольно быстрого приготовления, плоскую по форме. У славян блин был языческим символом солнца, позднее стал традиционным угощением на масленице – празднике, посвящённом прощанию с зимой и встрече с весной. Форма блина становится образным эталоном для метафоризации. Различные предметы в форме плоского диска могут быть названы этой гастрономической метафорой.

В бархане картофельного пюре с ямкой растаявшего сливочного масла лежал овальный блин солёного огурца... (Известия, 2002.07.14).

Пальто – мешок, фуражка – блин (Из разг. речи).

Кулинарно-гастрономическая метафора может выстраивать и метафорическую модель «артефакт => натурфакт»:

Блин луны выглядывал среди вершины сосен (И.Бунин).

Бублик – это слово греческого происхождения, где оно означает «капля, пузырь от ожога» или «водяной пузырь»; в украинском языке есть однокоренное слово «бубунець» - опухоль, пузырь. В русском языке бублик – это толстая мягкая баранка, тесто для которого в виде кольца бросается в горячее масло и раздувается, как пузырь. Уже в процессе очень древнего заимствования происходит метафоризация на основе сходства испечённого бублика с пузырём от ожога, а поскольку центр этого изделия представляет собой пустоту – дырку, то и используется эта гастрономическая метафора для обозначения утраты, потери, когда ничего уже не остаётся.

Осталась одна дырка от бублика. (Из разг. речи).

Всё, что имеет форму кольца, кружка с дыркой в центре, может быть названо словом «бублик».

В уголке иконы просверливали дырочку, нанизывали иконы на верёвочку и сдавали этот «бублик» церковному ведомству (Д.Гранин. «Зубр»).

Яркий образ создаёт эта гастрономическая метафора в художественных текстах.

Мы дырка. А вокруг бублик. Из немецких танков (Ю.Бондарев. «Горячий снег»).

Эта метафора даёт возможность автору нарисовать картину окружения, взятие бойцов в кольцо.

Увидев меня, мопс пришёл в бурный восторг и принялся прыгать, повизгивая и виляя скрученным в бублик хвостом (Д.Донцова. «Уха из золотой рыбки»);

Я глядел на большой чёрный бублик буквы на белом листе бумаги и отчаянно говорил со счастливым тупым лицом (Столица, 1997.05.27).

В этом примере генитивная метафора «бублик буквы» чётко передаёт начертание буквы «о».

Метафорический перенос по сходству формы способствовал рождению технического термина.

Под действием центробежной силы ртуть примет форму бублика-тороида, в котором из-за неравномерного нагрева возникает ещё и внутреннее вихревое движение (Техника – молодёжи, 1991).

Хотя в математике уже есть термин «тор» - пространственная фигура, имеющая форму бублика (или баранки), в приведённом примере к физическому термину «тороид» (деталь установки в виде скрученной в кольцо полый трубки) прибавляется гастрономическая метафора для конкретизации и наглядности представления этой детали, в результате

создан образ, который переводит научный фрагмент текста в стиль научно-популярного изложения.

Булка - так называется белый пшеничный хлеб, обычно круглой или продолговатой формы. Происхождение этого слова не совсем ясно. В.И.Даль даёт такое объяснение: «В южной части России, как и в подмосковной губернии, - «пирог»; в восточной – «калач»; в остальной России, кроме южной, булкой зовут хлебец немецкого печенья» (Даль 1978: 140). Мотивирующими метафору семантическими признаками становятся одновременно форма и консистенция продукта (пышность и округлость)

Она калорийная булочка с изюмом (Труд-7, 2006.07.06).

Это слово используется как метафора, в метафорической модели «артефакт => человек», где реализуется негативная оценка полного человека.

Глянь, булка с маслом пошла, - слышу я на улице, потому что мне 30 лет, а вешу я 85 кг. (Из разг. речи)

С уменьшительно-ласкательным суффиксом –очк (-к) в этой оценочной метафоре происходит переключение оценки отрицательной на оценку положительную.

Она поправилась, стала аппетитной булочкой (Из разг. речи).

Возможна и другая метафорическая модель – «артефакт => натурфакт»: булка => снег и булка => пальцы:

Сверху падала булка, не снег, а хлебные крошки (Н.Садур. «Сад»);

У него пальцы – булки (Из разг. речи).

Буханка. По В.И.Далю, это слово происходит от глагола «бухонить» - «теплеть», делать что-либо мягким, пышным, чтобы набухало. П.Я.Черных приводит и прилагательное «бухонный – значит пухлый, пышный». Кроме того, он допускает, «что западно-славянское слово с *boch* (польское *bochen*) – это плод контаминации славянского слова с немецким [ср. ср.-в.-нем. *vochenze, vochen* - вид белого хлеба]» [Черных 2006:128].

Это слово обозначает пищевой продукт, представляющий собой целый хлеб, выпеченный в форме на фабрике. Элементарный семантический множитель (сема) «выпеченный в форме на фабрике» становится основой для метафорического переноса значения данного слова на цельный готовый продукт - автомобиль, сделанный на производстве (фабрика, завод).

Только милицейская «буханка» стояла на другом склоне оврага (Известия, 2007, 11.16);

«Буханка», не включая мигалок, двинулась в сторону от шоссе (там же);

А с другой стороны скупал милицейский «УАЗ – «буханка» (Комсомольская правда, 2007.08.30);

Автобус-буханка мало чем приспособлен для перевозки ребят (Труд-7, 2007.06.21);

Буханка везде пройдёт. «Хантер» от компании «Мега-моторс» (Комсомольская правда, 2003.04.16);

А пытавшемся объехать всё это безобразие автобусу маршрута № 90 наподдал с тыла УАЗ-буханка (Вечерняя Казань, 4.01.2003).

Кстати, первые Espace на заре своей юности выходили и в полноприводной версии, которая наверняка была бы востребована в России (есть же у нас полноприводной однообъёмник - УАЗ-буханка) (Автопилот, 15.11. 2002).

Колобок – это пищевой продукт, представляющий собой небольшой круглый кусок теста, испечённый в духовом шкафу. Слово это в уменьшительной форме от колоб, имеющее значение «круглый хлебец», образованное от коло, лежащее в основе составляющего внутреннюю форму существительного колесо. Форма (круглая и способная катиться) становится основой метафорической модели «артефакт => натурфакт» с производной номинацией.

Планета-колобок, пожалуй, самая большая загадка Урана (Вокруг света, 2004.06.15).

Метафорическая модель «артефакт => человек»:

Апофеозов и москвич – из-за хлебобулочной лысины и обаятельной улыбки вылитый колобок – действительно похожи, будто братья-близнецы (О.Славникова. «Бессмертный»);

В кресле мирно подрёмывал старый знакомец, начальник протокольного отдела Смольного – колобок в мешковатом костюме (М.Баконина. «Школа двойников»);

Депутат Митрофанов – жирный колобок (Комсомольская правда, 2006.08.08).

Вермишель – пищевой продукт, представляющий собой узкие тонкие короткие полоски теста, приготовленного из пшеничной муки без соли, сахара и других каких-либо приправ. Слово это заимствовано из итальянского языка (через французский) *vermicello*, что означает «червячок». Семы «узкие, тонкие полоски» становятся основой для метафорических использований. Так этим словом стали называть нарезанное тонкими короткими полосками крабовое мясо.

Мелко режем яйца и кладём крабовую вермишель (рецепт) (Комсомольская правда, 2005.11.11).

(модель: артефакт => артефакт)

Лексема *вермишель* стала метафорически использоваться для обозначения абстрактного понятия, связанного с представлением о чём-то простом, обычном, не очень важном и быстро приготовленном. Так, в следующем примере в модели «артефакт => абстрактное понятие» это слово характеризует новости:

Последние известия: обычная вермишель о подвигах, которых запомнить невозможно, например, съезд акынов, на котором акын такой-то вышел победителем, пропев лучшую песню о весеннем посеве; в

Узбекистане цветёт миндаль и урюк, в Красноярске печник, разбирая дымоход, нашёл 52 фунта золота 96-й пробы! (Вс.В.Иванов. «Дневники. 1924-1963»).

Необходимо отметить, что в этом примере основанием для метафорического переноса, кроме сходства формы, становится значение «быстрый способ приготовления и обычность, повседневность блюда». Такая метафора в имплицитной форме (косвенно) позволяет автору высказать свою негативную оценку СМИ и обнаружить собственную позицию по отношению к ним.

Интересны примеры употребления слова *вермишель* как метафоры, применительно ко всему, что мелко, низко и что воспринималось как абсолютно незначительное:

Это всё – ежовская «вермишель», которую можно отцедить через следовательское сито в два счёта и без применения сильно действующих средств (Р.В.Иванов-Разумник. «Тюрьмы и ссылки»);

И действительно: всю человеческую вермишель отцеживали быстро, проводя через допросы тут же в Бутырской тюрьме (Там же).

Коржик (корж) – пищевой продукт, представляющий собой плоский сухой кружок из теста, приготовленный без сахара и слои, испечённый в духовом шкафу, употребляемый при изготовлении тортов или в качестве сладкого блюда. Семы «сухой» и «жёсткий» в семантической структуре этого русского слова, восходящего к корню «ржа» и глаголу «ржаветь», становится основой для метафорического переноса по модели «артефакт => человек»:

Отставной любовник Лешик – «коржик», в меру толстенький, в меру рассыпчатый, но «свитус» (Труд-7, 2006.04.07).

Крендель – продукт питания, представляющий собой витую сдобную булку в форме буквы *В* или цифры 8. слово заимствовано из немецкого языка, где *Krendel* – «печенье круглой формы». Именно форма «завитушки» стала основой для метафорических переносов значения по модели «артефакт => артефакт»:

Иван повернулся на спину и уставился на чуть золотящийся под потолком крендель люстры (В.Пелевин. «День бульдозериста»);

Старый, зеленовато-серый, деревянный дом, соединённый галереей с флигелем, весело и спокойно глядел цветными глазами своих двух стеклянных веранд на опушку парка и на оранжевый крендель садовых тропинок, огибавших чернозёмную пестроту куртин (В.В.Набоков. «Машенька»).

Эта метафора может стать оценочной номинацией по отношению к человеку ссутулившемуся, похожему на вопросительный знак, в модели «артефакт => человек»:

Ага, а этот крендель ждать будет, пока ты связь будешь налаживать? (Н.Леонов, А.Макеев. «Ментовская крыша»);

- *Во, вчера тут какой-то **крендель** гонял на катере, пролил бензин и всё такое* (Л.Петрушевская. «Морские помойные рассказы»);

*Этот **крендель** в джинсе и есть тот самый Вася?* (В.Мясников. «Водка»).

Лапша – это такой пищевой продукт, который представляет собой узкие тонкие полоски пресного теста, приготовленного из пшеничной муки без соли, сахара и каких-либо других приправ. Производится он в домашних или фабричных условиях, готовится варкой в подсоленной кипящей воде и употребляется обычно в качестве гарнира для вторых блюд, а также как компонент первых блюд. Сема «узкие, гнущиеся, тонкие полоски» послужила основой для метафорического переноса значения на всё, что имеет такую характеристику. Отсюда метафорическая модель «артефакт => артефакт»:

*Была найдена так называемая «**лапша**» - электрические провода, которые тянулись в овраг* (Труд-7, 2007.08.15);

*То есть от самой бомбы шла «**лапша**», которая и замыкалась кем-то на другом конце* (Комсомольская правда, 2007.08.15);

*Модные трикотажные платья вязки «**лапша**»* (Комсомольская правда, 2007.04.04);

*Одна из новинок – чёрный свитер-**лапша*** (Труд-7, 2001.09.17).

Метафора «лапша» выполняет функцию негативной оценки, например:

*Это не стихи, а **лапша** какая-то!* (П.С.Сухотин. «Письма к К.Ф.Некрасову»).

Метафора «лапша» в индивидуальном поэтическом восприятии символизируется и представляет собой то, что так негативно оценивает поэт:

*Ну да, конечно, самое отвратительное – это **лапша**, это символ стандартности, разваренной бесхребетности, пошлости, склонённости, антидуховности* (А.Вознесенский. «На виртуальном ветру»).

Лепёшка – это пищевой продукт, представляющий собой плоский кружок из теста, кислого или приготовленного без соли и сахара, испечённый в духовом шкафу или приготовленный жарением на масле на сковороде. Сема «плоский кружок» становится основанием для метафорического переноса по модели «артефакт=> натурфакт»:

*На дачном столе стояли две порожние бутылки из-под бренди, между ними серела **лепёшка** подсохшего птичьего помёта* (Д.Маркиш. «Конец света»);

*В кишлаке – в прямом смысле слова – ни одна коровья **лепёшка** не пропадала даром* (Л.Синицына. «Жена тополя»).

В художественном тексте возможна метафорическая модель «артефакт => человек»:

*В одном из тёмных окон возникает **лепёшка** лица* (В.Маканин. «Лаз»);

*У Лидии Владимировны вместо головы – кровавая **лепёшка*** (А.Мариенгоф. «Бритый человек»).

Макароны – это такой пищевой продукт, который представляет собой тонкие или толстые длинные с отверстием внутри полоски теста, приготовленные из пшеничной муки без соли, сахара и других приправ, производится в фабричных условиях. Слово заимствовано из итальянского языка, где *macaroni* восходит к греческому *macaria* – «еда из ячневой крупы или муки». форма этого продукта – тонкие длинные – становится основой для метафорической модели «артефакт => артефакт»:

Между помойкой и гаражом встроен крольчатник, рядом чистильщик сапог развесил макароны шнурков (Ю.Нагибин. «Тьма в конце туннеля»).

Сухарь– пищевой продукт, представляющий собой высушенный кусок хлеба, а также небольшие сухие кусочки теста, испечённые в духовом шкафу и употребляемый в пищу в качестве сладкого (к чаю), или солёного (к пиву) блюда, для приготовления других блюд, например, салатов.

Слово это имеет древнеиндийское происхождение с ясной до сих пор внутренней формой: от *сушить*, *суша*, *сухой*. Само прилагательное «сухой» становится метафорой для образного обозначения худого (лишённого влаги, а значит, пышности), или невесёлого, замкнутого, неотзывчивого, эгоистичного человека. Отсюда – очень распространённая метафорическая модель «артефакт => человек», где метафора прагматически нагружена негативной оценкой.

В комнату вошёл дивизионный комиссар – старый сухарь с подпольным стажем (Г.Арбатов. «Человек системы»).

Они считают, что Рождер – сухарь-бизнесмен с железной хваткой (Формула. 15.05.2002).

Отставной профессор, понимаешь ли, старый сухарь, учёная вобла (А.П.Чехов. «Дядя Ваня»).

Сапожник Андрюшка. Сухарь! Уж худощавее его не найдёшь во всём селе: одни кости да кожа (М.Н.Загоскин. «Рославлев, или Русские в 1812 г»).

Это был очень пожилой человек с безупречными манерами, педант и сухарь, как говорят про него студенты (М.Казаков. «Актёрская книга»).

Вы сухарь! Бездушная, чёрствая... (из к/ф Э.Рязанова «Служебный роман»).

Я сухарь, у меня нет никаких эмоций (В.Леви. «Искусство быть собой»).

Тесто – пищевой продукт, представляющий собой вязкую массу различной густоты, получаемую при замешивании муки с жидкостью (водой, молоком и т.д.) и приготовленную печением в духовом шкафу, жарением в масле или варкой в кипящей жидкости. Слово древнерусское, «на славянской почве» связано с *tiskati* (тискать). Консистенция теста, его вязкость и способность быть основой для разных вкусных кушаний – все эти признаки, семантические множители в семантической структуре слова «тесто» могут быть основанием для метафорических переносов по следующим моделям:

Метафорическая модель «артефакт => натурфакт»:

*На улицах не видно было клочка снега, грязное **тесто** замесилось мокрой, блестящей мостовой и быстрыми ручьями (Л.Н.Толстой. «Юность»).*

Метафорическая модель «артефакт => человек»:

*Это не человек, это **тесто**. Только стоит взять и лепить (И.С.Тургенев. «Месяц в деревне»).*

*Дети - **тесто**: кто лепит, тому и будут служить (Г.Тирошев. «Моя война»);*

*А мы все – лишь **тесто**, чуть-чуть начинающие подниматься, мы все ещё не христиане в истинном смысле слова (З.Масленникова. «Жизнь отца А.Меня»);*

Метафорическая модель «артефакт => абстрактное понятие»:

***Тесто** науки российской кряду поднялось. Ломоносовской закваски хватит Академии на внуков и правнуков (Б.В.Шергин. «Слово о Ломоносове»);*

*Чем гуще было прежде замешено вековое социальное **тесто**, тем несокрушимее и бурнее бывает общий взрыв сил, накопившихся в нации за всё долгое время (К.Н.Леонтьев. «Плоды национальных движений на православном Востоке»).*

Анализ метафорических переносов в сфере кулинарно-гастрономической лексики, называющей продукты из теста, показал, что в процессе метафоризации формируются следующие модели: «артефакт=артефакт», «артефакт=человек», «артефакт=натурфакт» и «артефакт=абстрактное понятие». Можно констатировать, что непрекращающийся и всё расширяющийся процесс метафоризации проанализированной лексики приводит к образованию ярких, наглядных образов в русском языке.

Скляревская Г.Н. Метафора в системе языка. - СПб, 1993.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. – М.: Русский язык. – 1978. – Т.1.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. – М.: Русский язык. – Медиа, 2006. – Т. 1.

Басим Кхребет, Н.М.Вахтель

Особенности сочетаемости в генитивной кулинарно-гастрономической метафоре

Традиционно под генитивной метафорой понимают синтагму, в которой управляющим словом является логический предикат, выраженный существительным в именительном падеже, и управляемым – логический субъект, выраженный существительным в родительном падеже (блин луны).

Существительное в форме родительного падежа является предметом метафоризации. Субъект речи в таких структурах метафорически характеризует предмет или явление по одному или нескольким из свойственных ему признакам: по форме или размеру (картошка носа); по консистенции (каша или кисель дорог) и т.п. Такие субстантивные сочетания относятся к предметной метафоре и употребляются они в том случае, если в сознании говорящего происходит отождествление по одному из признаков, описывающих параметры, свойства или строение предмета. Особенностью семантического преобразования в генитивном сочетании слов является то, что, по формулировке В.П.Григорьева, «конкретные субстантивные компоненты генитивной конструкции вступают в особые отношения друг с другом, обнаруживая одновременно и слитность и метафорической семантики одного из компонентов, и раздельность сравнительной конструкции» (Григорьев 1979, с.63). Сравните: «мелкая осетрина волн» у И.Бродского.

Метафорические номинации с использованием кулинарно-гастрономической лексики часто обусловлены сходством формы, консистенции, вкуса, цвета, процесса приготовления – всего того, что является признаками продукта и другого объекта. Эти признаки как компоненты семантики непосредственно связывают метафорическое значение лексемы с денотативным значением. При метафорическом переносе эти признаки, как правило, в исходном номинативном значении лексемы относятся к сфере коннотации или к ряду потенциальных сем. В метафоре они уже выступают как независимые понятия и становятся дифференциальными, ядерными семами, служащими основанием для процессов метафоризации.

Существенным является то, что кулинарно-гастрономические метафоры в генитивных сочетаниях не обладают статусом эталона в сознании носителей языка для характеристики одной из деталей внешнего вида субъекта референции, отсюда напрашивается вывод об индивидуально-авторской их природе и субъективно-оценочном значении. Вряд ли кому-нибудь, кроме поэта, придёт в голову использовать генитивное сочетание с гастрономической метафорой «*Каждый такт на нотной странице = это лодочка изюма*» (О.Мандельштам).

Генитивные метафорические сочетания всегда были чрезвычайно употребительны в художественных и поэтических текстах, поскольку этим сочетаниям присущи компактность формы, полнота выражения содержания и яркость образа. Правда, иногда их образность становится загадкой, и надо приложить некоторые интеллектуальные усилия, чтобы разгадать, на чём же основано сходство двух предметов или явлений, которые системно находятся в разных понятийных сферах. Термин «метафора-загадка» был введён исследователем лирики О.Мандельштама Ю.И.Левиным для обозначения метафоры, которая описываемый объект

замещает другим объектом с не вполне ясной мотивацией, например: *Как хороша была с этой высоты долина, ковриги гор, тёмный бархат лесов* (И.Бунин).

Исследование кулинарно-гастрономической метафоры показало, что широкую употребительность она сегодня приобретает и в публицистическом дискурсе. Вероятно, это связано с тем, что её функциональная роль может заключаться не только в создании образа или новых значений, но и в привлечении внимания адресата. В сознании носителей языка они обладают ярко выраженным контрастным значением, что придаёт им философскую направленность и соответствует заложенному в человеческой природе стремлению к гиперболизации, что так характерно для публицистики.

Одним из способов реализации этой функции является семантическая сочетаемость кулинарно-гастрономической лексики, которая в рамках генитивной структуры способна вступать в сочетания с целыми классами слов, объединённых разными семантическими множителями.

Рассмотрим некоторые примеры.

Бублик представляет собой толстую мягкую баранку, выпекаемую в раскалённом масле. Его центр при этом остаётся пустым. Форма бублика становится основанием метафорического переноса на объекты, имеющие пообную форму.

Моё внимание привлёк большой чёрный бублик буквы на белом листе бумаги, который отчаянно говорил что-то со счастливым тупым лицом («Столица», 2007.05.27).

Бульон используется и как самостоятельное блюдо, и как основа для приготовления различных других блюд и представляет собой мясной или овощной отвар. Наваристость и крепость бульона является основанием для метафорического переноса в следующем примере:

Он давно варился в крепком бульоне Голливуда (Комсомольская правда, 2006.07.23).

Дрожжи – это такой пищевой продукт, который представляет собой совокупность микроскопических грибков, вызывающих брожение, употребляемый при приготовлении мучных изделий и некоторых напитков (кваса, пива и др.). Сема «вызывать брожение» - замешивать, увеличивать рост, объём – в семантической структуре слова «дрожжи» становится основой метафорического переноса его значения на все те явления, которые способствуют росту, увеличению позитивных или негативных явлений.

Прогресс – дрожжи цивилизации (Комсомольская правда, 2007. 03.14).

Дрожжи ненависти, корысти и зависти всячески поощрялись в партийной «кулинарии» (Вестник США, 2003.10.29).

Изюм – пищевой продукт, представляющий собой сушёные плоды винограда, применяющиеся для приготовления сладких и мучных блюд, Изюм – это то, что придаёт кулинарному изделию особый изысканный

вкус, особую прелесть. Эти вкусовые качества его обычно и становятся основой для метафорического переосмысления. Особенно интересен в этом отношении уменьшительно-ласкательный вариант этого слова и его семантическая сочетаемость, которая привычно воспринимается как метафора в модели «артефакт – человек» (В этой женщине есть какая-то изюминка). Однако в публицистике мы сталкиваемся с такими генитивными метафорическими сочетаниями, где в этом слове остаётся значение чего-либо изысканного, приятного и привлекательного, но уже в иной метафорической модели «артефакт – артефакт»

Изюминка экспозиции в том, что большинство персонажей Лорье – звёзды шоу-бизнеса (Труд-7, 2007.12.24).

Говорят, что главная изюминка квартиры звезды – огромная кухня (Комсомольская правда, 2007.09.28).

Лапша – пищевой продукт из пресного пшеничного теста, нарезанного узкими полосками. Всё, что мелко нарезано или оборвано, может метафорически быть обозначено этим гастрономическим термином, в результате чего рождается следующее генитивное сочетание:

Была найдена лапша электрических проводов, тянувшихся в овраг, расположенный неподалёку от места взрыва (Труд-7, 2007.08.15).

Форма вермишели, представляющая собой тонкие палочки, также становится основой для метафорической генитивной конструкции:

Рыбак вынул из кармана вермишель лески (Комсомольская правда, 2004.05.12).

Достаточно широко как метафора в публицистике используется лексема «начинка», обозначающая какую-либо пищевую массу, которую кладут (начинают ею) внутрь пирога, блинчиков, конфет и других гастрономических изделий с целью улучшения их вкуса. В генитивной конструкции с компонентом «начинка», равно как и с другими кулинарно-гастрономическими компонентами, реализуется метафорическая модель «артефакт – артефакт»

Начинка машины – «родная», двигатель мощностью 9000 лошадиных сил (Известия, 2007.12.24).

Вся начинка корпуса самолётов была произведена в 1990-ые годы (РИА Новости, 2008.02.18).

Флоренция – средневековый итальянский город, который, сумел сохранить все свои древние постройки, хотя начинка домов, конечно же, современная (Известия, 2005.10.11).

Консистенция пюре даёт возможность метафорическому переосмыслению значения этого продукта:

Через раскрытые двери было видно, как мимо входа, из одного зала в другой ползёт плотное пюре людской массы (Известия, 2003.01.27).

В рамках одной и той же предметной области отдельные лексемы исследуемой тематической группы тоже могут использоваться как

метафоры в генитивных сочетаниях, например: *батон хлеба или колбасы, крендель сдобы*. Со временем в процессе метафоризации сочетаемостные возможности указанных лексем расширяются и рождаются новые генитивные метафоры: *колбаса очереди, крендель люстры, тесто мостовой, макароны инурков и многие другие*. Контрастно сталкивая разные предметные области, компоненты подобных генитивных сочетаний, безусловно, служат необходимой для публицистики коммуникативно-прагматической цели – привлечения внимания.

Григорьев П.С. Поэтика слова. – М., 1979.- 360 с.

О. А. Белоусова

Лексико – фразеологическое поле « работа» в русском языке

Данная статья представляет опыт описания лексико-фразеологического поля «работа» в русском языке, попытку определить его ядро и периферию, выявить его содержание на материале лексем, фразеологических единиц (ФЕ) и паремий, номинирующих данный концепт. Вычленение компонентов осуществлялось с помощью одноязычных толковых словарей, частотного словаря С.А.Шарова, фразеологических словарей, словарей русских пословиц и поговорок. Активность изучения ФЕ и паремий сегодня не случайна: в них хранится отражение глубинных архетипов человеческого сознания, которые могут проявляться в современных стереотипах массового сознания, отображенных в рекламе, кино и т. п.

Анализ словарей показал, что в лексико-фразеологическом поле «работа» выделяется ядро и периферия. Ядерной лексемой является *работа* - «требующая усилий деятельность человека, направленная на достижение результата».

Ядерными являются также следующие лексемы:

Сущ.: труд, дело, деятельность, занятие (общие наименования видов труда), рабочий, работник (общее наименование лиц, осуществляющих работу);

Глаг.: делать, работать, трудиться, заниматься (наименование процесса труда);

Прил.: рабочий, трудовой, деловой.

В периферийную зону вошли семы с более конкретным значением из слов. имеющих имплицитно выраженные семы труда и дериватов ядерных лексем:

Сущ.: бизнес, работка, работенка, дельце, халтура; мастер, деятель, предприниматель, делец, трудяга;

Глаг.: вкалывать, надрываться, управляться, халтурить, исполнять;

Прил.: усердный, трудолюбивый, работающий, деятельный, предприимчивый.

Когнитивный анализ ФЕ и паремий существенно расширяет содержание и объем концепта по сравнению с лексикографической интерпретацией: именно ФЕ и паремии заключают в себе совокупность мнений, выражаемых народом как лингвокультурной общностью. Данный анализ показал, что представления русского народа о работе можно свести к 5 основным группам, включающим в себя следующие концептуальные признаки:

1. Характеристика работы как процесса: «работа требует усилий и напряжения»

ФЕ

Мозолить руки (выполнять тяжелую работу); белого света не видеть (работать в течение длительного времени); умываться потом (выполнять тяжелую, изнуряющую работу); гнуть спину (выполнять тяжелую работу особ для кого-то); тянуть лямку (выполнять очень трудоемкую работу изо дня в день); выбиваться из сил (тратить много сил на работу) и др.

2. Место работы в жизни человека

ФЕ

«работа – это жизнь»

Жить своим трудом (зарабатывать на жизнь своим собственным трудом); работать с утра до ночи (тратить на труд почти все время); работать от зари до зари (почти все время проводить в работе); зарабатывать хлеб насущный своим трудом (обеспечивать себя за счет собственного труда), с головой уйти в работу (посвящать работе много времени и сил) и др.

3. Типы поведения людей в зависимости от их отношения к работе
«интенсивно работающие»

ФЕ

Мастер на все руки (человек, который владеет многими умениями); мастер – золотые руки (человек, отлично знающий свое дело); и швец, и жнец, и в дуду игрец (активный человек); горит в руках (человек, способный быстро и продуктивно выполнить работу); работать в поте лица/ не покладая рук/ до седьмого пота/ не жалея сил/ засучив рукава/ денно и ночью (не лениться, проводить в работе почти все время, тратя много сил); крутиться как белка в колесе (быть сильно загруженным работой); не лаптем щи хлебать (разбираться в каком-либо деле и выполнять свою работу качественно) и др.

«бездельники»

ФЕ

Из-под палки (неохотно); с рывка да с тычка (с огрехами); с грехом пополам (кое-как); бить баклуши (бездельничать); играть в бирюльки (праздно проводить время); лодыря гонять (бездельничать); лежать на боку; палец о палец не ударить\ пальцем не пошевелить (ничего не делать для выполнения той или иной работы); плевать в потолок\ считать ворон (праздно проводит время); разводить бадягу; тянуть канитель (тратить слишком много времени на работу, которую можно сделать намного быстрее); чесать затылок (долго не приступать к работе, лениться); толочь воду в ступе (заниматься работой с неохотой, медлить); сидеть, сложа руки и др.

4. Результат труда (польза работы) в жизни человека:

« работа приносит плоды»

ФЕ

Горы своротить (выполнить большой объем работы), блоху подковать (выполнить успешно трудную работу), сдвинуть с мертвой точки (успешно начать трудное дело), сделать шаг вперед (получить результат усилий) и др.

5. Результат безделья, нерадения, халатного отношения к работе:

« нерадение и лень не приносит плода»

ФЕ

Топтаться на одном месте (терпеть неудачу в работе); не сдвинуться с мертвой точки (не выполнить и части работы); топорная работа (некачественно выполненная работа) и др.

« не всегда вложенные усилия приносят плоды»

ФЕ

Нагородить огород (получить не тот результат, который ожидался); наломать дров\ наделать делов (испортить дело); Сизифов труд (трудоемкая бессмысленная деятельность); Шемякин труд (бесполезная работа); мартышкин труд (бессмысленная работа) и др.-

Анализ паремий выявляет многочисленные единицы, отражающие концептуализацию работы в самых разных аспектах.

« не всегда вложенные усилия приносят плоды»

За двумя зайцами погонишься – ни одного не поймаешь. Поспешишь – людей насмешишь. И с топора не богатеют, а горбеют. Трудом праведным не наживешь палат каменных.

« работа требует усилий и напряжения»

Чтобы рыбку съесть, надо в воду влезть,
 Невелик кусок пирога, а стоит много труда.
 Скоро сказка сказывается, да нескоро дело делается.
 Москва не сразу строилась.
 Не срубить дубка, не надсадя пупка,
 Не разгрызешь ореха, не съешь ядра.

«работа – смысл жизни человека»

Человек рожден для труда.
 Благо людей в жизни, а жизнь в труде.
 Бог труд любит.

«труд необходим для существования человека »

Без труда не проживешь.
 Без труда не вытащишь и рыбку из пруда.
 Не Боги горшки обжигают.

«сначала работа, потом отдых»

Делу время, потехе час.
 Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня.
 Куй железо, пока горячо.
 На забаву час у труда никогда не отнимай.
 Ранний час на работу.
 Рано вставать – некогда пировать.
 Кто рано встает, тому Бог подает,

« на работе не стоит сильно напрягаться»

От работы кони дохнут.

«работу можно отложить»

Работать лень – мигрень.
 Работа не волк, в лес не убежит.
 Дела не голуби – не разлетятся.
 Дело не малина – в лето не опадет.

«работа требует ответственного отношения»

Дело холодка не любит.

Дело мастера боится.

«работа заставляет забыть о времени»

За работой дня не видно.
Без труда день годом кажется.

«сначала работа, потом отдых»

Делу время, потехе час.
Не откладывай на завтра то, что можно сделать сегодня.
Куй железо, пока горячо.
На забаву час у труда никогда не отнимай.
Ранний час на работу.
Рано вставать – некогда пировать.
Кто рано встает, тому Бог подает,

«лень мешает работе»

Работать лень – мигрень.
Работа не волк, в лес не убежит.
Дела не голуби – не разлетятся.
Дело не малина – в лето не опадет.

«работа требует ответственного отношения»

Дело холодка не любит.
Дело мастера боится.

«начал работу, так продолжай ее выполнять ответственно»

Кто везет, того и погоняют,
Кто в кони пошел, тот и воду везет.
Заботливый себе всегда дело найдет.
Взялся за гуж – не говори, что не дюж.

«некоторые люди уклоняются от работы»

Складно бает да дела не знает.
Белоручки чужие труды любят.
Замерзла тетка, на печи лежа.
Здоров в еде, да хил в труде.
Без дела сидит, в пустой угол глядит.
Бегаёт от работы, как собака от мух.

Одни жнут, другие ждут.
 Один с сошкой, семеро с ложкой.
 За дело не мы, за работу не мы, а попеть, поплясать против нас не
 сыскать.

От меня работа не заплачет.

«работа приносит свои плоды»

Где работно, там и густо, а в ленивом доме пусто.
 Работа черна, да денежка бела.
 Горька работа, да хлеб сладок.
 Дело в руках – хлеб в устах.
 На полатах лежать – ломтя не видать.

«ценны плоды своего труда»
 Что с трудом дается, то и бережется.

«труд кормит»

Труд человека кормит, а лень портит.
 Кто не работает, тот не ест.

«какова работа, такова и награда»

Что посеешь, то и пожнешь.
 Что поприжмешь, то и потрясешь.
 Работай до поту, так и поешь в охоту.
 По работе и награда.
 По труду и честь.
 По работе и плата.

«работа может не выполняться!»

А воз и ныне там.
 Труд без пользы – то же безделье.
 Пришло махом – пошло прахом.

Анализ наиболее часто употребляемых в современной устной и письменной речи в русском языке ФЕ и паремий позволяет утверждать, что они раскрывают многие черты русского национального характера (например, трудолюбие идет рука об руку с ленью), позволяет расширить объем концепта «работа» в русском языковом сознании, выявить дополнительные концептуальные признаки.

Басова Л. В. Концепт ТРУД в русском языке (на материале пословиц и поговорок).
 Даль В.И. Пословицы и поговорки русского народа \ Владимир Даль.—М.: Эксмо, 2009. - 640с.

Фразеологический словарь русского языка. Коллектив авторов: Л.А. Войнова, В.П. Жуков, А.И. Молотков, А.И. Федоров. Под ред. А.И. Молоткова. М.: «Советская энциклопедия», 1967.

Шаров С.А. Частотный словарь русского языка. Интернет-версия на сайте gramota.ru.

С.Г.Дюжакова

Наименование эмоциональной привязанности в русском языке

Данная работа посвящена исследованию лексико-фразеологических средств объективации концепта «эмоциональная привязанность» в русском языке, выявление содержания и структуры которого представляет большой интерес в силу высокой субъективности семантики и вместе с тем широкой употребительности номинирующих его единиц в речи.

В силу частотности употребления и максимальной обобщенности семантики ключевым словом номинативного поля концепта «эмоциональная привязанность» является лексема «любовь». Для выявления номинативного поля концепта «эмоциональная привязанность» необходимо выявить синонимы ключевого слова-номинанта концепта. В результате обработки данных Словаря русских синонимов и сходных по смыслу выражений Н. Абрамова выделен ряд лексем, к которым были также добавлены однокоренные слова. В результате в номинативное поле концепта «эмоциональная привязанность» вошли следующие лексемы (47): *амуры, благоволение, благоволить, благорасположение, благосклонный, доброжелательство, доброжелательный, доброжелатель, вожделение, вожделенный, вожделеть, влечь, влечение, завлечь, увлечь, увлечься, увлеченный, увлечение, любовь, любить, любимый, любвеобильный, влюбить, влюбиться, влюбленный, влюбленность, влюбчивый, мания, манить, порыв, привязанность, привязаться, пристрастие, преданность, преданный, расположение, расположенный, расположить, симпатия, симпатизировать, склонность, страсть, страстный, стремление, тяготение, тяготеть, эмоциональный.*

На следующем этапе были проанализированы словарные дефиниции лексем, объективирующих концепт «эмоциональная привязанность», а также фразеологизмы и поговорки, в которых встретились данные лексемы. В ходе анализа дефиниций выяснилось, что не все однокоренные слова и синонимы объективируют концепт «эмоциональная привязанность». К примеру, лексема «склонность», являющаяся по данным

словаря синонимом лексемы «любовь», является компонентом номинативного поля другого, близкого по содержанию концепта «предрасположенность, расположение к чему-либо» (например, *склонность к полноте, склонность к самоанализу*).

Из номинативного поля исследуемого концепта на данном этапе были исключены лексемы *привязанность, мания, манить, пристрастие, склонность, страстный, стремление, стремиться, тяготеть*.

Анализ семантики и когнитивная интерпретация выявленных в результате анализа семантических компонентов позволили выявить совокупность когнитивных признаков, образующих концепт «эмоциональная привязанность» в языковом сознании:

- предполагает любовные похождения, ухаживание (*амуры разводить*),
- доброжелательное отношение к кому-н., благосклонность (*благоволение, благоволить, благосклонный*),
- хорошее отношение, интенсивность чувства (*благорасположение*),
- доброжелательное отношение к кому-н., предполагает содействие (*доброжелательный, доброжелательство, доброжелатель*)
- чувство к кому-н., страстное, неконтролируемое, очень сильное, предполагает желание, влечение (*вожделение, вожделенный, вожделеть*),
- увлекающее, манящее (*влечь*),
- чувство к кому-н., предполагает склонность к кому-л. (*влечение*),
- манящее кого-н., увлекающее кого-н. (*завлечь*),
- чувство, непостоянное, недолгое (*увлечь, увлечься, увлечение*),
- чувство, глубокое, эмоциональное, заключается в привязанности, предполагает направленность мыслей к кому-н., расположение к кому-н., стремление быть рядом с кем-н. физически, сильное, предполагает предмет любви, искреннее, самоотверженное (*любовь, любить*).

Со словом *любовь* выявлены многочисленные паремии, анализ которых также пополняет состав когнитивных признаков исследуемого концепта:

- страх разрушает чувство (*Всяк страх изгоняет любовь*),
- может приносить горе, несчастье (*Где любовь, там и напасть. Полюбив, нагорюешься*),
- предполагает согласие (*Где любовь, там и совет*),
- основано на совести (*Где совестно, там и любовно*),
- дается Богом (*Где любовь, тут и бог. Бог - любовь*),
- церковное венчание еще не гарантирует любовь (*Крестом любви не свяжешь*),
- предмет любви может меняться (*Лакома овца к соли, коза к воле, а девушка к новой любви*),
- имеет внешнее проявление (*Любви, огня да кашля от людей не спрячешь*),
- заметно окружающим (*Любви, огня да кашля от людей не спрячешь*),

- начинается со взгляда (*Любовь начинается с глаз. Глазами влюбляются*),
- трудно избавиться, сильное чувство, быстро не проходит (*Любовь не пожар, а загорится — не потушишь*),
- длительное (*Любовь - кольцо, а у кольца нет конца*),
- предмет любви может быть необъясним (*Любовь зла, полюбит и козла*),
- нерациональное чувство (*Любовь слепа. Любовь ни зги не видит*),
- высшая ценность (*Нет ценности супротив любви*),
- основано на одинаковых привычках (*Равные обычаи - крепкая любовь*),
 - может приносить горе, несчастье (*У моря горе, у любви вдвое*),
 - может быть в любом возрасте (любви все возрасты покорны),
 - может быть поверхностной, легкомысленной (крутить любовь),
 - нельзя заставить полюбить (*Бояться себя заставишь, а любить не принудишь*),
 - может привести к гибели (*И любишь, да губишь*),
 - можно разрушить (*Кабы люди не сманили, и теперь бы любила*),
 - любовь и критика неразделимы (*Кого журят, того и любят, Кого журю, того люблю*),
 - любимого человека бьют (*Кто кого любит, тот того и бьет. Кого люблю, того и бью*),
 - любовь к девушкам приносит мучения, любовь к молодым женщинам приносит успокоение (*Кто любит девушек - на мученье души; кто любит молодухек - на спасенье души*),
 - предполагает ответное чувство, взаимность (*Любила, а ничем не подарила*),
 - предполагает физические столкновения (*Любит (Люби), как душу, а трясет (тряси), как грушу*),
 - любовь может быть ложной (*Любит, как волк овцу. Любит и кошка мышку*),
 - переживание за других (*Любить - чужое горе носить; не любить — свое сокрушить!*),
 - трудное чувство (*Любить тяжело; не любить тяжелее того*),
 - предполагает внимание (*Любить хоть не люби, да почаще взглядывай!*),
 - бывает разная (*Мать дитя любит, и волк овцу любит*),
 - приносит радость (*Милее всего, кто любит кого*),
 - любовь и горе приходят к каждому (*Нельзя не любить, да нельзя и не тужить*),
 - предполагает терпение и огорчения (*От того терплю, кого больше люблю*),
 - любить надо молодых (*Пей вино, да не брагу; люби девку, а не бабу*),
 - оставляет длительные воспоминания (*Старая любовь долго помнится. Люби, да помни*),

- предметом любви может быть не лучший человек (*Полюбится сова лучше ясного сокола*),
- у любящего теплая рука (*Тепла рука у милого, так любит*),
- любить трудно, не видаться с предметом любви мучительно (*Тошно тому, кто любит кого; а тошнее того, кто не видит его*),
- любить трудно, а не любить - еще мучительнее (*Тошно тому, кто любит кого; а тошнее того, кто не любит никого*),
- чувство к чужому мужу губительно (*Чужого мужа полюбить – себя погубить*),
- непостоянное чувство (*Цвели цветики, да поблекли; любил молодец красну девицу, да покинул*),
- чувство, заключается в привязанности (*любимый*),
- сильное, может быть несколько предметов любви (*любвеобильный*),
- можно внушить чувство любви, привязанность (*влюбить*),
- может быть страстным, возникает внезапно, непостоянное, недолгое (*влюбиться*).

Когнитивные признаки из паремий:

- возникает внезапно (*Влюбился, как мышь в короб ввалился. Влюбился, как сажка в рожу вцепился*),
- начинается со взгляда (*Любовь начинается с глаз. Глазами влюбляются*),
- предполагает влечение к кому-н., непостоянное, недолгое (*влюбленный, влюбленность*),
- может возникнуть внезапно, предмет любви может часто меняться (*влюбчивый*),
- чувство, сильное, мгновенно проявляющееся, душевный подъем, (*порыв*),
- предполагает чувство близости к кому-н., основано на преданности к кому-н., симпатии к кому-н. (*привязанность, привязаться*),
- чувство к кому-н., основано на верности по отношению к кому-н., сильное, постоянное (*преданность, преданный*),
- чувство к кому-н., отношение к кому-н., предполагает хорошее отношение к кому-н., предполагает симпатию к кому-н., предполагает влечение к кому-н. (*расположение, расположенный, расположить*),
- чувство, очень сильное, чувственное, (*страсть*),
- чувство, влечение к кому-н., предмет расположения, невысокая интенсивность (*симпатия, симпатизировать*),
- чувство к кому-н., влечение к кому-н., потребность в ком-н. (*тяготение*),
- подверженность эмоциям (*эмоциональный*).

Отмечаем широкую языковую объективацию концепта *эмоциональная привязанность* - 39 лексем; таким образом, номинативное поле концепта довольно объемное. Однако обращает на себя внимание, что в паремиях

встречаются далеко не все слова, репрезентирующие концепт «эмоциональная привязанность» - это лишь лексемы «любовь», «любить», «влюбиться». Остальные единицы номинативного поля концепта «эмоциональная привязанность» в пословицах и поговорках не встретились, то есть имеют нулевую фразеологическую активность. Однако в составе одной из поговорок была обнаружена имеющая в словаре помету «просторечие» лексема «*втюриться*», которая не была выявлена в ходе лексикографического анализа: «Втюрился, как рожей в лужу».

Концепт может быть описан как полевая структура - в терминах ядра и периферии. На следующем этапе исследования был рассчитан индекс яркости каждого из выделенных когнитивных признаков как отношение количества актуализаций данного признака в лексемах, фразеологизмах и паремиях к общему числу проанализированных лексем, фразеологизмов и паремий (86 единиц).

На основании относительной яркости когнитивных признаков была проведена полевая стратификация концепта «эмоциональная привязанность» и выделено его ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферия.

В **ядро** концепта вошли следующие признаки: чувство к кому-н. (0,19), предполагает влечение (0,13), сильное (0,10).

На **ближней периферии** находятся признаки: доброжелательное отношение (0,08), непостоянное (0,06) страстное (0,06).

К **дальней периферии** относятся признаки: симпатия к кому-н. (0,04), интенсивность (0,04), хорошее отношение к кому-н. (0,04), очень сильное (0,04), искреннее (0,04), эмоциональное (0,04), возникает внезапно (0,04), может принести горе, несчастье (0,04), предполагает предмет любви (0,03), чувственное (0,03), неконтролируемое (0,03), предполагает желание (0,03), предполагает физические столкновения (0,03), глубоко радуется, приносит радость (0,03), потребность в ком-н. (0,03), благосклонность к кому-н. (0,02), благожелательное отношение (0,02), увлекающее человека (0,02), предполагает согласие (0,02), манящее кого-н. (0,02) предполагает склонность к кому-л. (0,02), может побуждать к чему-н. (0,02), глубокое (0,02), начинается со взгляда (0,02), предполагает направленность мыслей к кому-н. (0,02), предполагает стремление быть рядом с кем-н. физически (0,02), страстно ожидаемое (0,02), оставляет длительные воспоминания (0,02), стремление к близости к кому-н. (0,02), самоотверженное (0,02), предполагает ссоры (0,02), основано на верности по отношению к кому-н. (0,02), постоянное (0,02), предполагает терпение к недостаткам (0,02), недолгое (0,02), заключается в привязанности (0,02), основано на преданности (0,02).

К **крайней периферии** относятся признаки: предполагает любовные похождения (0,01), предполагает ухаживания (0,01), предполагает содействие (0,01), временная влюбленность (0,01), можно заставить влюбиться (0,01), предполагает расположение к кому-н. (0,01), разрушает

чувство страх (0,01), основано на совести (0,01), дается Богом (0,01), церковное венчание еще не гарантирует любовь (0,01), предмет любви может меняться (0,01), имеет внешнее проявление (0,01), заметно окружающим (0,01), трудно избавиться (0,01), быстро не проходит (0,01), длительное (0,01), предмет любви может быть необъясним (0,01), нерациональное чувство (0,01), высшая ценность (0,01), основано на одинаковых привычках (0,01), основополагающее чувство человека (0,01), может быть в любом возрасте (0,01), может быть легкомысленным и поверхностным чувством (0,01), нельзя заставить полюбить (0,01), может привести к гибели (0,01), можно разрушить (0,01), неразделимо с критикой (0,01), любимого человека бьют (0,01), любовь к девушкам приносит мучения (0,01), любовь к молодым женщинам приносит успокоение (0,01), предполагает ответное чувство, взаимность (0,01), предполагает благодарность (0,01), может быть ложным (0,01), переживание за других (0,01), предполагает трудности (0,01), предполагает внимание (0,01), бывает разная (0,01), любовь и горе приходят к каждому (0,01), предполагает терпение и огорчения (0,01), любить надо молодых (0,01), предметом любви может быть не лучший человек (0,01), у любящего теплые руки (0,01), любить трудно (0,01), не видется с предметом любви мучительно (0,01), любить трудно, а не любить - еще мучительнее (0,01), чувство к чужому мужу губительно (0,01), может быть несколько предметов любви (0,01), чувство любви можно внушить (0,01), привязанность (0,01), может быть страстной (0,01), мгновенно проявляющееся (0,01), душевный подъем (0,01), предполагает стремление к кому-н. или стремление сделать что-н. (0,01), предполагает благоприятное отношение к кому-н. (0,01).

Также был высчитан совокупный индекс яркости отдельных зон концепта:

ядро - 0,42;

ближняя периферия - 0,20;

дальняя периферия - 0,97;

крайняя периферия - 0,54.

Исходя из полученных данных, можно сделать вывод о том, что все зоны концепта различаются по яркости, при этом ближняя периферия имеет наименьшую яркость. Яркость ядра сравнительно невелика, а наиболее яркими оказываются зоны дальней и крайней периферии. Что свидетельствует о значительной субъективности концепта в сознании носителей языка. Также обращает на себя внимание тот факт, что большинство концептуальных признаков, находящихся на крайней периферии, выделены преимущественно из паремий, большинство из которых в современном языке не употребляется. Заметная совокупная яркость признаков дальней и крайней периферии концепта свидетельствует о том, что большая часть когнитивных признаков концепта при их объективации в языковых единицах находит

актуализацию лишь в немногочисленных единицах номинативного поля, и, следовательно, эти когнитивные признаки не являются существенными для исследуемого концепта в языковом сознании народа и, возможно, не являются коммуникативно релевантными. Данные признаки требуют верификации контекстуальным или психолингвистическим анализом.

Отметим, что по лексикографическим данным концепт *эмоциональная привязанность* выступает как неочечный концепт, что находится в определенном противоречии с эмпирическими представлениями носителей языка. В связи с этим лексикографический анализ концепта следует признать недостаточным, результаты должны быть дополнены контекстуальным анализом единиц номинативного поля в контекстах разных жанров, а также психолингвистическим анализом единиц номинативного поля.

Р.А. Карам

Метафорическая деривация сложных дериватов в русском языке

Непрерывный процесс создания новых слов в языке – это сложный языковой процесс, осуществляющийся под влиянием лингвистических факторов, которые подчиняются действующим правилам словообразования, поскольку «словообразование – это образование слов, называемых производными, обычно на базе однокоренных слов по существующим в языке образцам и моделям с помощью аффиксации, словосложения, конверсии и других формальных средств» (Кубрякова 1998, с. 467). При этом деривационное значение может быть выражено «передано» в языке разными средствами: а) при помощи аффиксов; б) через сложные слова; в) через определенные синтаксические правила.

Бесспорным является тот факт, что деривационное значение проявляется в процессе словообразовательного акта в сфере прироста значения у производных (мотивированных) слов по сравнению с их мотивирующими. Значение производного слова, главным образом, опирается на значение производящего, в основе которого можно выделить два компонента: мотивирующую основу (т.е. ту часть, которая в формальном отношении тождественна или наиболее близка к основе мотивирующего слова) и оставшуюся часть – формант.

Сложные производные слова приобретают новые деривационные значения как конечный результат словообразовательного акта, которые являются повторяющейся семантической разницей между производящим и производным словом (Карам 2010, с.50). В этом отношении интересно проследить, как формируется словообразовательное значение слов типа *небоскре́б, голосо́вный, членора́здельный, златогу́зка, душегу́б, серде́е́д, кни́гое́д, людо́е́д* и другие.

Цель данной статьи – исследовать семантические процессы, при помощи которых формируется лексическое значение сложных дериватов, выявить межкомпонентные семантические отношения и их типы в сложных дериватах, один или оба компонента которых метафорично мотивируется (*златогрузка*, *шилоклв*, *небоскреб*, *буревестник*, *душегуб* и др.).

Метафора сильно связана с производностью (формально-семантические отношения между производящими и производными), поскольку «метафоризация как языковое явление часто рассматривается не отдельно, а в соответствии с другими языковыми феноменами, чаще всего со словообразовательной мотивацией» (Карам 2009, с.154). Данная связь между метафорой и мотивацией раскрывается с помощью производности, основная суть которой заключается в том, что все производные слова русского языка определяются посредством ссылки на семантику производящего (Винокур 1959, с.421).

При анализе семантики мотивированного слова, лингвисты обнаружили, что оно может соотноситься со своим мотивирующим не только прямыми, но и переносными (метафоричными значениями): *собака* – *собачиться*, *змея* – *змеиться*, *обезьяна* – *обезьянничать*, *ёж* – *сьежиться*, *буря* и *вестник* – *буревестник*, *меч* и *хвост* – *мечехвост*, *песок* и *жить* – *пескожил* и др. Этот языковой феномен впервые был выделен В.В. Лопатиным в его статье «Метафорическая мотивация в русском языке» под наименованием **метафорической мотивации** (Лопатин 1975, с. 53-54) или **словообразовательная метафора** (Козинец 2008, с. 86).

В основе образования анализируемых сложных дериватов лежит метафора, обусловленная полным или частичным сходством в каком-либо отношении двух предметов или явлений: *меч* «старинное оружие» и *мечехвост* (бабочка), *щит* «оружие» и *щитоноска* «насекомое», *золото* «металл» и *златогрузка* «насекомое» и др.

Термин «метафорическая мотивация» использует И.А. Ширшов. «Под метафорической мотивацией понимается извлечение из лексического значения производящего (производящих – при сложении) одного семантического компонента при нейтрализации остальных сем и формирование нового, образного смысла производного. В словарном описании производного целесообразно использовать сравнительные кванторы «как бы», «похожий на» и др. (Ширшов 1991, с. 61).

Этот же термин применяет и В.В. Лопатин, отмечая: «специфика метафорической мотивации состоит в том, что переносный смысл возникает у определенных основ только на уровне мотивированного слова, только в его словообразовательной структуре» (Лопатин 1975, с. 55). На наш взгляд, для процесса появления лексического значения сложных дериватов данного типа более точным является понятие «метафорическая деривация» на том основании, что в качестве мотиваторов – базовых

компонентов производного композита в подавляющем большинстве выступают слова, употребляемые в прямом значении.

Метафора же появляется в результате словообразовательного процесса (ср. *золотой груз* – *златогрузка* «бабочка, цвет спины которой напоминает цвет золота», *драть горло* – *горлодер*. Прост. 1. Крикун; 2. То, что раздражает горло: Первое ЛСВ образовалось за счет метафорического переосмысления глагола *драть* в идиоме *драть горло* «громко говорить, кричать» и метонимического употребления существительного *горло*: «орган речи» – «звучащая речь»; во втором ЛСВ композит сохраняет прямое значение слова *горло*, но метафорически преобразует глагол *драть* – «раздражать»).

Лингвистический термин «метафорическая деривация» употребляет в своих работах Л.А. Кудрявцева для названия определенного типа семантической деривации, для которой характерны внутрипарадигматические отношения исходной и результативной единиц (Кудрявцева 1993, с.103). Примером такого типа деривации служит появление у существительного *морж* – «морское северное млекопитающее» производного лексико-семантического варианта «человек, занимающийся плаванием зимой в открытых водоемах».

Термин «метафорическая деривация» можно применять для обозначения деривационного процесса образования сложных дериватов, метафорично мотивированных и отражает суть об их словообразовательной производности. Формирование лексического значения данного пласта языковых единиц осуществляется при помощи межморфемных процессов в пределах семантической структуры, поскольку метафоризация передается семантическим переосмыслением значений морфем, которые определяют. конкретизируют друг друга (Карам 2009, с.101). Актуализируются различные семы производящей основы как ядерные, так и периферийные, которые в сформированной семной структуре закрепляются или переходят в разряд ядерных, а не востребуемые ядерные семы компонентов-конкретизаторов отодвигаются на периферию.

Примерами актуализации только ядерных сем производящей основы могут служить дериваты типа: *мечехвост*, *трубкожил* первые компоненты метафоризованы, поскольку части композитов *меч-*, *трубк-* здесь не обозначают *меч* – «старинное холодное оружие в виде обоюдоострого длинного прямого ножа с рукояткой» (Кузнецов 2000, с. 539), *трубка* – «длинный, пустотелый, обычно круглого сечения предмет (преимущ. для провода чего-н.)» (Ушаков 2001, т.3, с. 422). Сходство по форме между производящей базой *меч*, *трубка* и метафоризованной первой частью сложного слова осуществляется на основе сравнения: два понятия, далекие друг другу, связываются между собой третьем, имеющим общее с первым и со вторым. Путем выявления этого общего создается метафорическая деривация. В лексемах *мечехвост*, *трубкожил* метафоризованный

компонент *меч-*, *трубк-* играет определительную роль, т.к. он толкует, определяет вторую часть зкомпозита. Второй компонент метафоризируется под влиянием определительной мотивационной роли метафоризованных компонентов, напоминающих образ *меча*, *трубки*. Следовательно, композиты имеют **метафорическую бимотивацию**: первая происходит на основе мотивировки производного слова семантикой мотивирующей базы, а вторая внутрисконструктурная, межкомпонентная, результатом которых является **метафорическая деривация**.

Следует отметить, что в данном случае происходит перемещение не востребуемых ядерных сем на периферию, а не их нейтрализация, так как семная структура существительного-конкретизатора является основой метафорической мотивации.

В семной структуре существительного-конкретизатора могут также актуализироваться одновременно ядерные и периферийные семы. Примерами являются производные слова с двумя компонентами, мотивированными косвенной метафорой (*буревестник*), обе части связаны определительными отношениями: вестник как *буря*, буря как *вестник*. В данном случае произошла актуализация ядерных сем. При метафорической деривации возможно появление у производного, первого или второго компонента сложения, переносного значения, которого не было у него ранее. Этому способствуют такие факторы: 1) актуализация у производящей основы периферийных сем; 2) объединение в словосочетание прилагательного и существительного разноплановой семантики, например, *черношляпка*, *златогрузка*. Компонент *черн-*, соотносится с прямым значением прилагательного *черный*, но вторая часть композита имеет метафорическую мотивацию, т.к. верхняя конечность тела животного напоминает образ шляпы.

Таким образом, можно сказать, что термин «метафорическая деривация» является наиболее адекватным для обозначения процесса формирования лексического значения дериватов с одним или с двумя метафорично мотивированными компонентами, а формирование лексического значения сложных дериватов осуществляется в результате семных процессов в пределах семантической структуры компонентов-конкретизаторов.

1. Винокур, Г.О. Заметки по русскому словообразованию [Текст] / Г.О. Винокур // Избранные труды по русскому языку. – М., 1959. – С. 419-443.

2. Карам, Р.А. внутрисконструктурная и семантическая обусловленность компонентов сложных зооморфных существительных [Текст] / Р.А. Карам // Студенческий вестник. – Вып. 4. – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2009. – С. 97-106.

3. Карам, Р.А. межморфемные мотивационные отношения зоокомпозитов [Текст] / Р.А. Карам // Вестник Елецкого государственного университета им. И.А. Бунина. – Вып. 25: филологическая серия (5). – Елец: ЕГУ им. И.А. Бунина, 2009. – С. 70-75.

4. Карам, Р.А. Структура и семантика зоокомпозитов в русском языке (словообразовательный аспект) [Текст] / Р.А. Карам // диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Елец, 2010. – 215.

5. Козинец, С.Б. Классификация словообразовательных метафор по степени семантической связи с производящими [Текст] / С.Б. Козинец // Вестник Челябинского государственного университета 2008 / Серия: Филология Искусствоведение: Выпуск 21. – С. 86-89.
6. Кубрякова, Е.С. Словообразование [Текст] / Е. С. Кубрякова // Большой энциклопедический словарь. Языковедение/ Гл. ред. В.Н. Ярцева. - М.: Большая российская энциклопедия, 1998. – С. 467 – 469.
7. Кудрявцева Л.А. Моделирование динамики словарного состава языка: Монография. – К.: ИСИОУ, 1993. – 280 с.
8. Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с.
9. Лопатин В.В. Метафорическая мотивация в русском словообразовании [Текст] / В.В. Лопатин // Актуальные проблемы русского словообразования. – Т. 143. – Ташкент, 1975. – С. 53-57.
10. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка: В 3-х т. Т.3. / Под. ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Вече, Мир книги, 2001. – 672 с.
11. Ширшов И.А. Теоретические проблемы гнездования [Текст] / И.А. Ширшов // Принципы составления гнездового толково-словообразовательного словаря современного русского языка. – Грозный, 1991. – С. 5-74.

Т.Н.Панкова

Проблемы перевода метонимии

Основной проблемой перевода метонимического словоупотребления является различие как в способах метонимизации, так и в степени ее распространенности в речи на исходном и переводящем языках. Это различие часто сопровождается и объясняется разными традициями метонимического выражения в исходной и переводящей культурах.

Вспомним, что в самом общем виде метонимией (от греческого *metonomadzo* — переименовывать) называется перенос названия с одного предмета на другой, или иноименование, на основе смежности сопоставленных таким образом объектов. Она состоит в том, что вместо названия одного предмета употребляется название другого, связанного с первым постоянной внутренней или внешней связью. Эта связь может быть между предметом и материалом, из которого он сделан; между местом и людьми, которые в нем находятся; между процессом и его результатом; между действием и инструментом.

В отличие от метафоры, направленной на сопоставление, уподобление объектов друг другу с целью выявления сущностного сходства, употребление метонимии в любом языке направлено на индивидуализацию объекта путем выделения какой-либо характерной черты и вынесения ее на первый план в способе именования. Например, знаменитые «пикейные жилеты», (*“the pique waistcoats”*) из «Золотого теленка» существуют как наивысшее выражение индивидуальности во всем остальном совершенно безликих персонажей. Характерно, что в условиях необходимых преобразований метонимия, в отличие от метафоры, никогда не

преобразуется в сравнение, но зато сравнительно легко переходит в эпитет, в частности, в субстантивированный эпитет.

Например: Two men, one with thin black hair and the other with luxurious red mop, stood side by side, like day and night. The red was smiling ready to see the funny side of danger, the black, with his wry face and triangle eyebrows, was the embodiment of despair.// Два человека, один с жидкими черными волосенками, другой с пышной рыжей шевелюрой стояли бок о бок, как день и ночь. Рыжий мечтательно улыбался, как будто усматривал что-то забавное в опасности; черный, с кислой гримасой и страдальческими бровями, казался воплощением отчаяния. В данном примере исходная метонимия практически не представляет трудности для перевода поскольку в структурном и содержательном отношении способы ее выражения совпадают в английском и русском языках.

Наибольшую сложность для перевода представляют такие случаи метонимического переноса, которые основаны на ассоциации:

а) между предметом и одним из его признаков — метонимический эпитет,

б) между целым и частью предмета — синекдоха,

в) между именем собственным и именем нарицательным, обладающими общей содержательно-признаковой основой, — антономасия.

Рассмотрим подробнее возможные приемы, которые можно употребить при переводе этих разновидностей метонимии.

В отличие от метафоры, метонимия практически не преобразуется в сравнение, зато способна создавать удивительные по меткости метонимические эпитеты на основе ассоциации между предметом и одним из его свойств или признаков. Например: «В кабинет буквально ввалилась джинсовая девица». Здесь детали туалета переносятся на определение самой носительницы этого туалета. Такие эпитеты не всегда переводимы в силу двойной трудности, включающей возможные преобразования самой структуры атрибутивного словосочетания, а также необходимость преобразований метонимического словоупотребления.

Например, при переводе данного предложения с русского на английский язык теряется возможность сохранения метонимичности. Это предложение можно так перевести на английский язык: “A girl in her full denim outfit nearly fell into the office”. “Denim” – это «грубая хлопчатобумажная ткань». “Outfit” – «одежда». Выражение “a denim girl” не вполне приемлемо в английском языке, т.к. denim не является собственным признаком объекта. Более того, такое словосочетание не отражает тех социально-культурных, оценочных коннотаций, которые сопровождают это словоупотребление в русском контексте. По существу, единственным средством перевода здесь является преобразование признака в объект, то есть рекатегоризация исходной единицы, однако при этом теряется часть эмоционально-оценочной информации, выраженной в исходном тексте посредством

данной метонимии, теряется подчеркнутая индивидуальность признака джинсовый {denim}.

Разновидностью метонимии является синекдоха. Синекдоха, в переводе с греческого означающая «подразумевание, соотнесение», обычно проявляется в употреблении названия части вместо целого, частного вместо общего, и наоборот. Сложность ее для перевода состоит в том, что в разных языках способы и ограничения в выражении категории «часть — целое» могут довольно сильно отличаться друг от друга. В русском языке метонимический перенос такого рода сравнительно ограничен, поскольку имеется целый ряд других средств, прежде всего метонимический эпитет, возникающих на флективной основе. Напротив, в английском языке синекдоха столь же естественна, сколь естественна метафора и, зачастую не неся каких-либо стилистических нагрузок, зависит главным образом от придания синтаксической функции тому или иному слову. Это несоответствие осложняет перевод и требует иногда замены самого выразительного средства каким-либо другим стилистическим оборотом. Например, в предложении “These wheels will drive you at your pleasure” these wheels употреблены как синекдоха вместо this car. При переводе на русский язык, употребив аналогичную синекдоху «Эти колеса гарантируют вам езду с удовольствием», мы тем самым несколько снижаем общий стилистический тон этого рекламного выражения, поскольку рекламируются не колеса, а сама машина, а в русском речевом обиходе употребление слова «колеса» вместо слова «машина» носит жаргонно-просторечный характер и употребляются либо в ироническом, либо в небрежном именовании (например, «Бери какие-нибудь колеса и дуй за ним»), то есть, по существу, лексическая единица «колеса» синонимично таким единицам как «тачка», «мотор» и т. п. Этот оттенок словоупотребления совершенно не соответствует исходному английскому тексту и меняет сам стиль рекламного предложения. В данном случае уместным будет либо парафраз-иносказание (например, «ваш замечательный друг на колесах»), либо дополнение (например, «эти замечательные колеса, современный дизайн корпуса и автоматическое управление гарантируют...»), которое нейтрализует стилистическое несоответствие отдельной синекдохи в русском тексте.

Известные осложнения связаны и с различием проявлений антономасии в русском и английском языках, что сопровождается неизбежными преобразованиями при переводе. Антономасия — это тоже вид метонимии. Общим термином «антономасия» называется особое использование собственных имен: переход собственных имен в нарицательные (типа Дон Жуан), или превращение слова, раскрывающего суть характера, в собственное имя персонажа (такого рода имена в последнее время получили название прецедентных), или замена собственного имени названием связанного с данным лицом события или предмета.

Применение того или иного переводческого приема для перевода антономасии зависит не только от языковых, но и, как во многих других случаях, от культурных различий.

Так, чтобы передать метонимичность фразы “The guards now change Buckingham Palace to a Lennon and McCartney», недостаточно перевести сами имена, необходимо восстановить основу метонимического переноса (“tune” - “music”), поскольку в русской культурной традиции этот вид метонимии не имеет широкого распространения и воспринимается слегка чужеродно в отношении данных имен в данной ситуации: Смена караула при Букингемском дворце происходит теперь под музыку Леннона и Маккартни.

В иной ситуации та же метонимия может быть воспроизведена без преобразования — в случае сопоставимости культурной традиции: если вместо приведенного выше предложения взять русское предложение «Наши отцы, битники шестидесятых годов, балдеют под Леннона и Маккартни» и перевести его на английский язык, то обратный перевод даст ту же самую форму метонимии в английском языке: “Our parents, beatniks of the 60-s, buzz out of Lennon and McCartney”.

Широта применения метонимии этого вида наблюдается в области торговых наименований продукции по имени владельца фирмы, что практически пока отсутствует в русской речевой традиции. Выражение “to buy some Kellogg’s” может быть передано только либо с восстановленной основой («купить кукурузные хлопья фирмы Kellogg’s»), либо даже без метонимического компонента («купить кукурузные хлопья»).

Сложнее обстоит дело с передачей именных метонимий, отражающих имена, широко известные в рамках исходной культуры, но практически не имеющих значения или вообще неизвестные в переводящей культуре. В русской публицистической традиции довольно часто употребляются имена литературно-исторических персонажей в качестве нарицательных наименований для какого-либо общественного типа. Например, для перевода фразы «Эти пустые статьи и статейки пишутся то французским Маниловыми, то американскими Чичиковыми» необходимо хорошо представлять себе, говорит ли что-либо англоязычному читателю такое имя. Как правило, в таких случаях наиболее частый вариант перевода — это расшифровка качества, обозначенного метонимическим именем, сопровождаемая разрушением метонимии, например: “Some of these idle, shallow writings belong to fuzzy French dreamers, some to pushing American wheeler-dealers”.

Таким образом, основные рекомендуемые правила перевода метонимических единиц могли бы быть следующими:

1. Полный перевод метонимической исходной единицы применяется в случае полного совпадения языковых и культурных традиций выражения индивидуального свойства в английском и русском языках.

2. Структурное преобразование исходной метонимии применяется в условиях несовпадения грамматических норм, когда исходный контекст, в котором употреблена метонимия, не может быть грамматически полностью воссоздан на языке перевода.

3. Семантическое преобразование исходной метонимии происходит в условиях отсутствия в переводящем языке способа выражения для исходного индивидуального признака.

4. Функциональное преобразование исходной метонимии применяется в условиях несовпадения стилистического статуса метонимической единицы в исходном и переводящем языках.

5. Полное преобразование исходной метонимии, то есть восстановление прямого именованного, применяется в условиях значительного расхождения культурных традиций, когда исходное метонимическое слово не существует в переводящем языке и неизвестно переводящей культуре.

Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка. – Л.: Просвещение, 1981. – 295 с.

Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.

Ермолович Д.И. Имена собственные на стыке языков и культур. – М.: Р.Валент, 2001. – 200 с.

Казакова Т.А. Практические основы перевода. – СПб: Издательство Союз, 2001. – 320 с.

Т.Н.Панкова

Национальная специфика образования метафорических значений на примере лексем, обозначающих цветы в русском и английском языках

Интерес исследователей к изучению метафоры не ослабевал на протяжении всей истории развития филологической науки. Фитонимическая лексика неоднократно попадала в поле зрения таких современных лингвистов, как О. Н. Чарыкова, Е.А. Булах, Е. А. Быкова, Е. И. Гусакова, О. И. Мусаева, Н. И. Панасенко, И. Е. Подолян, А. М. Сердюк, О. В. Дехнич, А.В. Берестнева, Е. В. Рыжкова, Тамара Івасіва, Т.В. Леонтьева, И.И. Киреева, В.И. Небойт, А.А. Усачёва, А.А. Хатхе, О. В. Худенцова, Н. Ш. Ягумова и др. В последнее время особенную актуальность приобрели исследования в области выявления национальной специфики семантики единиц различных языков, в частности русского и английского. Такие исследования, помимо расширения теоретической базы данной проблемы, позволяют более полно описать языковую картину мира носителей этих двух языков.

Несомненно, что важную роль в становлении лексической системы любого языка играет метафора: она является источником новых значений

слов, которые могут выполнять ряд различных функций. Как известно, сам термин "метафора" используется в двух значениях – как результат и – реже – как процесс. Именно этот последний, деятельностный аспект метафоры самым непосредственным образом связан с человеческим фактором в языке: благодаря нему в языковых средствах запечатлевается все то национально-культурное богатство, которое накапливается языковым коллективом в процессе его исторического развития. Отражая реальный мир, метафора отражает и отдельные черты и особенности менталитета народа, репрезентирует мировоззрение и миропонимание носителей языка, активно участвует в построении картины мира. Представляется возможным говорить о том, что существует как нечто общее, так и различное в способе и частоте образования многозначных единиц и обусловленности их спецификой системы конкретного языка.

В изучаемой лексико-семантической группе метафорические значения приобретают 18 русских лексем (41 семема) и 35 английских (89 семем). Соотносимые единицы: *роза* (rose), *розовый* (rose (adj.)), *васильковый* (bluebottle), *подснежник* (snow-drop, *snowdrop*), *цвет* (flower), *цвести* (to flower), *цветистый* (florid), *цветущий* (flowery), *процветать* (flourish), *расцвет* (to flourish), *расцвет* (bloom, blossom). Эндемичным для русского языка является метафорическое осмысление лексем *роетка*, *сиреневый*, *махровый*, *отцвести*, *процветание*, *пустоцвет*, *расцвет*, эндемичным для английского – *flowers*, *inflorescence*, *florescence*, *flower-de-luce*, *fleur-de-lis*, *to blossom*, *to bloom*, *to rose*, *roses*, *rosebud*, *rose-bud*, *roseate*, *rose-leaf*, *tulip*, *daffodil*, *daisy*, *violet*, *water-lily*, *carnation*, *pink*, *to pink*, *anemone*.

Общность анализируемых лингвокультур проявляется в осмыслении процесса цветения как оптимальной фазы развития и цветка как эстетического феномена. Отличия проявляются в количестве дериватов, наличии векторных соответствий, а также в объеме и структуре семем эквивалентных лексем. Например, глаголы «*цвести*» в английском и «*процветать*» в русском, образуя метафору, имеют семантические различия: по-русски лексема «*цвести*, *процветать*» означает «*благоденствие, материальное преуспевание*», английская «*flourish*» означает «*жить и творить, благотворно развиваться*».

Общность проявляется также в восприятии и осмыслении *розы*. Этот цветок и в русской, и в английской картинах мира оценивается как лучший из цветов и осмысливается как воплощение лучших качеств и источник приятных ощущений и положительных эмоций, например, *благоприятная обстановка* (для совершения, выполнения чего-л.). При этом в английском языке, в отличие от русского, метафорическое употребление данной лексики возможно не только применительно к внешности человека, но и к его духовным качествам (например: *образец совершенства, пример добродетели*). Востребованными в обоих языках оказались также такие признаки розы, как форма и цвет. Например, *сетка*

душа или лейки; розово-красная разновидность овощей или фруктов (груши, яблок, картошки и т. п.) или рожистое воспаление.

Признак «цвет» оказался актуальным для сопоставляемых языков и при восприятии василька. Однако в английском языке данная ассоциация связана не с цветом вообще (как в русском), а с цветом конкретных объектов: в зоологии – трупной мухи (*bluebottle fly*) и в разговорном английском – мундира полицейского. Например, *He was caught in his own house by the bluebottles of Scotland Yard* — Его поймали в его собственном доме полицейские Скотланд-Ярда.

При анализе отличий в осмыслении денотативной сферы «цветы» русским и английским языковым сознанием обращает на себя внимание тот факт, что для английского языкового сознания данная сфера более значима, чем для русского, что проявляется как в количестве осмысляемых денотатов, так и в характере их осмысления. Так, помимо розы, аксиологический аспект ярко проявляется при восприятии гвоздики, маргаритки (ромашки), тюльпана и до определённой степени нарцисса. Наиболее частотным признаком переноса наименований цветов является их окраска. Одним из главных является этот признак и при метафоризации русских названий цветов. Однако в русской языковой картине мира используется признак номинации, не востребованный в английском языке применительно к данной группе денотатов. Это «количество лепестков». Прилагательное *махровый* переосмысливается на основе ассоциации «большое количество лепестков – высокая степень проявления признака» и приобретает (что в русском языке является редким для цветов) негативные коннотации, служит для отрицательной оценки: *махровый бюрократ, махровый болван*. В английском языке в свою очередь используется не актуализируемый в русском языковом сознании признак «движение цветка», то есть покачивание на стебле или то, как он тянется к солнцу. Например, лексема *flourish* (цветение плодового дерева; дерево в цвету) приобретает значение «показные движения (телом, оружием и т. п.)», также лексема *to flourish* (цвести, расцветать; пышно расти, разрастаться; давать побеги, ветвиться), которая может означать «размахивать оружием в знак триумфа, победы, потрясать оружием, салютовать».

Таким образом, осмысление денотативной сферы цветы в русском и английском языковом сознании имеет как общие, так и национально-специфичные черты.

Longman Dictionary of English Language and Culture. - Wesley: Pearson education, Inc., Upper Saddle River, 2000. - 1568 p.

Longman dictionary of American English: your Complete Guide to American English. - 2nd. ed. - Wesley: Pearson education, Inc., Upper Saddle River, 2000. - 934 p.

Берестнева А.В. Типология мотивирующих признаков номинации растений в разносистемных языках (на материале фитонимов, обозначающих экзотические

растения) / А.В. Берестнева // Б.А. Алборов и проблемы кавказоведения: Материалы региональной научной конференции, посвященной 120-летию со дня рождения Б.А. Алборова. Владикавказ, 2006.- С. 32-36.

Большой англо-русский словарь: / Под ред. И.Р. Гальперина. – М.: Рус. яз., 1979.

Большой русско-английский словарь / Под общ. рук. А.И. Смирницкого. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2004.

Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. – СПб., 2003.

Івасіва Тамара. Донецький національний університет. (науковий напрям: Філологія і журналістика) Лингвокультурологический аспект сопоставительного анализа фразеологических единиц с ботаническим компонентом в английском и русском языках. pinchukfund.org/storage/students/works/2008

Киреева И.И. Морфологическая характеристика лексико-фразеологического поля “Флора” как отражение британской национально-культурной специфики / И.И. Киреева // Актуальные проблемы иноязычного образования: Сборник научных статей. – Самара, Издательство МГПУ, 2008. – С. 114 – 120.

Леонтьева Т.В., Интеллект человека в зеркале "растительных" метафор / Т.В. Леонтьева // Вопросы языкознания. – М.: Наука, 09/2006 . – N5 . – С. 57-77.

Д.Е.Хохонин

Атрибуты прецедентных имен и их роль в формировании картины мира

«Прецедентные имена - это широко известные имена собственные, которые используются в тексте не столько для обозначения конкретного человека (ситуации, города, организации и др.), сколько в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, событий, судеб», - такое определение дает прецедентным именам Е. А. Нахимова (Нахимова 2007, с. 41).

Прецедентные имена как единицы языка и речи выступают репрезентантами прецедентных концептов – ментально-вербальных единиц, которые используются для представления, категоризации, концептуализации и оценки действительности. Не последнюю роль играют прецедентные имена в формировании картины мира и ее фрагментов. Внимание лингвистов к рассматриваемому явлению в полной мере соответствует его роли в современной массовой коммуникации.

Любопытно замечание Е.А. Нахимовой о том, что «прецедентные имена - это важная часть арсенала средств интертекстуальности, столь важного для коммуникации эпохи постмодернизма и в то же время имеющего богатые традиции» (Нахимова 2007, с.42)

В самых различных лингвокультурных сообществах имена *Дон-Жуан* и *Ловелас* уже много веков выступают как знак чрезмерного женолобия, *Дон Кихот* - как символ бескорыстной борьбы за справедливость, *Квзимодо* - как очень некрасивый, отталкивающего вида человек.

Вместе с тем значительное место в российской массовой коммуникации играют национальные концепты (*Александр Невский, Иван Сусанин, Хлестаков, Троцкий, Чапаев* и др.), которые отражают национальную действительность, национальный характер и национальную ментальность русского народа.

«Прецедентные имена - это важная составляющая национальной картины мира, способствующая стереотипизации и оценке действительности в народном сознании, формированию и развитию национальной картины мира, приобщению к национальной культуре и национальным традициям в рамках глобальной цивилизации и с учетом общечеловеческих ценностей» (Нахимова 2007, с. 46).

Имя собственное в противопоставлении имени нарицательному и в его многообразных коммуникативных модификациях сохраняет многие свои признаки, результатом чего может быть превращение его в прецедентное имя и вместе с тем в той или иной степени приближающееся к имени нарицательному.

Использование имени собственного в специфических коммуникативных смыслах издавна привлекало внимание исследователей, но подходы к познанию этого феномена и даже само его обозначение в рамках различных научных парадигм существенно различаются.

В современной теории прецедентности отчетливо различаются денотативное и коннотативное употребление (в других терминах - метафорические и неметафорические значения) прецедентных имен. Специфические черты прецедентного имени предопределены его структурой, ядро которой составляют дифференциальные признаки, а периферию - атрибуты.

Атрибуты прецедентного имени - это «элементы, тесно связанные с означаемым прецедентного имени, являющиеся достаточными, но не необходимыми для его сигнификации, например: кепка Ленина, бакенбарды Пушкина, маленький рост Наполеона» (Красных 2002, с. 80-82).

В качестве атрибутов могут выступать некоторые детали одежды или внешности, которые принадлежат денотату и по которым его можно "узнать" (Красных 2002, с.83). Еще одна составляющая прецедентного имени - это оценка, которая воспринимается как эмотивная, личностная и не всегда способная претендовать на полную объективность (Гудков 1999, с.124). В то же время эта оценка зафиксирована и служит неким ценностным ориентиром для соответствующего национального сообщества или социума.

Дифференциальные признаки определяют специфические признаки данного имени, что позволяет противопоставить его другим именам. Эти признаки во многом похожи на дифференциальные признаки имен нарицательных, хотя это лишь относительное сходство. Дифференциальные признаки прецедентных имен часто существенно

различаются в сознании различных людей, для них в большей степени характерны исторические изменения, а также социумные и личностные варианты. Например, прецедентное имя *Золушка*—имя персонажа одноименной сказки французского писателя Шарля Перро. В современной разговорной речи используют данное прецедентное имя, когда говорят о скромном, незаметном человеке; человеке неярком, обладающем неброской внешностью. Однако мы можем встретить и другие значения данного антропонима в разговорной речи, например: человек, обделенной любовью и заботой. *Она росла золушкой*. Нечто незаслуженно забытое и непрестижное, играющее второстепенную роль. *Прав московский геодезист А.Кондрашов: его профессию можно назвать Золушкой на строительной площадке* («Известия», 1984 г., 15 ноября).

В качестве атрибутов прецедентных имен могут выступать некоторые детали одежды или внешности, которые принадлежат денотату (в другой терминологии — референту) и по которым его можно «идентифицировать», узнать. Подобная «идентификация» может быть названа номинацией по атрибуту («именованием» предмета через его атрибут), посредством которой в коммуникации осуществляется апелляция к прецедентному имени. На этом приеме основаны многие анекдоты, парадоксы, афоризмы.

Для того, чтобы определить корпус референтов прецедентных имен, был проведен направленный психолингвистический эксперимент, в котором информантами выступили студенты и преподаватели разных вузов города Воронежа (всего 50 человек). Информантам предлагались атрибуты прецедентных имен в качестве стимула. Участники эксперимента спонтанно называли то прецедентное имя, которое у них ассоциировалось с тем или иным атрибутом.

Результаты эксперимента представлены в следующей таблице.

Стимул	Реакция
Кепка	Ленин – 31, Лужков – 19
Маленький рост	Наполеон –15, Путин – 21, Медведев – 14
Брови	Брежнев– 40, затр. ответ. – 10
Шляпа	Боярский –32, Гладков – 11, затр. ответ. –7
Лысина	Ленин – 27, Хрущев –11, Бондарчук – 8, Матвиенко – 4
Губы	Анджелина Джоли – 20, Маша Распутина – 17, затр. отв. – 13
Усы	Якубович – 24, Боярский – 17, Сталин –9
Улыбка	Затр. отв. – 27, Петросян –11, Галкин –7, Верник –5
Борода	Затр. отв. –24, Вассерман – 14, Трахтенберг –12

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1) В картине мира носителей русского языка атрибуты прецедентных имен играют значительную роль. Прецедентные имена - это важная часть национальной языковой картины мира, они задают национальную систему ценностей, которая в той или иной задействована в качестве оценочных суждений и регулирует поведение представителей национально-лингвокультурного сообщества.

2) В количественном отношении наибольшее число реакций было дано на стимул *брови*.

3) Наибольшее затруднение вызвали у информантов стимулы: *шляпа*, *губы* и *борода*.

Гудков, Д. Б. Прецедентные имена в языковом сознании и дискурсе / Д. Б. Гудков // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. Братислава, 1999: доклады и сообщения российских ученых. - М., 1999.

Красных, В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология : курс лекций / В. В. Красных. - М., 2002.

Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. Екатеринбург, 2007.

Отин Е.С. Словарь коннотативных собственных имен. Москва-Донецк, 2006

Семантика слова в тексте

О.Е.Виноградова

Семантическое и семное варьирование глагола *думать* в тексте

Выделяют два вида семантического варьирования слова в контексте – семемное и семное.

Рассмотрим эти два вида варьирования на примере актуализации значения слова *думать* в различных контекстах. Коммуникативный анализ употребления данного слова в различных контекстах позволил выявить разные значения, а также многочисленные контекстуальные актуальные смыслы отдельных значений, актуализирующие различные наборы сем конкретного значения.

1. Направлять мысли на кого (что)

Наша жизнь есть то, что мы о ней думаем. [Владимир Горбачев. Концепции современного естествознания (2003)]

— Так не бывает, — грустно сказала она, **думая** о чем-то своём. [Фазиль Искандер. Время счастливых находок (1973)]

Начинаешь **думать** по порядку, и всё смешивается, лезет в голову всякая ерунда, только и знаешь, что глазеть по сторонам. "Буду глазеть по сторонам", — решил я и тогда начал думать. [Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора (1963)]

- направлять мысли на кого-либо

Семное варьирование:

Идеями, заставляющими тебя увидеть сцену с новой точки зрения и воскликнуть: "Оказывается, наш режиссёр умеет **думать**! [Джим Кэрри -- изнутри и снаружи (2004) // «Экран и сцена», 2004.05.06]-

направлять мысль креативно, предлагая нетривиальные решения

Нельзя отрицать, что часто так действительно бывает, что есть на свете много профессиональных учёных, которые придерживаются того, что было названо «двойной бухгалтерией», т. е. что в своей лаборатории они **не думают** о религии, а по воскресным праздникам, идя по привычке в церковь, забывают о своей науке и в течение всей своей жизни не удосуживаются и не испытывают потребности привести в порядок своё мировоззрение. [С. Л. Франк. Религия и наука (1929)]

- направляя мысль, не принимать во внимание определенные положения

2. Осмыслять, обрабатывать информацию рационально

Специфика восприятия ценностей заключается в том, что их нельзя «**думать**», их можно исключительно чувствовать. [А. Лэнгле. Введение в экзистенциально-аналитическую теорию эмоций: прикосновение к ценности (2004) // «Вопросы психологии», 2004.08.10]

Наличие у человека психических способностей (**думать**, понимать, чувствовать) в филогенезе осознаётся людьми достаточно рано. [И. М. Савельева, А. В. Полетаев. Знание о прошлом: теория и история. Том 1: Конструирование прошлого (2003)]

После этого, как всякая нормальная женщина, стала **думать**, зачем я это сделала. [Ксения Махненко. Обращение (2002) // «Домовой», 2002.03.04]

- обрабатывать информацию рационально

Актуальные смыслы:

И такая тут сытая, холёная «флора», **что думаешь о** ней, как о «фауне»: кабачки — как толстые поросята, жёлтые, красные перчики — как заморские птицы... [Галина Шагиева. Некрасивых нет! (2002) // «Биржа плюс свой дом» (Н. Новгород), 2002.08.12]-
осмыслять, оперируя определенными мысленными понятиями, категориями

В нервных клетках его мозга быстро накапливаются бета-амилоидные пептиды (BAP / Beta-Amyloid-Peptide). Клетки перестают работать, а человек **думать**. Беспамятство — его удел. [Александр Зайцев. Нобелевские премии: медицина // «Знание -- сила», 2003]

- осуществлять мыслительную деятельность как некий физиологический процесс разумного существа

Наемные работники, заинтересованные в высоком курсе акций «своего» предприятия так же, как и его акционеры, стали «соменеджерами», начали **думать** как менеджеры [19]. [Александр Малинкин. Рейнский капитализм // «Отечественные записки», 2003]

– *мыслить в новом ключе, воспринимать свою деятельность по – другому, сема **по – новому/ по – другому** наводится контекстом*

Прав был Андрей Вознесенский, писавший когда-то о незнакомом нам мире: "Некогда **думать**, некогда, в офисы - как вагонетки, есть только брутто, нетто - быть человеком некогда! [Александр Волков. Одеться с иголки и без ниточки // «Знание - сила», № 10, 2003] - *осмыслять действительность, повышая этим свой интеллектуальный уровень*

Я отдавал им должное: мудрецам и по штату положено **думать**. [Александр Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 1-25 (1968) // «Новый Мир», 1990]

- *осмыслять действительность в поисках ее сути, философствовать*

Что у человека мозг для того, чтобы **думать**, это они уяснили себе хорошо. [Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 1 (1943-1958)]

- *обрабатывать информацию, мыслить рационально и логически*

3. Понимать, осознавать

Но ветвь отсекается чужой рукой, человек же сам своей ненавистью отрезает себя от ближнего своего и **не думает** о том, что он этим отрывает себя от всего человечества. [Л. Н. Толстой. Путь жизни (1910)]

Он и **не думает** о том, что личная свобода только и возможна, когда полицейский не имеет власти отца и матери и когда его вмешательство сводится на страдательную готовность — до тех пор, пока его позовут. [А. И. Герцен. Былое и думы. Часть шестая. Англия (1864)] – **не осознает**

Пусть "романтизм", но тогда этим обозначена какая-то вечная составляющая человека, и Лермонтов первым в нашей литературе дал основание **думать** о ней как о вечной. –[Валерий Мильдон. Лермонтов и Киркегор: феномен Печорина. Об одной русско-датской параллели // «Октябрь», № 4, 2002]

Я стал **думать**, что то, что мне казалось сокровищем, есть на самом деле нищета. [Ю. К. Олеша. Речь на I Всесоюзном съезде советских писателей (1934)]

– *понимать, осознавать*

Семное варьирование:

Принимая предложение, я **не думаю** о последствиях выбора, я поступаю в соответствии со своими желаниями». [Комический трагик Астерикс (2002) // «Культура», 2002.04.01]- *не осознаю, не просчитываю последствия, не прогнозирую*

4. Концентрировать мысли на чем-то, не позволять себе отвлекаться

Потом летишь нормально, смотришь на приборы и **думаешь** о выполнении поставленной перед тобой задачи. [Михаил Панин. Камикадзе // «Звезда», 2002]

Думаешь: только бы доплыть, только бы удержать преимущество, только бы не догнали... [Андрей Митьков. Юрий Кудинов, чемпион Европы-2002 в плавании на открытой воде: «Меня просто трясло» (2002) // «Известия», 2002.07.26]

Семного варьирования данного значения в контекстах не обнаружено.

5. Полагать, иметь мнение, соображение по какому-л. поводу, считать.

Считали (так было проще **думать**), что механизмы контроля транскрипции в эукариотах независимы от хроматина. [В. Л. Карпов. ДНК, хроматин, гистоновый код // «Вестник РАН», 2003]

Почему мужчины **думают**, если ты прыгнула в его машину, то повторишь это ещё раз? [Ольга Зуева. Скажи что я тебе нужна... // «Даша», № 10, 2004]

Существует лишь то, о чем люди **думают**, что это существует. [И. М. Савельева, А. В. Полетаев. Знание о прошлом: теория и история. Том 1: Конструирование прошлого (2003)]

Только не **думайте**, что вы дешево отделались. [И. Грекова. Дамский мастер (1963)]
- *полагают, имеют мнение, соображение*

Семное варьирование:

Можно **думать** только об использовании зеркальной оптики, размещенной в вакууме. [С. В. Гапонов. Литография на длине волны 13 нм (2004) // «Вестник РАН», 2006]

– *полагать, рассматривая как вариант*

Можно **думать**, что это тоже остаток столкновения Млечного Пути с какой-нибудь малой галактикой, только еще более древнего столкновения. [Михаил Вартбург. Пикник на обочине: Кто бы мог подумать? // «Знание -- сила», №10, 2003]

- *полагать, рассматривая как гипотезу*

Схема остается той же: вы можете либо взять уравнения, подобные (1) и (2), формирующие условия резонанса, либо умножить эти уравнения на \hbar и **думать**, что они выражают энергетический баланс для каждого одиночного микроперехода. [Механизм процесса холодной трансмутации ядер химических элементов (2003) // «Геоинформатика», 2003.03.19] – *полагать, принимая за основу*

Кроме того, **думали**, что сильно повышенная кислотность слизистой желудка стерилизует среду. [М. Д. Голубовский. Биотерапия рака, «дело КР» и сталинизм // «Звезда», 2003] – *полагали, считая истинным*

Однако данный факт можно использовать в боевой ситуации, когда ваши глаза вроде бы закрыты руками, и противник **думает**, что вы не увидите его движений.

[Психоэнергетические техники работы со взглядом (2003) // «Боевое искусство планеты», 2003.12.08] – *полагает, пребывая в уверенности*

Чтобы мы **думали**, что власть делом занимается. [Иосиф Гальперин. Власть «делом» занимается (2003) // «Совершенно секретно», 2003.08.09] - *чтобы думали, и в сознании создавалось впечатление*

В отличие от Гумбольдта, видевшего смысл слова в его внутренней форме, Соссюр **думал**, что смысл слов в языке полностью определяется формальными связями между словами (говоря упрощенно, синонимами и антонимами, употреблением слов в предложении). [Леонид Перловский. Сознание, язык и математика // «Звезда», 2003] - *полагал, будучи убежденным считать, имея собственное понимание*

Поначалу **думаешь**, что это после пива кажется, что фасады зданий наклонены в сторону улицы. [Елена Малик. Северная Бавария (2002) // «Автопилот», 2002.05.15] –*полагаешь, будучи убежденным*

Гораздо больше болельщики и футболисты переживали за Андрея Каряку, которого, как все **думали** перед матчем, Олег Романцев не берёт на сбор национальной команды. [Юрий Дудь. Два мира, два «Торпедо». Герои и неудачники 12-го тура чемпионата страны по футболу (2002) // «Известия», 2002.05.14] – *полагал, будучи убежденным*

Ведь этот психованный, он сейчас с припадками в нервном лежит, **думал**, что он в тебя стреляет. [Ю. О. Домбровский. Леди Макбет (1970)] - *полагал, будучи убежденным*

Люди наивно **думают**, что владеют деньгами, знают их достоинство. [Варвара Жданова. «Все обращалось к его славе...» (2003) // «Наш современник», 2003.06.15] - *полагают, верят.*

Он **думал**, что он бессмертен, и не торопился... [Булат Окуджава. Новенький как с иголки (1962)]

- *ошибочно полагал, сема **ошибочно** наведена контекстом.*

Я думаю, он мне по меньшей мере двадцать писем оттуда, из госпиталя, прислал. [А. И. Пантелеев. Анечка (1942)] - *полагать, предполагая*

Хо-хо-хо, она **думает**, я за папиросами пошёл. [А. Н. Толстой. Черная пятница (1924)] - *верит*

6. Предполагать

Например, я никогда **не думала**, что умею рисовать, а два года назад взяла в руки кисточку, и теперь у меня дома висят копии любимых Ван Гога, Сезанна, Моранди. [Юлия Пешкова. В поисках диковинного (2002) // «Домовой», 2002.05.04].

Хотя кто **думал**, что всё так случится, что их сбросят не туда, куда следует, и после десантирования никто не встретит. [Василь Быков. Болото (2001)]

Когда он подошёл к ней сзади, я **думал**: тут она ему отомстит за его нахальство, но она и моя мать ошибалась, когда так **думала** обо мне. [К. Г. Паустовский. Орест Кипренский (1936)]

Не советую **даже думать** о том, что только на Востоке традицией было использовать сильные и точные удары. [Владимир Авилов. Сибирский кулак. Шаг воина (2004) // «Боевое искусство планеты», 2004.03.11]

-предполагать

Семное варьирование:

Мне за пятьдесят, а я вдруг начал учить концерт Берга, к которому в молодости даже **не думал** подступить, и не просто учить — я практически закончил новую, свою редакцию этого концерта. [Сати Спивакова. Не всё (2002)] — *предполагал, что может попытаться*

Потом я неделю в себя прийти не мог: хожу, делаю свои дела, а всё как сам не свой. **Думал**, что сниться будет. Нет, не снилась. [Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей, часть 2 (1964)] — *предполагал, боясь и опасаясь*

7. Считать виновным в чём-н., подозревать

— Ваше сиятельство, грех вам столь обидно **думать** на меня, на старого. [В. Я. Шишков. Емельян Пугачев. Книга вторая. Ч. 1-2 (1939-1945)]

Я сам, знаете, больше всех **думал** на Дмитрия Афанасьевича, который очень трусился, как бы его паробки за дівчат не отлупцевали, — и вот я в дороге еду, говорю своему Тереньке: [Н. С. Лесков. Заячий ремиз (1894)]

— Ничего я не видел, было темно, — ответил он. — Я на него и не думал вовсе. [Ю. О. Домбровский. Леди Макбет (1970)]

—считать виновным.

Семного варьирования данного значения в контекстах не обнаружено.

8. Иметь намерение, собираться

Сегодня для тех, кто только **думает** о внедрении маркетинга в своём издательском доме, мы предлагаем краткий обзор четырёх элементов маркетинга, четырёх "Р". [От совершенствования товара к интенсификации продаж (2002) // «Витрина читающей России», 2002.10.25]

— Ну, расскажи, как **думаешь** жить, Прокудин? — спросил начальник. [Василий Шукшин. Калина красная (1973)]

Нет, ты не перебивай, — добавил он, хотя я и не **думал** его перебивать. — Трое берут, четвёртый отказывается. [Фазиль Искандер. Должники (1968)] — *иметь намерение, собираться*

Семное варьирование:

Судя по всему, в "Ягуаре" уже **думают** о чемпионате 2003 года, и не исключено, что канадец примет предложение британской команды.

[Наталия Дмитрук. Вперед в будущее. Шумахер остается, Хаккинен уходит, Вильнев дает последний шанс (2001) // «Известия», 2001.07.11 - *собираться, планируя участие*

9. Проявлять заботу о ком-чём-н., беспокоиться (Ожегов, Ушаков, Кузнецов, Ефремова, МАС)

— Бегаешь допоздна, **не думаешь** о своем здоровье. [Леонид Юзефович. Дом свиданий (2001)]

Живи себе спокойно, о нас **не думай**, у нас всё хорошо, всё есть, ни в чём не нуждаемся. [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // Новый Мир, № 1-2, 2001] — *беспокоиться, проявлять заботу*

Семное варьирование:

Ведомство отвечает, что ему приходится **думать** не только о долгосрочных бумагах, но и об управлении долговым портфелем в целом. [Л. Ю. Стахович, Г. Э. Шахназарян. Анализ зарубежного опыта размещения пенсионных и страховых резервов в ценные бумаги (2003) // «Финансы и кредит», 2003.04.21] — *беспокоиться, ринимая определенные меры*

Очевидно, авторы **думали** о денежных обязательствах, однако, нет причин полагать, что иные обязательства не могут быть урегулированы мировым соглашением. [Мировое соглашение и примирительные процедуры в арбитражном, гражданском и третейском процессе (2003) // «Арбитражный и гражданский процессы», 2003.10.27] - *были обеспокоены, сосредоточены прежде всего на этой проблеме*

10. Размышлять, производить какие-н. умозаключения

Промаялся я дня три-четыре и чувствую, надо собираться в дорогу, потому что, **думаю**, или вор меня опередит, писаря моего перекупит, или мой страдалец умрёт, до суда не дотянет. [Фазиль Искандер. Бедный демагог (1969)]

Девятнадцатого марта, когда я вышел на улицу в снег, в полночь, я **думал**: если уж дома, в своём скворечнике, в том, до чего никому нет дела, кроме меня, я не могу быть независимым, не имею права совершать поступки, тогда я ничтожество, насекомое. [Юрий Трифонов. Предварительные итоги (1970)]

Я смотрел на эту чудесную игрушку и **думал**: как же всё это похоже на творчество самого Зенкова! [Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей, часть 1 (1964)]

Слоняясь по прямым аллеям, он **думал** о том, что хорошо бы покончить наконец с этой войной, поехать в свой родной город и там снова делать своё дело: строить новые дома, вдыхать сладкий запах строганных досок и, взбираясь по лесам, обсуждать с бородатыми мастеровыми замысловатые чертежи на помятой синьке. [Э. Г. Казакевич. Звезда (1946)]

-размышлять

Семное варьирование:

По большому счёту, у нас примерно такая же история, если не с электричеством, то с водой и другими коммунальными удобствами — каждый раз платишь и **думаешь**: за

что? [Т. Аксюта. Как жить на проценты? (2002) // «Сочи», 2002.08.22] - *размышляя, недоумеваешь*

Исторического времени у нас нет — мы не можем думать 100 лет, как это принято на Руси, лишь бы ничего не делать. [Наталья Ратиани. Проблема в 3 триллиона. Президент за час победил региональных законодателей (2003) // «Известия», 2003.02.18] - *размышлять, не предпринимая практических действий, наводится сема «неодобрительное»*

И ещё она думала, что на уроках меньше надо говорить "своими словами", а больше "его словами", чтобы слушали и плакали... [И. Грекова. «Скрипка Ротшильда» (1980)] - *размышляя, приходит к выводу*

Как ни страшно, думал я, погибнуть от бомбёжки, всё-таки неизмеримо страшней погибнуть от руки гестапо. [Фазиль Искандер. Летним днем (1969)] - *размышляя, «примерять» на себя*

Теперь пришло время думать о следующих четырёх годах работы в парламенте. [Александр Градов. «Медведи» залили партийный фундамент (2003) // «Аргументы и факты», 2003.01.22] — *размышляя, просчитывать следующие действия, планировать*

По дороге между киоском и летним кинотеатром, куда мы шли, я только и думал, как с достоинством увернуться от его новой благотворительности, и никак ничего не мог сообразить. [Фазиль Искандер. Письмо (1969)] - *размышлять, искать выход из ситуации*

Прошу не медлить! На том конце думали. Иннокентий загадал: откажут [Александр Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 1-25 (1968) // «Новый Мир», 1990] - *размышлять, взвешивая «за» и «против»*

Секретарь думал теперь только об одном, верить ли ему ушам своим или не верить. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 1 (1929-1940)] - *размышляя, находится в растерянности*

Думал он долго и наконец сказал: — Сдаюсь. [М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита, часть 2 (1929-1940)] - *размышлял, прилагая усилия*

Только о том и думали, как бы чем заводам насолить. [П. П. Бажов. Демидовские кафтаны (1939)] - *размышляли, планируя*

11. Изучать, исследовать, анализировать

Аристотель и Гегель, по неразумию забытые отцом в шкафу, о розетке не слыхивали, в Малой Советской Энциклопедии вырвана уйма страниц, удалось всё же узнать (после обыска в городской библиотеке), что о процессах взаимообмена думал и некто Гедель. [Анатолий Азольский. Лопушок // «Новый Мир», № 8, 1998]

Например, уже необходимо **думать**, где грань между моралью и биологией человека. [Г. Г. Аракелов. Нейронауки -основа развития психологии (2004) // «Вопросы психологии», 2004.10.12]

С запада, из осевой части Главного хребта, сведений до сих пор не было. Взгляните сами на карту, **думайте**, опровергайте. А я пойду дальше. [Андрей Никонов. Кавказский сейсмоисторический детектив: 20 лет спустя // «Знание -- сила», №10, 2003] - *изучайте, исследовать и анализировать*

Семное варьирование:

Исследовать значит видеть то, что все видели, а **думать** так, как не **думал** никто. [Владимир Горбачев. Концепции современного естествознания (2003)] - *анализировать, сопоставлять, выводя новые теории, принципы*

Один — это глоттогенез: **думать**, как мог возникнуть язык, какие могут быть его истоки, как соотносится человеческая коммуникация с коммуникацией животных и т.д. [Сергей Старостин. Два подхода к изучению истории языка // «Знание - сила», №8, 2003] - *исследуя, строить гипотезы*

12. Мысленно сосредоточиваться на чём-л., обдумывать что-л.

Я **стал думать**, почему эти люди так враждебно воспринимают каждое моё слово? [Владимир Войнович. Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру (1976)]

Но я никак не могу начать **думать** о роли. [Сергей Юрский. Бумажник Хофманна (1993)]

Они **всё время думают** о своей работе: как пройдёт операция, что и как сказать родным больного... [Светлана Ткачева. Тамара Гвердцители: «Не умею учиться на чужих ошибках» (2003) // «100% здоровья», 2003.01.15]

— Тут так-то просто проедешь, и то голова кругом, а вам всё время **думать** надо. [Василий Шукшин. Печки-лавочки (1970-1972)]

И тут из меня вдруг выскочило то, о чём я уж месяцы **думал** и так и сяк, но с полной определённой решил только сейчас. [Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей, часть 2 (1964)]

— *мысленно сосредоточиваться*

Семное варьирование:

В результате распространённый тип российского студента — лоботряса и преферансиста, который только и **думает** о том, как бы прогулять лекцию и списать на экзамене, начал постепенно вытесняться представителями совсем иной породы. [Анна Фенько. Студент всегда прав // «Коммерсантъ-Власть», № 13, 2002] - *мысленно сосредоточен, планируя что-либо*

— Мне тоже мучительно **думать** об одежде, если я не выпалась или у меня утром дурное настроение. [Анна Карабаш. La perla, или мало ли что? (2002) // «Домовой», 2002.06.04] —*мысленно сосредоточиться, выбирая подходящий вариант*

По-русски, если человек говорит **не думая**, это сразу заметно в структуре речи, а по-английски легче говорить и писать отчасти потому, что при этом не обязательно **думать**: структура языка отрывается от структуры смысла. [Леонид Перловский. Сознание, язык и математика // «Звезда», 2003] - *мысленно сосредоточиться, подбирая более точные слова к выражаемой мысли*

Люди начинают вымирать в таких темпах, что полковник чешет затылок. Но только чешет, а **не думает**. Нет, моего коллегу не легко заставить думать. [Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом, часть 2 (1943-1958)] - *мысленно сосредоточиться в поисках ее решения проблемы*

Горестно, конечно, думать, что все ее друзья и коллеги уже ушли из жизни, но это закон природы, и я уже тоже **думаю** о судьбе архива в дальнейшем. [К истории изучения дальневосточного энцефалита (2003) // «Вопросы вирусологии», 2003.07.07] - *мысленно сосредоточиться, просчитывая различные варианты,*

Дмитриев стал **думать**, к кому бы ткнуться. [Юрий Трифонов. Обмен (1969)]- *мысленно сосредоточиться «прикидывая различные варианты*

Фетинья это заметила и только о том и думала, как бы девку со свету сжить. [П. П. Бажов. Шелковая горка (1947)] - *мысленно сосредоточиться обдумывала способ, планировала*

13. **Надеяться, рассчитывать на что-л., желать, мечтать**

— Это, конечно, такая шутка, и успеха, конечно, она не имеет, однако Михайлов время от времени повторяет её с постоянством мужчины, который, может, и **думал** о славе и подвигах в молодости, но теперь уже нет: теперь он вполне смирился и конец свой, и итог жизни в общих чертах знает. [Владимир Маканин. Отдушина (1977)] — *надеялся, мечтал*

Семное варьирование:

Изобретатель искренне движим жаждой прогресса, он **думает** об общественном благе, а общество отвечает ему насмешкой. [Иван Дмитриев. Мягкое место террориста. Дурацкие изобретения имеют право если не на жизнь, то на свет (2002) // «Известия», 2002.06.20] - *мечтает, рассчитывая на что-либо*

И началась длинная неделя, и я ел, учился, вставал и ложился спать, играл и даже дрался, и всё равно каждый день **думал**, когда же придёт воскресенье, и мы с папой пойдём в цирк, и я снова увижу девочку на шаре, и покажу её папе, и, может быть, папа пригласит её к нам в гости, и я подарю ей пистолет-браунинг и нарисую корабль на всех парусах. [Виктор Драгунский. Денискины рассказы/ Девочка на шаре (1963)] - *мечтая предполагать, планировать*

Произошла драма, позорный исход которой не сделал никому чести: Эванс стал **думать** о Стелле и застрелился. [А. С. Грин. Сердце пустыни (1923)] - *мечтать, желать*

14. Советоваться сообща, обсуждать дело

После окончания воскресной утренней программы тренеры долго **думали**, кого заявлять на финал: относительно опытного Евгения Алешина или молодого Аркадия Вятчанина, который только что проплыл неплохо. [Андрей Митьков. День Попова. Александр Великий неожиданно проиграл спринт и блестяще выиграл эстафету (2002) // «Известия», 2002.08.05]

В дегтярной черноте загалдели: — Чего тут **думать** на ночь глядя? Али останный час живем, дня не будет? [Артем Веселый. Россия, кровью умытая (1924-1932)

– *совещаться, обсуждать*

Семное варьирование не обнаружено.

15. Сомневаться

Я, говорит, на тебе не женюсь, и **не думай**. [Михаил Шишкин. Всех ожидает одна ночь (1993-2003)]

- *не сомневайся.*

Семного варьирования данного значения в контекстах не выявлено.

16. Решать, просчитывая разные варианты

Так что **думай**: или другого мужика ищи и с ним рожай, или втихаря забеременей от нормального, а своему скажи, мол, наконец-то получилось! [Вероника Стрельникова. Опять акробатика, милый? // «Даша», № 10, 2004]

Это тебе надо было раньше **думать**— рожать его или не рожать. [Андрей Геласимов. Жанна (2001)]

И он со своими 3, 5 тыс. руб. в месяц будет **думать**, что ему делать: взять 300 тыс. руб. и обеспечить себе пятилетнюю зарплату и нормальное существование, или всё-таки жить на государственную зарплату, исповедуя принципы совести, чести, профессиональной неподкупности. [Оборотни первой волны (2003) // «Завтра», 2003.08.06]

Я **думал**: что делать, если я нагоню «Мираж» вот теперь, когда он без ветра? [Б. С. Житков. «Мираж» (1935)]

- *решать*

Семного варьирования данного значения в контекстах не выявлено.

17. Делать вывод, приходить к выводу

Это позволяет **думать**, что личностно-смысловой компонент позиции субъекта учения опережает в своем возникновении и развитии когнитивный и регуляторный компоненты. [Е. Д. Божович. Развитие идеи Н.А. Менчинской на современном этапе исследований психологии учения (2004) // «Вопросы психологии», 2004.04.13]

Среди полученных в нашем исследовании результатов есть такие, которые позволяют **думать**, что не только W-модель, но и U-модель может быть полезна в качестве средства объяснения обсуждаемого явления. [А. А. Горбатков. Две модели

динамики связей положительных и отрицательных эмоций (2004) // «Вопросы психологии», 2004.06.15]

В России обследуются группы населения с предположительно более высоким риском заражения ВИЧ, такие как потребители наркотиков, лица, обращающиеся к врачам с венерическими заболеваниями; в связи с этим можно **думать**, что в необследованной части населения ВИЧ встречается реже, чем в обследованной. [В. В. Покровский. Вич-инфекция в России: прогноз (2004) // «Вопросы вирусологии», 2004.05.03]

Можно **думать** только об использовании зеркальной оптики, размещенной в вакууме. [С. В. Гапонов. Литография на длине волны 13 нм (2004) // «Вестник РАН», 2006]

— Вот и **думает** человек: знать, и смерть такая. [Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей, часть 2 (1964)]

...А про Ляльку я ему так и не сказала. **Думала**: зачем говорить? Ещё пожалеет... останется... солжёт... [И. Грекова. Летом в городе (1962)] —*приходить к выводу*

Семного варьирования данного значения в контекстах не выявлено.

18. **Пытаться найти ответ, гадать**

Я вот сижу, например, **думаю**, - сколько лет могут прослужить стулья. [Андрей Геласимов. Ты можешь (2001)]

Я стоял у второго пересечения следов и **думал**, что же ждёт меня впереди... [Юрий Коваль. Сиротская зима (1980-1993)]

- *пытаться найти ответ, гадать*

Семного варьирования значения в контекстах не выявлено.

19. **Вспоминать**

В течение многих лет я вообще **не думала** об этой истории. [А. Лэнгле. Введение в экзистенциально-аналитическую теорию эмоций: прикосновение к ценности (2004) // «Вопросы психологии», 2004.08.10]

Никто не упрекнет приехавшего с фронта в отпуск, если он веселится и не **думает** о мертвых. [Л. Я. Гинзбург. Записные книжки. Воспоминания. Эссе (1920-1943)]

Всё время **думаю** об этих людях, люблю их, и мне хочется рассказать их историю. [Ольга Романцова. Сергей Женовач: «Театр не может быть индивидуальным» (2003) // «Известия», 2003.01.30]

А я тоже смотрел на неё и **думал**: да где же всё это— и лодку, и фигурки гребцов, стоячих, а не сидячих, — видел? [Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей, часть 1 (1964)]

- *вспоминать*

Семное варьирование не обнаружено.

20. **Соглашаться**

— **Не думаю**, — сказал редактор, потом вдруг рассердился, — хватит! [Сергей Довлатов. Чемодан (1986)]

Но потом я **думаю**, что, может, тот человек в чем-то и прав, и стараюсь исправиться. [Вы над собой смеяться не боитесь? (2002) // «Дело» (Самара), 2002.05.03]

И Климентьев стал **думать** — а почему бы и в самом деле не разрешить? [Александр Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 26-51 (1968) // «Новый Мир», 1990]

-соглашаться

Семного варьирования данного значения в контекстах не выявлено.

21. Обращать внимание, задумываться

Пока дышится свободно, о воздухе мы **не думаем** — вспоминаем о нем лишь тогда, когда возникает препятствие в дыхании. [Р. Х. Шакуров. Психология смыслов: теория преодоления (2003) // «Вопросы психологии», 2003.10.21]

Кино про то, что идёт война, что она (хотя большинство населения о ней и **не думает**) переломала многих, а на войне как на войне. [Юрий Гладильщиков. Младший брат. О чем «Война» Алексея Балабанова (2002) // «Известия», 2002.03.15]

Пока Степан Конкин был озабочен мировой революцией и **не думал** о судьбах односельчан, он был невольным помощником Орлова. [Вл. Воронов. Ответственность // «Юность», 1971]

Пожалуй, еще более вероятно, что Прокофьев просто-напросто никогда и **не думал** о них. [Ю. П. Анненков. Дневник моих встреч (1966)]

- обращать внимание, задумываться

Семное варьирование:

Об этой низменной материи занятому высокими исканиями человеку **думать** зазорно, и у этой позиции есть и благородство, и потенциал выживания. [В. М. Живов. Наука выживания и выживание науки // «Новое литературное обозрение», 2005]

Документы в одной и той же компании писали в разных форматах, про стиль изложения вообще мало кто **думал**. [С. А. Иншаков. Обзор ресурсов технического писателя в Интернет (2004) // «Информационные технологии», 2004.01.26]

- задумывался, принимая во внимание

— Там ведь ни одного почти мужчины нет, — говорю я, — неужели никто об этом **не думает**?.. [Булат Окуджава. Новенький как с иголки (1962)]

-беспокоится, обращая внимание

22. Мысленно представлять

Например, «Волк **думает** о еде, чувствует ее вкус, он злой, у него зубы острые, он такой устрашающий. [Е. А. Савина, К. Колакоглу. Проективный сказочный тест и его возможности в исследовании личности ребенка (2004) // «Вопросы психологии», 2004.12.14]

И всё-таки я усмехаюсь, потому что **думаю**, как теперь каждый входящий будет кричать на него и топтать ногами. [Булат Окуджава. Новенький как с иголки (1962)]

В подобных случаях мать вряд **ли думает** о предстоящих мытарствах в Пенсионном фонде. [Сергей Николаев. Отцовство после смерти (2003) // «Богатей» (Саратов), 2003.11.20]- *мысленно представлять*

Семное варьирование:

Просто приятно жить и **думать**, что где-то во дворце на троне сидит такая женщина и с покровительственной улыбкой выслушивает доклады важных вельмож. [Игорь Порошин. Против Америки с любовью. Ирина Слуцкая идет второй после короткой программы (2002) // «Известия», 2002.02.20] - *представлять, создавая образ*

Я испугался и стал **думать**, что никому не нужен, что мои особенности художника не к чему приложить, и поэтому вырос во мне ужасный образ нищего, образ, который меня убивал. [Ю. К. Олеша. Речь на I Всесоюзном съезде советских писателей (1934)] - *мысленно представлять, приходя к выводу*

О том, что может быть дочь, женского пола, он не думал. [Ю. Н. Тынянов. Малолетний Витушишников (1933)] - *не представлял мысленно, не считая этот вариант возможным*

23. Учитывать, принимать в расчет, иметь в виду

Я не **думаю** о том, будет ли фильм иметь коммерческий успех, потому что такой подход предполагает соревнование, а я по натуре терпеть не могу соревноваться. [Кейт Уинслет: «Наше прошлое должно быть с нами» (2004) // «Экран и сцена», 2004.05.06]

Но то, что мы постоянно **думаем** об этом при отборе произведений для постановки, — безусловно. [Анастасия Гулина. Слух к чужой боли (2003) // «Богатей» (Саратов), 2003.09.11]

Наука, как указано, занимается изучением соотношения между явлениями или силами природы; вполне естественно, что, занятая этим своим собственным делом, она не усложняет своей задачи ещё рассмотрением тех инородных действий, которые могут иметь место при вмешательстве сверхприродных сил; это так же естественно, как

естественно, что, например, архитектор, строя дом, при обсуждении его устойчивости и прочности **думает** только об обычных, естественных разрушительных силах, но не о бомбардировке из тяжёлых орудий. [С. Л. Франк. Религия и наука (1929)]

Не будем задаваться вопросом, что думали новгородцы, когда говорили о вещах людских, мирских или градских. [Лариса Иванова-Везн, Олег Хархордин. Новгород как res publica: мост к величию (2003) // «Неприкосновенный запас», 2003.07.14]

- *учитывать, иметь в виду*

Таким образом, в текстах фиксируется яркое семное и не менее яркое семное варьирование значения слова **думать**, что свидетельствует о его важности в семантическом пространстве языка и высокой коммуникативной востребованности. При этом некоторые значения «не склонны» к семантическому варьированию в контекстах, что требует дальнейшего исследования.

Реализация оценочных значений слова в контексте

Как показывает исследование, многие лексические единицы обладают полиоценочностью: в разных значениях они имеют разные оценочные коннотации. Кроме того, в разных контекстах оценочные компоненты слова могут актуализовываться, а могут также нейтрализовываться, погашаться и модифицироваться. Оценочные семы могут также наводиться контекстом в неоценочных значениях слов в определенных контекстах. Семантическое описание таких случаев употребления слова требует детального семного анализа.

Покажем возможности такого описания на примере двух частотных глаголов русского языка, выделенных по материалам частотного словаря С.А.Шарова (интернет-версия).

Слова были проанализированы по материалам «Корпуса русского языка» в различных контекстах их употребления.

Продаться

Словарное, лексикографическое значение слова *продаться* - *разг.* Из корыстных побуждений перейти на сторону противника, совершив предательство, измену. *П. иностранной разведке. П. ни за что.*

В данном значении слово *продаться* является негативно-оценочным, о чем свидетельствуют оценочные единицы метаязыка дефиниции - *из корыстных побуждений, совершив предательство, измену*. Значение также имеет презрительный эмоциональный компонент.

В примере *Он продался американской разведке* актуализируется все семное содержание слова: *Из корыстных побуждений перейти на сторону противника, совершив предательство, измену*.

Контекст выявляет диагностический фрагмент, номинирующий реального врага, противника: диагностическим маркером актуализации все ядерных сем значения является диагностическая фраза *американской разведке*, которая актуализирует как все денотативные семы, так и коннотативные – неод., презр.

Однако в контекстах зафиксированы и другие семные реализации данного значения.

1. Сегодня *продаться* для сотрудника – обычное дело.

Актуализируется смысл «*из корыстных побуждений перейти на сторону конкурента, совершив предательство, измену*», неод.

Сема «противник» не актуализируется в контексте, она модифицируется в более общую сему «конкурент». Диагностическим маркером модификации данной семы в контексте является фраза «для сотрудника», которая позволяет модифицировать противника в конкурента.

Сема *совершив предательство, измену* не актуализуется, поскольку контекст не выявляет диагностического фрагмента, номинирующего реального врага, противника.

В данном случае нейтрализуется, погашается также сема «презрительное», она не входит в данном контексте в актуальный смысл семантически реализуемого слова.

Диагностическим маркером погашения эмоциональной семы фраза «обычное дело», которая исключает эмоциональную оценку обозначаемое словом *продаться* действия.

2. - Это будет выглядеть так, будто я вам *продался*. - Ну и что, что *продался*?! Вы ведь и приехали в Париж затем, чтобы продать подороже свою шпагу! [пер.: А.Дюма. Три мушкетёра].

В данном случае в первом употреблении слова *продаться* актуализируется смысл «из корыстных побуждений предоставить свои услуги кому-либо», *неод.*

Диагностический маркер данного смысла – *вам* (продался). В данном случае не актуализированы семы *перейти на сторону противника, совершив предательство, измену*, сема *перейти (на чью-либо сторону)* модифицируется в более абстрактную сему *предоставить свои услуги*. Погашена сема «презрительное», диагностический маркер ее погашения – фрагмент «это будет выглядеть», который рационализирует ситуацию, лишает ее эмоциональности.

Сема *совершив предательство, измену* не актуализуется, поскольку контекст не выявляет диагностического фрагмента, номинирующего реального врага, противника.

Во втором употреблении слова *продался* в данном контексте реализуется тот же самый актуальный смысл, что и в первом употреблении - «из корыстных побуждений предоставить свои услуги кому-либо». Этот смысл подтверждается фразой «Ну и что, что *продался*?!», которая, однако, погашает в значении слова *продался* не только эмоциональную, но и оценочную сему. Последующая фраза «Вы ведь и приехали в Париж затем, чтобы продать подороже свою шпагу!» также выступает диагностическим маркером ситуативно не оценочного и не эмоционального значения слова *продался*.

4. Джек согласился *продаться* ему за кружку эля, докатился! [Марина Каминарская. По тыкве! (2002) // «Домовой», 2002.11.04].

Актуализируется значение «из корыстных побуждений согласиться полностью подчиниться чье-то воле, неод., презр.».

Сема из корыстных побуждений актуализована, сема перейти на сторону противника модифицируется в согласиться полностью подчиниться чьей-то воле, сема совершив предательство, измену не актуализуется, поскольку контекст не выявляет диагностического фрагмента, номинирующего реального врага, противника.

Диагностические маркеры актуализации негативной коннотации данного значения – «докатился» (в значении *дошел до унижительного состояния*), «согласился», «за кружку эля» (с семантикой «задешево»), что оценивается негативно и презрительно.

Таким образом, в данном случае актуализируется неодобительно-оценочное значение.

Как следует из вышеизложенного, значение глагола *продаться* активно модифицируется в контексте, значительно расширяя номинативные возможности слова. Если описанные актуализации значения слова *продаться* приобретут регулярный характер, можно будет говорить о формировании новых значений данного слова.

Актуальный смысл «из корыстных побуждений предоставить свои услуги кому-либо», неод. представляется наиболее вероятным претендентом на самостоятельное значение в смысловой структуре глагола *продаться* в современном русском языковом сознании.

Выпить

Глагол *выпить* в современных толковых словарях описывается как двузначный:

1. Проглотить, принять внутрь какую-л. жидкость. *В. воду. В. молока.*
2. Разг. Принять внутрь вино, спиртной напиток. *В. за победу.*

В контекстах нами зафиксированы следующие семантические актуализации данного слова:

1. Зашли мы с коллегой летним вечером *выпить* по чашке кофе [Михаил Карпов. Список Визенталя (2003) // «Совершенно секретно», 2003.05.05].

Актуализируется в полном семном объеме первое значение «проглотить, принять внутрь какую-л. жидкость». Диагностический маркер – фраза *по чашке кофе*.

2. Водка в доме водилась всегда, чтобы было что *выпить*, было чем угостить приятеля, если зайдёт, да и в принципе для поднятия настроения, так сказать [И. Грекова. Фазан (1984)].

В данном случае актуализируется в полном семном объеме второе значение «принять внутрь вино, спиртной напиток». Диагностические маркеры – фразы «чтобы угостить приятеля» (в значении «преложить алкоголь») и «для поднятия настроения», что является часто приписываемой алкоголю характеристикой.

3. И это было очень близко к тому, во что верил Довлатов. Водка, а вернее тот факт, что он её *выпил*, уже не приносил Сергею радости. Она томила его, как похоть оленей в гон. Она убивала его [Александр Генис. Довлатов и окрестности (1998)].

Реализуется значение 2 «принять внутрь вино, спиртной напиток», причем в контексте в значении глагола наводится сема «напрасно». Данная сема не входит в системное значение глагола *выпить*, она появляется в семантике глагола в данном конкретном контексте. Диагностическими признаками наведения семы «напрасно» являются фразы «не приносил радости», «томила его», «убивала его». Наводятся также неодобрительная оценка и негативная эмоция.

Таким образом, при контекстуальной реализации значений слова наблюдаются следующие варианты его оценочной актуализации:

- актуализация системного оценочного значения в полном семном объеме;
- актуализация системного оценочного значения в неполном семном объеме с оценочной семой, но без эмоциональной семы;
- актуализация системного оценочного значения в неполном семном объеме с погашением оценочных и эмоциональных сем;
- актуализация неоценочного значения с наведением дополнительной денотативной семы и контекстуальным наведением оценочного и эмоционального семантических компонентов.

У.Талл

Семантика слова *гостеприимство* в художественном тексте

Нами была изучена реализация значений слова *гостеприимство* в художественных текстах русского языка. Мы воспользовались материалами электронного «Корпуса русского языка» (ruscorpora.ru).

Методом случайного поиска выделено 300 контекстов употребления данного слова в художественных текстах.

Методом обобщения словарных дефиниций толковых словарей (Стернин, Талл 2010) была получена обобщающая дефиниция значения

исследуемого слова: «Радущие в приглашении, приеме и безвозмездном угощении гостей, посетителей, случайных людей».

В художественном тексте это значение подтвердилось, но были выявлены и некоторые другие значения исследуемого слова.

Из 300 примеров актуализации значения слов *гостеприимство* в художественных текстах частотность значений распределилась следующим образом.

1. Радущие в приглашении, приеме и безвозмездном угощении гостей, посетителей, случайных людей – 283 актуализации

А к ним вся эта многочисленная родня со всего бескрайнего Советского Союза приезжала непрерывно, и всем приют — русское *гостеприимство*. Виктор Розов. Удивление перед жизнью (1960)

Достаток в доме Козловых, как вы понимаете, был небольшой, а *гостеприимство* безграничное. Виктор Розов. Удивление перед жизнью (1960)

Ну, конечно, угощение — это уже дары Александры Константиновны, жены Варфоломея Германовича, она тоже любила всех нас сразу. Ох, это удивительное *гостеприимство*! Дед любил при любом застолье петь вместе со своим сыном Иннокентием, у которого тоже был приятный небольшой голос и отличный слух. Виктор Розов. Удивление перед жизнью (1960)

Чашки старинного фарфора, серебряные чайные ложки, заграничные печенье, цукаты, дорогие импортные конфеты — *гостеприимство* было поставлено на широкую ногу. Эльдар Рязанов, Эмиль Брагинский. Тихие омуты (1998)

Я заговорил с Фейнбергом на эту и другие темы, и тут оказалось, что он приехал в Мурманск из Полярного, где был штаб флота, и ему негде ночевать. Я предложил ему свое *гостеприимство*. Мы поднялись на пятый этаж, я снял с кровати тюфяк и одеяла, накинул на свою постель мою длинную солдатскую «кавалерийскую» шинель, мы легли, и начался длинный разговор, как положено у русских интеллигентов. И. М. Дьяконов. Книга воспоминаний. Часть вторая. Глава четвертая (1942-1944) (1995)

Выпьем, дружок, за то, чтобы в нижних широтах приветливые аборигены и их женщины оказывали *гостеприимство* усталому путешественнику, и чтобы одна из них, ясноглазая и солнцеволосая... Александр Кабаков. Последний герой (1994-1995)

В частности, если у кого-нибудь из вас есть такая возможность, окажите *гостеприимство* нам и нашей машине до тех пор, когда в городе все успокоится и мы сможем его покинуть. Александр Кабаков. Последний герой (1994-1995)

Обедать-то вы меня к себе поведете? *Гостеприимство* ваше на прежней высоте? Водочки выпьем? Юрий Герман. Дорогой мой человек (1961)

За обеденным столом в графе Безбородко политический деятель, министр и придворный уступали первое место хлебосольному барину, представлявшему даже не

русское, а малороссийское *гостеприимство*, уж совершенно граничившее с чудесным. М. А. Алданов. Девятое термидора (1921)

— Не ведаю, чем они мешают господину обер-шталмейстеру, — сердито сказал Храповицкий. — А *гостеприимство* в обычае народа русского. Ласково принимать чужеземцев велят нам и нравы Древней Руси, и заветы великого Петра. М. А. Алданов. Девятое термидора (1921)

Новые значения слова *гостеприимство*, выявленные в художественных контекстах:

2. Выражение человеком расположения и готовности помочь другим людям – 3

Зато лицо Харлампия Диогеновича выражает радостное *гостеприимство*, сдержанное приличием и пониманием необычности этой минуты. Фазиль Искандер. Тринадцатый подвиг Геракла (1966)

Веселое *гостеприимство* моментально сменилось грустью, а в следующее мгновение на нежном личике изобразилась готовность «помочь чем могу». Вера Белоусова. Жил на свете рыцарь бедный (2000)

Анюта чувствовала себя на стенде хозяйкой, и эта роль была ей к лицу, так как вся она излучала радушие и *гостеприимство*, не показное и протокольное, а идущее от сердца. Борис Левин. Блуждающие огни (1995)

3. Внимание и забота - 9

Ключевыми ценностями, на которых базируется новая рекламная кампания, являются искренность, радушие и *гостеприимство*, подчеркивающие кардинальное улучшение сервиса Аэрофлота, а также современность, профессионализм, превышение ожиданий, стандарты мирового класса, которые символизируют чувство гордости за национальную авиакомпанию и Россию. Аэрофлот в борьбе за пассажира (2004) // «Вестник авиации и космонавтики», 2004.02.25

А если вы решите посетить «КОМПО», вас примут в любое время суток, окажут *гостеприимство*, проявят внимание и заботу. Новинки от «Компо» (2004) // «Мясная индустрия», 2004.07.26

Выбрать подходящий дом для ваших питомцев не сложно, надо только учесть, что не все развешенные скворечники окажутся заселены, и непременно скворцами, однако, если все сделано правильно, птицы обязательно оценят ваше *гостеприимство*. Екатерина Баранова. Дом построен для певца! (2003) // «Сад своими руками», 2003.03.15

Зачем бы вам расставаться с лишней толикой денег, ведь Избранный Ученик Хономер, без сомнения, будет рад оказать всяческое *гостеприимство* братьям по вере? Мария Семенова. Волкодав: Знамение пути (2003)

Мне не пришлось присутствовать при беседах, которые вел Сталин с Мао один на один либо вместе с Молотовым. Сколько состоялось таких встреч и как они протекали, мне сейчас трудно сказать. Но после этих встреч Сталин ни разу не был в восторге от Мао и не особенно лестно отзывался в его адрес. Однако за обедом в честь Мао Сталин проявил большое *гостеприимство*. Он любил такие обеды и любил блеснуть гостеприимством, своим вниманием к гостю. Если хотел, то умел делать это особенно хорошо. На том обеде я был. Никита Хрущев. Воспоминания (1971)

Вайс через некоторое время отправился к себе в «штаб Вали», получив твердое заверение баронессы, что она по-прежнему будет оказывать *гостеприимство* пленной дочери русского полковника. Вадим Кожевников. Щит и меч. Книга вторая (1968)

Санин экипаж постоял еще минутку и, видя, что на этом *гостеприимство* закончилось, не прощаясь, вышел. Виктор Курочкин. На войне как на войне (1965)

Достаточно прочесть тот же рескрипт Сенявину от 31 августа, чтобы понять, до какой степени трепетали прибрежные державы перед Наполеоном, который мог разгневаться на *гостеприимство*, оказанное русским судам. Е. В. Тарле. Экспедиция адмирала Сенявина в Средиземное море (1805-1807) (1954)

Это *гостеприимство* по-восточному мы сразу почувствовали и ощущали постоянно: нам помогали во всем, сделали так, чтобы участники конкурса, у многих из которых порой не было достаточных средств, чтобы приехать в Уфу, смогли принять участие в этом творческом соревновании, для проживания им выделили пансионат, чтобы они могли там же и бесплатно питаться. И. А. Архипова. Музыка жизни (1996) –

4. Доброжелательная встреча -1

Спасибо Сергею Казицкому из «Огонька» — он всегда оказывает *гостеприимство* моим «запискам русского путешественника». Марина Москвина. Небесные тихоходы: путешествие в Индию (2003)

5. Дружелюбие, доброжелательное отношение - 4

Пусть не всегда по отношению к нам проявляют *гостеприимство* (понять это тоже можно — своих производителей хватает, а тут еще иностранные приезжают). Качественной продукции - качественные выставочные услуги (2002) // «Аграрный журнал», 2002.02.15

При других обстоятельствах несдобровать бы Доньке за подобную выходку, но как раз Клавдя забежала в комнату за игрушкой, и не хотелось при ребенке омрачать *гостеприимство* ее матери. Л. М. Леонов. Вор. Части 1-2 (1927)

Гостеприимство же наше вы обращаете во зло, полагая, что оно есть то же, что простота или глупость... Ю. П. Герман. Россия молодая. Часть вторая (1952)

Зато лицо Харлампия Диогеновича выражает радостное *гостеприимство*, сдержанное приличием и пониманием необычности этой минуты. Фазиль Искандер. Тринадцатый подвиг Геракла (1966) .

Модель семантемы слова *гостеприимство* по результатам ее коммуникативно-семантического анализа выглядит следующим образом:

Гостеприимство

(300 контекстов случайной выборки из Корпуса русского языка)

Ядро

1. Радшие в приглашении, приеме и безвозмездном угощении гостей, посетителей, случайных людей – 283

Ближняя периферия

Отсутствует

Дальняя периферия

2. Внимание и забота к людям - 9

3. Выражение человеком расположения и готовности помочь другим людям – 3

4. Дружелюбие, доброжелательное отношение – 4

Крайняя периферия

5. Доброжелательная встреча -1

Абсолютно доминирует в языковом сознании носителей языка первое значение. Отсутствует ближняя периферия, крайне слабо представлена дальняя периферия, что свидетельствует о высоком уровне стереотипизации представлений русского языкового сознания о гостеприимстве и слабости групповой и индивидуально-авторской семантики слова.

Как показало исследование, в употреблении лексемы *гостеприимство*, очень частотной в русском языке, абсолютно доминирует актуализация первого значения – 286 случаев из 300. В контекстах при этом обнаружено интенсивное семное варьирование первого значения.

В проанализированных контекстах зафиксировано заметное семное варьирование значений слова *гостеприимство*.

Выявлены следующие актуальные смыслы (*семные вариации значений*):

Может быть актуализовано то или иное значение в полном наборе системных сем:

Обедать-то вы меня к себе поведете? *Гостеприимство* ваше на прежней высоте? Водочки выпьем? Юрий Герман. Дорогой мой человек (1961) – актуализовано

полное значение *«радушие в приглашении, приеме и безвозмездном угощении гостей, посетителей, случайных людей»*

Данная актуализация преобладает среди семных вариантов актуализации значений слова в исследованном материале.

В других случаях актуализируются иные наборы сем отдельных значений:

На двоих они снимали квартиру, для разных надобностей, том числе и такой: отдавали её иностранным коллегам на недельку-другую, чтоб те взаимно давали им кров и пищу при странствиях по Европе или Америке, и такого рода *гостеприимство* — не из-за денег, а для свободы, чёрт возьми. Анатолий Азольский. Лопушок // «Новый Мир», № 8, 1998 – питание и проживание - *предоставление жилья и питания*

Потом сопровождали до самой усадьбы, где *гостеприимство* оказалось совсем материальным: для встречи гостей накрыли стол, уставленный дарами этой щедрой земли, — мёд, сметана, соленья-варенья... И. А. Архипова. Музыка жизни (1996) - *угощение*

(Какую приправу предпочитаете, сэр?) — спросили меня, и пока я соображал, что это значит, почему *dressing* и при чём здесь одежда, надо мной всё время маячило любезнейшее синеглазое, хоть и стандартное, но приятное южнокалифорнийское *гостеприимство*. Василий Аксенов. Круглые сутки нон-стоп // «Новый Мир», № 8, 1976 – *угощение*

Говоря о благотворительности, специалисты нередко приводят высказывание английского писателя XVII века Фуллера, который в своей Church History (1656) говорил о средневековых аббатствах: «Их *гостеприимство* было ложным милосердием», они «кормили тех бедных, которых сами же создавали». Александр Авсеевич, Евгения Дылева. Бедность - черта или замкнутый круг (2003) // «Петербургский Час пик», 2003.09.03 – *угощение*

— Подождите здесь, — ответила фигура и исчезла за боковой дверью надстройки. — Вот это *гостеприимство*, — усмехнулся Ильин. Мы молча стояли за его спиной, и нам было тоскливо. Сергей Иванов. Марш авиаторов // «Звезда», 2002 – *плохое, ненастоящее гостеприимство* (наводятся семы)

Гость проголодался, а вам и дела нет. Где ваше *гостеприимство*? Михаил Панин. Камикадзе // «Звезда», 2002 - *угощение*

Казарка, приведший Маркина на свой ремонтируемый корабль, проявил истинное *гостеприимство*, послал матроса за холодной газировкой, разлил по стаканам спирт, глядя на собутыльника всепонимающими грустными глазами...Анатолий Азольский. ВМБ // «Новый Мир», 2001 - *угощение*

Мы с Джорджем и Оксаной сели рядом, и я предложил тост за духовное братство всех писателей, за всех нас, поблагодарил администрацию Центра за уют и *гостеприимство*. Дмитрий Каралис. Роман с героиней // «Звезда», 2001 - *проживание*

«Это старинный обычай. В России, знаете ли, гостеприимство — закон. Можно предложить вам рюмочку коньяку?» Борис Хазанов. Циклоп (2001) - *угощение*

-Поэтому-то и было гражданином проявлено *гостеприимство*; он виновато, с чуткой улыбкой слушал долгие и гневные речи сожителей по дому, обеспокоенных тем, что не далее как вчера в соседнем подъезде уехавшая на дачу пенсионерка забыла по рассеянности закрыть кран и залила квартиру этажом ниже. Анатолий Азольский. Монахи // «Новый Мир», 2000 - *терпение*

А к ним вся эта многочисленная родня со всего бескрайнего Советского Союза приезжала беспрерывно, и всем приют — русское *гостеприимство*. Виктор Розов. Удивление перед жизнью (1960-2000) - *проживание*

Достаток в доме Козловых, как вы понимаете, был небольшой, а *гостеприимство* безграничное. Виктор Розов. Удивление перед жизнью (1960-2000) - *угощение*

Ну, конечно, угощение — это уже дары Александры Константиновны, жены Варфоломея Германовича, она тоже любила всех нас сразу. Ох, это удивительное *гостеприимство*! Дед любил при любом застолье петь вместе со своим сыном Иннокентием, у которого тоже был приятный небольшой голос и отличный слух. Виктор Розов. Удивление перед жизнью (1960-2000) - *угощение*

В новом жилище обнаружили ранее незаметные черты Мандельштамов. В первую очередь — *гостеприимство*. Угощали тем, что есть, — уютно, радушно, просто и артистично. Эмма Герштейн. Вблизи поэта (1985-1999) - *угощение*

Тем не менее китаец предпочел *гостеприимство* В. Перлова, остановившись в его доме на 1-й Мещанской улице. Виктор Герасимов. «Чайный домик» живет без церемоний // «Вечерняя Москва», 1998 - *проживание*

В персидском Гундишапуре нашли *гостеприимство* изгнанные по указу Юстиниана (529) философы платоновской академии. История восточной философии (1998) - *проживание*

Я заговорил с Фейнбергом на эту и другие темы, и тут оказалось, что он приехал в Мурманск из Полярного, где был штаб флота, и ему негде ночевать. Я предложил ему свое *гостеприимство*. И. М. Дьяконов. Книга воспоминаний. Часть вторая. Глава четвертая (1942-1944) (1995) – *проживание*

-Выпьем, дружок, за то, чтобы в нижних широтах приветливые аборигены и их женщины оказывали *гостеприимство* усталому путешественнику, и чтобы одна из них, ясноглазая и солнцеволосая... Александр Кабаков. Последний герой (1994-1995) — *интимные отношения(сема наводится контекстом)*.

А главное, он предлагает мне *гостеприимство* на три дня. Е. С. Гинзбург. Крутой маршрут (1990) - *проживание*

Эти люди жили в ужасной нищете, и, хотя их *гостеприимство* было вполне искренним, я чувствовал, что буквально лишаю их куска хлеба. Э. Левин. Из племени Могавок... (1987) // «Труд», 1987.11.08 - *проживание*

Двери и окошечки бункера со стальными ставнями выходили в сторону Полисти. Владел этой комфортабельной квартирой из двух комнат с душевой кабиной, в которую вода накачивалась ручным насосом из реки, начальник Старорусского отделения НКВД капитан Венюков. Вечером 28-го, придя в Руссу очень усталым, без привычки прошагав 45 км., я на Ленинградской улице, памятуя *гостеприимство* новгородского коменданта, обратился к встречному офицеру с вопросом, где бы можно переночевать. Офицер расспросил меня, кто я и зачем пришел в Руссу. Я был с рюкзаком за плечами и палкой в руках. Услышав, кем и зачем я командирован, он предложил мне остановиться у себя. В.М.Глинка. Из неопубликованного (1976-1982) // «Звезда», 2003 - *проживание*

Целлулоидная лавочка, в свое время убившая Гриффита и Штрогейма, здесь превратилась в вавилонское столпотворение. Те, кто связаны с лавочкой — фирмой, продюсером, — вынуждены — все же «паблисити» — приехать, дать пресс-конференцию, появиться на приеме. И наш брат, во имя «обмена мнениями и встреч художников разных наций», тащится с икрой и водкой на «русский прием». Икру и водку разворачивают в ресторане, но все равно хватает: русское *гостеприимство*. Восприятие «Баллады о солдате». Публика Канна. Чему аплодировали? Григорий Козинцев. «Тут начинается уже не хронология, но эпоха...» (1940-1973) – *изобилие в угощении*

Но здесь изумительное *гостеприимство* — гигантская порция крутого геркулеса с компотом, коробка «Звезды». Александр Болдырев. Осадная запись (блокадный дневник) (1941-1948) - *угощение*

Всю деревню обошел, но везде, под разными предложениями отказывали в постое. Только здесь мне оказали *гостеприимство*. Хозяйка внимательно отнеслась ко мне с самого момента моего прихода: она и ее молодая дочка стали делать мне комплименты, что я «красивый, чернявый». В. Н. Гельфанд. Дневники 1944-1946 гг. (1944-1946) - *проживание*

Но она еще не спала, вышла на шум в переднюю и отворила дверь. В передней было темно и столпившиеся коммунальные жильцы не могли испугаться моего вида. Я громко объяснил ей, что только что приехал в Москву, явился прямо с вокзала и теперь, не найдя родственников, не знаю как быть. Она предложила мне *гостеприимство*, увела в свою комнату. Р. В. Иванов-Разумник. Тюрьмы и ссылки (1934-1944) - *проживание*

Пойдемте, пойдемте! Мы рады будем оказать вам *гостеприимство*. Вы, вероятно, голодны, а у нас есть чем угостить. М. А. Шолохов. Тихий Дон. Книга четвертая (1928-1940) - *угощение*

Имущество сделало людей домоседами, развило *гостеприимство*: надо же кому-нибудь поесть соленья и варенья. Александр Воронский. Гоголь (1934) - *угощение*

Во Флоренции ему жилось очень плохо, а в Париже у него был свой замок и средства настолько большие, что он месяцами мог оказывать *гостеприимство* своим друзьям, останавливавшимся у него с семьями и слугами. А. К. Дживелегов. Очерки итальянского Возрождения (1929) - *проживание*

Доктор поставил стакан на стол. — Я слишком много пил, мой друг! Я уже оценил ваше *гостеприимство*. - Он встал и пошел вон из номера. — Ю. Н. Тынянов. Смерть Вазир-Мухтара (1928) - *выпивка*

Но выбора не оставалось. Такой уж оказывалась наша злая участь — подобно медведям продираться напрямик, только вперед. Ветви деревьев, тесно сгрудившихся на нашем пути, цеплялись за нас, не желая выпускать из своих мокрых объятий. Их *гостеприимство* не останавливалось перед тем, чтобы в кровь раздирать нам лица, оставлять себе на память клочья нашего платья. Но мы шли, пренебрегая этим жестоким приёмом. Н.Н. Шпанов. Голубеграмма из Усть-Сысольска (1926) — наводятся семы «*ироническое*», «*отсутствие*», *смысл* — *отсутствие доброго отношения*

Толстой сносил их всех без благодушной и услужливой чувствительности или безразличного сочувствия, но терпеливо и, где нужно, с серьезным участием, а жена его, Софья Андреевна, нередко простирала на приезжих свое хлебосольное *гостеприимство*. А. Ф. Кони. Лев Николаевич Толстой (Статьи и воспоминания о писателях) (1908) - *угощение*

Эта гримаса усилилась, когда на милостивое приглашение Потапова остановиться в Вильне у него в замке я ответил благодарностью и сказал, что остановлюсь у Батюшковых, так как они мне предложили свое *гостеприимство*. В. П. Мещерский. Мои воспоминания (1897) - *проживание*

Обращает на себя внимание многочисленность актуальных смыслов, отличных от базового (полной реализации основных сем) и преобладание дифференциальной актуализации сем «угощение» и «проживание» - в коммуникативных целях эти смыслы наиболее часто дифференцируются.

Кроме них, выявлены семные актуализации *предоставление жилья и питания, плохое, ненастоящее гостеприимство, терпение, интимные отношения, изобилие в угощении, выпивка*, что свидетельствует о семантических потенциях исследуемого слова и его коммуникативной востребованности.

Стернин И.А., Талл У. Лексикографическое значение и его описание (на материале единиц лексико-словообразовательного поля *гость* в русском языке) // Современная языковая ситуация и совершенствование подготовки учителей-словесников. Материалы VIII международной научно-методической конференции. Воронеж: «Научная книга», 2010. – С. 98-103.

Типы вероятностных признаков в семантике слова и их актуализация в текстах «корпусов» русского и английского языков

(на материале существительных русского и английского языков)

Как показывают исследования, вероятностные признаки присутствуют в семантике слов как в русском, так и в английском языках. Существуют маркеры вероятностного признака в дефиниции слова, такие как *обычно, иногда, в основном, чаще, преимущественно, mainly, typically, especially chiefly, usually*.

Вероятностный признак – это признак, который присущ объекту с той или иной степенью вероятности. Такой признак, отраженный в семантике слова, может быть выявлен практически во всех мегакомпонентах, макрокомпонентах и микрокомпонентах значения слова, а также может относиться к сочетаемости слова.

Покажем это на примерах.

Лексический мегакомпонент

Денотативный макрокомпонент

African - a person from Africa, *especially* a black person

Клумба - грядка для цветов, *обычно* симметричной формы

Коннотативный макрокомпонент

Эмоция

Ментор - (*обычно ирон.*). О ком-л., постоянно поучающем, настаивающем, навязчиво воспитывающем

Delectation - *chiefly humorous* pleasure and delight

Baas - *often offensive* a supervisor or employer, *especially* a white man in charge of coloured or black people

Структурно-языковой мегакомпонент

Грамматический макрокомпонент

Букет - *обычно ед.* О совокупности чего-л. (*обычно* негативных явлений, свойств и т.п.)

Заработок - *обычно мн.* Работа по найму, *обычно* временная и вне места постоянного жительства

Достоинство - *обычно род. и тв.* Стоимость, ценность (денежных знаков и ценных бумаг)

Electronics— (*usually treated as singular*) the branch of physics and technology concerned with the behavior and movement of electrons, *especially in semiconductors and gases*

Cavalry – (*usually treated as plural*) soldiers who fought on horseback

Функциональный макрокомпонент

Функционально-стилистический компонент

Wad - *chiefly military slang* a bun, cake, sandwich, or similar piece of food

Функционально-территориальный компонент

Administration - the government in power. *Chiefly North American.* The term of office of a political leader or government

Athletics - *chiefly British.* The sport of competing in track and field events

Функционально-социальный компонент

Apposition - *chiefly technical* the positioning of things next to each other

Atomism - *chiefly philosophy* a theoretical approach that regards something as interpretable through analysis into distinct, separable, and independent elementary components

Axiom - *chiefly mathematics* a statement or proposition on which an abstractly defined structure is based

Cadency - *chiefly heraldry* the status of a younger branch of a family

Declarant - *chiefly law* a person or party who makes a formal declaration

Функционально-социальный компонент

Navigation - *chiefly dialect* especially a canal

Функционально-темпоральный компонент

Cabin boy - *chiefly historical* a boy employed to wait on a ship's officers or passengers

Cole - *chiefly archaic* a brassica, *especially cabbage, kale, or rape*

Вероятностные семы сочетаемости

Con - (usually in phrase **pros and cons**) a disadvantage of or argument against something

Formula - usually followed by a numeral

Point - usually with negative or in questions;
often in phrase **beside/off/to the point**

Dance – (also dance music) music for dancing to, *especially in a nightclub*

Ангел - (обычно со сл.: мой) ласковое обращение.

Бабуля – ласк. (обычно в обращении). Бабушка.

Брат - (обычно с именем собственным). Член религиозного братства; монах.

Глоток - *обычно чего*. Количество питья или жидкой пищи, проглатываемое при одном таком движении.

Господин - форма вежливого упоминания или обращения к мужчине (обычно употребляется перед фамилией или должностью, званием).

Кровь - (обычно с опр.). Происхождение.

Преподобие - (обычно с местоим.: ваше, его, их). Титулование священника, монаха.

Припек - (*обычно с предлогом на*). Сильно пригреваемое солнцем место.

Штука - (*обычно с колич. сл.*). Отдельный предмет из числа однородных, считаемых. (*обычно с опр.*). Разг. Вещь, предмет, какое-л. Явление, обстоятельство (часто - незнакомые, непонятные, странные).

Естественно, возникает вопрос - всегда ли вероятностные признаки актуализируются в речи? Чтобы найти ответ, мы обратились к информационно-справочным системам русского и английского языков – Национальный корпус русского языка (<http://ruscorpora.ru>) и British National Corpus (<http://www.natcorp.ox.ac.uk>).

Для проверки было отобрано равное количество имен существительных русского и английского языков (по 65) из каждой тематической группы (всего в результате классификации слов с вероятностными компонентами в семантике получилось 22 тематических группы слов с вероятностными семами).

Проанализируем полученные результаты. Полные контексты не приводятся из экономии места.

При анализе употребления трех русских слов «*влагомер*», «*бостон*», «*носопырка*» и двух английских слов «*a – list*» и «*kettle hole*» случаи их употребления в Корпусах не были выявлены.

У двух русских имен существительных и у одного английского имени существительного, имеющих вероятностные признаки в семантике, в речи эти признаки актуализируются частично. Это такие слова, как:

Антраша - совершать затейливые, замысловатые движения ногами (*обычно во время танца или в состоянии опьянения*).

В контекстах не выявлена актуализация вероятностного признака «*в состоянии опьянения*».

Адрес - письменное приветствие, поздравление (*обычно с выражением благодарности группы лиц или учреждения, организации*) в ознаменовании юбилея.

Не выявлена актуализация вероятностного признака «*с выражением благодарности учреждения, организации*».

Saucerpan - *typically round, made of metal, and with one long handle and a lid*

Не актуализируется вероятностный признак «*and with one long handle and a lid*»).

У трех русских имен существительных и у одного английского имени существительного, имеющих вероятностные признаки в нескольких значениях, в речи эти признаки проявляются только в одном из значений. Это такие слова, как:

- Барбос** 1. о большой (*обычно дворовой*) собаке;
2. о крупном, плотном (*обычно большеголовом*) ребёнке, подростке

Не актуализируется вероятностный признак «*обычно о большеголовом ребенке*» второго значения.

Подснежник

1. любое травянистое растение, *обычно с белыми цветками*, распускающимися сразу после таяния снега;

2. **обычно мн.** - о людях, числящихся на должностях штатного расписания, но выполняющих другую (*обычно неквалифицированную*) работу.

Во втором значении не актуализируется в текстах вероятностный признак «*обычно неквалифицированная работа*».

Балаган

1. в России 18-го — начала 20-го в.: временная лёгкая (*обычно дощатая*) постройка для ярмарочной торговли, жилья, склада и т.п.; для театральных, цирковых и других представлений на ярмарках, народных гуляньях и т.п.;

2. в России 18-го — начала 20-го в.: народное театральное представление (*обычно на ярмарках*), состоявшее из комических сценок, цирковых номеров и т.п.;

3. о том, что нарочито несерьёзно; о шутовстве, паясничанье, дурачестве (*обычно шумном*).

В контекстах не актуализируется вероятностный признак первого значения «*лёгкая, обычно дощатая постройка*»).

Minister

1. *especially* in the presbyterian and nonconformist churches

2. a diplomatic agent, *usually* ranking below an ambassador

Не актуализируется вероятностный признак «*especially in the presbyterian and nonconformist churches*».

У **тринадцати** английских имен существительных вероятностные признаки в речи не актуализируются.

Air - the invisible gaseous substance surrounding the earth, a mixture *mainly of oxygen and nitrogen*

Alcove - a recess, *typically in the wall of a room*

Bell- a hollow object, *typically made of metal* and in the shape of a deep inverted cup, that sounds a clear musical note when struck

Commonwealth - an independent state or community, *especially a democratic republic*

Drop kick 1. (*chiefly in rugby*) a kick made by dropping the ball and kicking it as it bounces, 2. (*chiefly in martial arts*) a flying kick made while dropping to the ground

Jungle - *typically* in the tropics

Loggia - *especially* one having one side open to a garden

Mailbox - *especially* one mounted on a post at the entrance to a person's

Mass - *especially* in the roman catholic church

Mature student - *especially* one who is over 25

Pedagogue - *especially* a strict or pedantic one

Upper class - *especially* the aristocracy

Wife - a woman, *especially* an old or uneducated one

Таким образом, исследование показывает, что вероятностные признаки семантики слова чаще фиксируются в англоязычной лексикографии, чем в русскоязычной, что отражает национальную лексикографическую традицию – стремление к большей некатегоричности метаязыковых формулировок английскими лексикографами. Русские лексикографы фиксируют вероятностные признаки только в наиболее явных случаях, когда без них невозможно обойтись в дефиниции. Этим, очевидно, и объясняется тот факт, что выделяемые английскими толковыми словарями вероятностные признаки семантики слов значительно реже обнаруживаются в контекстах, в то время как вероятностные признаки в семантике русских имен существительных практически всегда актуализируются в речи.

Эти обстоятельства приводят к выводу, что в целом опора на словарные дефиниции в выявлении вероятностных компонентов значения слова – лишь один из возможных путей выявления вероятностных сем, необходимы и другие способы, в частности – экспериментальные, например, психолингвистические.

В контекстах вероятностные семы в целом актуализируются реже, чем основные, ядерные, постоянные семы, но сфера вероятностного в семантике слова представляется нам значительно более широкой, нежели ее отражение в толковых словарях – большинство периферийных сем в семантике слова тоже, очевидно, могут рассматриваться как вероятностные, непостоянные для семантики, и их описание необходимо для выявления психологически реального значения слова.

Сфера вероятностного в семантике и актуализация вероятностных компонентов значения в контексте требует дальнейшего исследования.

М.В. Шаманова

Функционирование лексем *общение, общаться* в художественном тексте

Предметом исследования в данной статье избрано функционирование лексем *общение, общаться* и их форм в художественном тексте.

Материалом для исследования послужили 573 контекста из Русского национального корпуса [www.ruscorpora.ru], отобранные по следующим параметрам: художественный текст; тип текста – роман, повесть, рассказ; время и место описываемых событий – Россия, постсоветский период, а

также 178 контекстов из произведений русскоязычных писателей конца XX - начала XXI века объемом около 2 млн. словоупотреблений.

Анализ языкового материала позволил выделить у глагола общаться и производного от него существительного общение следующие лексико-семантические варианты:

1. «Взаимные отношения, связь с людьми» (696 примеров):

Общаюсь в основном с банкирами и рекламодателями [В. Пелевин. Generation «П»];

Общение с братом как чудо, а чудо потрясает! [В. Маканин. Андеграунд, или Герой нашего времени];

Он хорошо относился к интеллигенции, ему было интересно общаться с умными, тонкими, много знающими людьми [А. Рыбин. Последняя игра];

Год не общались совсем, и вдруг – такой прилив эмоций! [В. Попов. Очаровательное захолустье] и др.

2. «Разговаривать, сообщать, передавать информацию, мысли, чувства» (42 примера):

А когда встречаешься для того, чтобы общаться, то ведь нужно именно общаться, не молчать же... [А. Маринина. Воюющие псы одиночества];

С милицией только что общался по поводу «Магnezита» [С. Данилюк. Бизнес-класс]

Он заявил, что он современный человек, не выносящий вида бумаги, и что отныне он будет общаться с ней исключительно по проводам [К. Плешаков. Рассказы] и др.

3. Способ, с помощью которого происходит взаимодействие с Богом, животными, природой, книгой, другими мирами (13 примеров):

Ты умела общаться с растениями – сколько раз тебе удавалось вытащить заморенные росточки буквально с того света, а после они благодарили тебя, расцветая так буйно, что соседки прибежали смотреть, не узнавая в красавцах своих чахлых питомцев, выданных бестрепетной рукой и брошенных умирать в канаву [И. Василькова. Садовница];

Нас с дедом мама стесняется – дед в Бога не верит, он бывший коммунист-атеист, а я считаю, что Бог, наверное, существует, но общение с Ним путем бития поклонов и бормотанья на старославянском кажется мне каким-то языческим обрядом [Н. Катерли. Дневник сломанной куклы];

Хотите верьте, хотите нет, но у меня есть основания рассчитывать на тесное общение с бесами по завершении земного пути [А. Смирнов. Лазарь и бес].

Анализ художественных текстов является одним из средств доступа к содержанию концепта, в данном случае – к содержанию коммуникативной категории общение.

Содержание категории общение составляют 138 когнитивных признаков, которые объединены 41 классификационным признаком. Наиболее яркими классификационными и составляющими их

когнитивными признаками являются следующие (цифры указывают индекс яркости соответствующего признака, который определялся нами как отношение количества примеров, объективирующих данный признак, к общему количеству примеров):

партнеры 0,234:

предполагает наличие партнеров-людей 0,211: – Я просто видела, как он общался с людьми [В. Белоусова. Второй выстрел];

выражаемые взаимоотношения 0,172:

проявляется в нежелании устанавливать или продолжать взаимоотношения 0,068: К общению с деревенскими жителями я больше не стремился [А. Варламов. Падчевары];

связь может быть прервана 0,039: На вахту уже отдан приказ: не пропускать ни под каким видом. На этом их общение прерывается [А. Столяров. Дублет];

временные характеристики 0,063:

носит постоянный характер 0,031: Настя сказала, что устала от постоянного общения с большим количеством людей и праздник хочет провести в тишине и спокойствии [А. Рыбин. Последняя игра];

носит периодический характер 0,014: Но не писала не из трусости или осторожности, а по предположению, что все равно общения не может быть никакого, кроме отрывочного, спорадического, не утоляющего насущную жажду и лишь саднящего [В. Войнович. Замысел];

испытываемая потребность 0,061:

является потребностью 0,025: Соседке было скучно торчать одной во дворе, ей требовались общение и информация для пересудов [В. Мясников. Водка];

совершается по собственному желанию 0,019: Откуда этот такт и его желание общаться, чай со мной пить? [В. Маканин. Андеграунд, или герой нашего времени];

совершается по принуждению 0,014: Ей даже думать тошно было о том, что придется делать потом. Потому что придется ей плотно общаться с Павлом Седовым [А. Маринина. Городской тариф] и др.

Структура исследуемой категории включает в себя образное содержание, энциклопедическую зону и интерпретационное поле.

Образное содержание сравнительно невелико (2,3% от общего числа когнитивных признаков; суммарный индекс яркости данного структурного компонента категории – 0,006), оно представлено перцептивными признаками и когнитивным образом.

Перцептивный образ составляют 3 когнитивных признака, которые характеризуют тактильный образ: теплое 0,002; сухое 0,001; холодное 0,001. Отметим, что эти признаки допускают двоякую интерпретацию – они могут быть интерпретированы и как метафорические (когнитивные) образы. Когнитивный образ представлен одним признаком: бурное 0,002.

Самой обширной в структуре категории *общение* является энциклопедическая зона. Энциклопедическая зона, в свою очередь, включает несколько содержательных компонентов.

Категориальную зону энциклопедического поля составляет признак представляет собой беседу 0,010. Это родовой признак категории.

Особую зону энциклопедического поля составляют дифференциальные признаки исследуемой категории. Они отличают ее от ряда сходных концептов и категорий. Для категории *общение* это следующие признаки (5,1% от общего числа признаков, суммарный индекс яркости – 0,273): обмен информацией 0,005 и обмен чувствами 0,001 с партнерами 0,211 с использованием вербальных 0,003 и невербальных 0,010 средств, систем связи 0,034, предполагает установление определенных отношений между партнерами 0,009.

В энциклопедическом поле выделяется описательная зона, куда входят многочисленные признаки, характеризующие самые различные стороны и проявления предмета или явления, сведения о которых получены людьми в процессе общественного и личного, индивидуального опыта познания явления или предмета в разных ситуациях. Описательные признаки составляют 64,4% от общего числа выявленных когнитивных признаков, суммарный индекс яркости данного компонента макроструктуры составляет 0,458.

В целом энциклопедическая зона объединяет 70,2% от общего числа выявленных признаков, индекс яркости энциклопедической зоны – 0,741.

Интерпретационное поле включает когнитивные признаки, которые в том или ином аспекте интерпретируют основное энциклопедическое содержание концепта, они представляют собой некоторое выводное знание.

Интерпретационное поле категории *общение* представлено тремя зонами: общеоценочной, утилитарной, регулятивной.

Общеоценочная зона представлена 5 признаками (3,6% от общего количества когнитивных признаков, суммарный индекс яркости данного компонента структуры – 0,021): оценивается положительно 0,007; неприятное 0,007; приятное 0,005; красивое 0,001; оценивается отрицательно 0,001.

Утилитарная зона (18,8% от общего количества когнитивных признаков, суммарный индекс яркости данного компонента структуры – 0,153) включает когнитивные признаки, характеризующие общение с точки зрения его содержательности, результативности, предоставляемых личности возможностей, побуждения к деятельности, наличия мотивации: является потребностью 0,025; доставляет удовольствие, положительные эмоции 0,017; доставляет отрицательные эмоции 0,017; вызывает интерес 0,011; вызывает усталость 0,008; дает возможность познания 0,005; приносит пользу 0,005; может быть лишено содержания 0,003 и др.

Когнитивные признаки, составляющие регулятивную зону категории, характеризуют наличие/отсутствие навыков, необходимых для ведения общения, содержат “правила” ведения общения, подготовки к нему (5,1% от общего количества когнитивных признаков, суммарный индекс яркости данного компонента структуры – 0,028): предполагает наличие коммуникативных умений 0,013; предполагает наличие определенного опыта 0,007; предполагает проявление уважения 0,003; некоторых тем следует избегать в разговоре 0,002; характеризуется отсутствием коммуникативных качеств 0,001; предполагает наличие коммуникативных качеств 0,001; содержит побуждение к прекращению разговора 0,001.

Когнитивные признаки, наполняющие интерпретационное поле категории, составляют 27,5% от общего числа выявленных когнитивных признаков, суммарный индекс яркости данного компонента макроструктуры составляет 0,202.

Таким образом, изучение функционирования лексем общение, общаться в художественном тексте позволяет 1) выявить ЛСВ названных лексем, установить ядерные и периферийные ЛСВ; 2) построить модель коммуникативной категории «общение».

Художественный дискурс

И.А.Барабушка

Авторские интерпретации концепта «город» в русской художественной литературе XX века

Образ города в целом или отдельных его частей неоднократно становился предметом художественного изображения как в живописи, так и в литературе. Для всех этих изображений, начиная с ренессансных шедевров и «портретов» утопических городов до архитектурной графики XIX-XX вв., характерно структурирование пространства, понимание города как целостного объекта (Трушина 2000, с. 97).

В ходе исследования нами были проанализированы 2500 примеров, взятых из Национального корпуса русского языка, в которых встречается лексема «город». Было выяснено, что в рамках художественного текста данная лексема реализует следующие значения, совпадающие с дефинициями, закрепленными в словарях русского языка:

1. Населенный пункт – 1581 примеров (63%)
2. Местность, отличная от другой (сельской) – 178 примеров (7%)
3. Местность, не относящаяся к городу – 54 примера (2,1%)
4. Центр/часть города – 60 примеров (2,4%)
5. Крепость, огражденная часть – 4 примера (0,2%)

6. Жители - 52 примера (2%)
7. Игра, часть ее – 1 пример (0,04%)
8. Предприятия, заведения - 1 пример (0,04%)
9. Живое существо - 331 пример (13%)

Любопытно, что два значения данной лексики, которые зафиксированы в словарных статьях (Нагромождение льда и Ограда) в текстах примеров нам ни разу не встретились.

Приводимые ниже данные представляют собой результат исследования авторских интерпретаций концепта «город» (52 примера -2%), так как они делают возможным активное соучастие воспринимающего в творческом процессе автора, поскольку авторское представление о создаваемом им образе многократно интерпретируется в сознании других людей. В результате создается сложная семиотическая конструкция, позволяющая рассматривать образ города как некую мозаику, совокупность элементов. Осознание целостности этого образа и лежит в основе формирования концепта «город».

Мы обратили внимание на случаи сочетаемости лексики «город» с определением. Для анализа нами были отобраны только образные определения в целях исследования когнитивных признаков, которые авторы приписывают «городу».

Анализ показал, что для описания города используются прилагательные нескольких групп, характеризующие такие параметры, как: **размер, температура, звук, свойства конфигурации, наличие – отсутствие влаги.** Кроме того, образу города присущ определенный цвет: **пестрый, серый, розовый, розово-белый, черный, почерневший.**

Помимо таких прилагательных авторами используются определения, наделяющие «город» признаками, отличными от тех, что присущи данной лексеме в ее прямом номинативном значении. Так, для более подробного рассмотрения мы решили остановиться на определениях, описывающих признаки, присущие живому существу, а именно: животному и человеку.

Причем, сравнивая город с **животным/зверем** (а иногда город – это некое фантастическое существо, чудовище), авторы делают упор на то, что это животное загнали в угол и оно опасно:

Он шел по городу, в котором родился, и тот был ощетинен, озлоблен настолько, что Коля мог и заплакать, если бы его не догнал некто, не спросил фамилию и не сунул ему повестку в военкомат. [Галина Щербакова. Ангел Мертвого озера // «Новый Мир», 2002]

И над прижавшимся к земле городом взорвался и повис ослепительный огонь накалившихся добела тысяч и тысяч дрожащих нитей. [Владимир Скрипкин. Тинга // «Октябрь», 2002]

Рассматривая признаки образа города, присущие **человеку**, мы можем выделить в рамках данной категории несколько групп:

1. Внешний вид, стиль

Но попадали в сети мирной провинциальной начинки изящного города — в бесконечность дворового быта и вопросиков о времени, о себе, предложений «по полташке?»» (Д. Симонова. Рокировка)

Этот строгий и величавый город, дышащий морем (Санкт-Петербург — И. Б.), город труда, искусства, науки, навсегда останется славой нашей страны и неиссякающим источником вдохновения для поэтов. (С.Я. Маршак. Образ города)

Выделим сравнение времени существования города с **возрастом** человека:

Постепенно, исподволь завладело им чувство Города. То не было восхищение гармоническим согласием северного пространства с западной регулярностью, а было печальное осознание дряхлости Города. (Ю. Давыдов. Синие тюльпаны)

2. Черты характера

Знаю, я не один такой в этом взбалмошном, разбросанном городе. (Д. Гуцко. Осенний человек)

*Импресарио, коллекционер, маршал, игрок, шулер — город, если разобратся, не менее талантлив, чем честлюбивые провинциальные юноши, возведенные им (городом — И.Б.), многие посмертно, в ранг *super star*. (М. Гамбург. Рассказы)*

Беспощадный это город и люди в нем черствые. (Е. Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона/ Девочки из колодца)

3. Интеллектуальные состояния

«Интересно, — думал Кипер, — есть уже в этом безумном городе парикмахерская, которая догадалась бы предлагать завивку ресниц и бровей? (И. Ефимов. Суд да дело // «Звезда»)

4. Состояние человека

а. Психологическое

Сквозь затемненные стекла город выглядел по-вечернему умиrotворенным. (Е. Прошкин. Механика вечности)

б. Физиологическое

Непроснувшийся город то накрапывал дождем, то вспыхивал первым солнцем. (К. Сурикова. Буду)

Он сильнее сжал плечи Галины — такие же худенькие, как и тридцать лет назад, когда Журковский долгими летними ночами гулял с Галей Петровской, студенткой-первокурсницей, когда целовал ее губы, находя их на ощупь в жаркой темноте подворотен, когда шорох их шагов тонул в вязкой тишине уставшего за день Города. (А. Белозеров. Чайка)

Хочется выделить, что встречаются определения, описывающие состояние **смерти, физической гибели**, а также состояние **муки и истощения**:

Убиенный город лежал на ничейной поверхности без упокойной молитвы, без надежды на погребение. (Е. Прошкин. Механика вечности)

Здесь тоже кипела жизнь, над этим мертвым, безмолвным городом. (Р. Полищук. Чужие праздники)

Изнеможенный от долгой, изнуряющей зимы Китай-город дождался апреля. (С. Данилюк. Рублевая зона)

5. Нравственные характеристики

В основном, авторы «награждают» город всеми пороками, присущими человеку, они говорят о его испорченности, искушенности и пресыщенности, для них город – это грешник и осквернитель:

Собрались, прикинули, чего не видели в этом ушлом, повидавшем все и всех городе, и пришли к выводу, что не было здесь, пожалуй, разве что королей да дворцов. (С. Данилюк. Бизнес-класс)

Вы и окружающие вас ученые продолжаете работать в волнах хаоса, затопляющего Россию; вы работаете отчаянно, преодолевая голод и нищету, вы фантастически талантливы и напоминаете мне библейских праведников, благодаря которым Бог не разрушает погрязшие во грехе города. (Н. Галкина. Вилла Рено // «Нева»)

Он был страшен в гневе, посылал проклятья провинившемуся, погрязшему в блуде городу. (А. Проханов. Господин Гексоген)

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что в сознании современного человека город – это не просто улицы, дома и постройки, в городе человек не просто живет – он «переживает» город, и этому чувству, безусловно, присуща эмоциональная составляющая. У города есть свое настроение, своя атмосфера, свой темперамент. В итоге город на основе метафорического переноса становится в сознании человека неким организмом, живущим собственной жизнью, и жизнь эта сложна и насыщена.

1. Трушина Л.Е. Образ города и городской среды. // Виртуальное пространство культуры. Материалы научной конференции 11-13 апреля 2000 г. СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2000. - С.97-99

2. Национальный корпус русского языка. – www.ruscorpora.ru

Н.М.Вахтель

Графическая образность поэтического текста

Известно, что все поэты, как правило, загадочны, каждый из них загадочен по-своему. Особенно сложно разгадать авторский выбор графического изображения стихотворного текста. Параграфемика (термин Р.Н.Бутова) может служить для передачи различного рода информации: для отражения смыслов, передаваемых в устной речи интонацией; для

ритмической организации стихов. Однако графика стихотворного текста создаёт не только его внешний облик, но и может обеспечивать и его смысловую многогранность.

Графическая упорядоченность слов в поэтическом тексте служит примером реализации значимой закономерности построения строф. Часто разбивка текста является единственным сигналом о принадлежности его к поэзии. В прозе графическая структура – её письменная форма – не является ни стилем, ни какой-либо особой системой выразительности. В исследованиях М.Л.Гаспарова, доказано, что единственный абсолютный признак, отличающий поэзию от прозы – это разделение первой на стихотворные ряды (Гаспаров 1997). По мнению Ю.М.Лотмана, графика в поэзии составляет самостоятельный структурный уровень, который не может быть передан ничем, кроме неё самой, а рифма – явление не графическое, а звуковое (Лотман 1996).

Особые графические построения поэтических текстов породили так называемую визуальную поэзию, благодаря которой мы имеем фигурные стихи, состоящие из неровных строк, складывающихся в очертания статического узора или геометрические фигуры. Фигурные стихи и графическая образность поэтических текстов не становилась предметом специального рассмотрения. В рамках теории стихосложения назначение таких стихотворных текстов считалось забавой поэтов. Эти стихи для глаза, исключительно для зрительного восприятия, при восприятии слуховом вся специфика их исчезает, смысл плохо улавливается, в них форма преобладает над содержанием. В интернете мне попалась эпиграмма на блистательного мастера формы, поэта С.Кирсанова (кстати, она и подвигла меня написать эту статью), в которой хлётко и частично справедливо оценивается его поэзия: «У Кирсанова три качества; трюкачество, трюкачество и ещё раз трюкачество». К сожалению, не отмечено и четвёртое качество поэта: несомненный поэтический талант, проявившийся в создании таких стихотворных форм, которые впоследствии были развиты поэтами, пришедшими в 50-60-е годы.

Если заглянуть в далёкое прошлое, то можно узнать, что изобретателем фигурных стихов принято считать Симилия Родосского – древнегреческого поэта, написавшего три стихотворения в форме яйца, секиры и крыльев. Позднее фигурные стихи были модны в европейской поэзии барокко, известны они были и русским поэтам, которые пробовали свои силы в создании графической поэзии. Здесь можно назвать имена Симеона Полоцкого, Р.Державина, А.Апухтина, А.Сумарокова и других. Краткие упоминания о них в разных источниках сводились к описанию литературных курьёзов. Вот один из поэтических опытов Г.Державина:

Пирамида

Зрю
Зарю
Лучами,
Как свечами,
Во мраке блестящу,
В восторги все души приводящу.
Но что это? – от солнца ль в ней толь милое блистанье?
Нет! – Прамида - дел благих воспоминанье.

Разве не преисполнено это фигурное стихотворение глубокого смысла?! Поистине, благие дела освещают нашу жизнь и приводят душу в восторг.

Особенного расцвета русская видео-поэзия достигает в начале XX века. Фигурные стихи рождались в поэтических опытах А.Белого, В.Брюсова, В.Хлебникова, С.Кирсанова. Остановимся на фигурном стихотворении С.Кирсанова «Ад»:

Иду
в аду
Дороги –
в берлоги,
топи, ущелья
мзды, отмщенья.
Врыты в трясины
по шеи в терцинах,
губы резинно раздвинув,
одни умирают от жажды,
кровью опившись однажды.
Ужасны порезы, раны, увечья,
в трещинах жижица человечья.
Кричат, окалечась, увечные тени:
уймите, зажмите нам кровотечение,
мы тонем, вопим, в ущельях теснимся,
к вам, на земле, мы приходим и снимся.
Выше, спирально тела их, стена, несутся,
Моля передышки, напрасно, нет, не спасутся.
Огненный ветер любовников кружит и вертит,
по двое слиплись, тщетно они просят о смерти.
За ними! Бросаюсь к их болью пронзенному кругу,
надеясь свою среди них дорогую заметить подругу.
Мелькнула. Она ли? Одна ли? Её ли полузакрытые веки?
И с кем она, мучаясь, сплелась и, любя, слепилась навеки?
Франческа? Она? Да Рамини? Теперь я узнал: обманула!
К другому, тоскуя, она поцелуем болящим прильнула.

Я вспомнил: он был моим другом, надежным слугою,
 он шлейф с кружевами, как паж, носил за тобою.
 Я вижу: мы двое в постели, а тайно он между!
 Убить? Мы в аду! Оставьте у входа надежду!
 О пытки моей беспощадная ежедневность.
 Слежу, осуждённый на вечную ревность,
 Ревную, лететь обреченный вплотную,
 вдыхать их духи, внимать поцелую.
 Безжалостный к грешнику ветер
 за ними волчком меня вертит
 и тащит к их темному ложу
 и трет меня об их кожу,
 прикосновенья – ожоги!
 Нет обратной дороги
 в кружащемся рое.
 Ревнует! Эти двое
 наказаны тоже.
 Больно, боже!
 Мука, мука!
 Где ход назад!
 Вот
 Ад!

На мой взгляд, это фигурное стихотворение никак нельзя назвать трюкачеством. Оно необычно по форме, но чрезвычайно глубоко по содержанию. Некоторые считают это произведение нечитаемым. В нём преобладает форма, визуальное – над вербальным. Ничего подобного! Графика этого стихотворения создаёт образ паруса, летящего в пространстве. В нём использованы излюбленные приёмы и темы барокко – аллегория, обострённое ощущение противоречивости мира, непостоянства счастья, шаткость жизненных ценностей, всемогущество рока и случая. Форма помогает передать стремительный ритм, динамику, что и должно передать звучание этого текста. Сильным, позиционно выделенным является первое и последнее слово в ромбе, обеспечивающие замкнутость пространства. Специфика формы выявляется при взаимодействии двух уровней: синтаксиса и графики, где графика выступает средством репрезентации ситуации. Таким образом, графическое построение является отражением внутренних закономерностей текста и его содержания. Если попробовать перестроить графику этого стихотворения, оно многое утратит и его восприятие будет совершенно иным. Это говорит о том, что между формой и настроением, тональностью его есть какая-то органическая связь.

Стремительный ритм, связанный естественно с формой, изобретённый С.Кирсановым, позже становится весьма характерным для всех видеом А.Вознесенского.

-
- Бутов Р.Н. Графика в поэтическом тексте: традиции и инновации: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. – Ижевск, 2010.
 Гаспаров М.Л. Избранные труды. О стихах. – М., 1997. – Т.2.
 Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. СПб., 1996.

Т.В.Морозова

Рождение легенды и первый Дон Жуан в литературе

В истории мировой литературы испанский драматург 17-го века, знаменитый ученик Лопе де Вега Тирсо де Молина (1584-1642) известен прежде всего как создатель первого художественного варианта «вечного образа» Дон Жуана.

Как показали исследования испанских учёных, в пьесе Тирсо де Молина впервые соединились два бытовавших задолго до этого в испанском фольклоре предания: о бессовестном обольстителе и о приглашении на пир статуи мертвеца. Это соединение оказалось настолько оригинальным, что почти все, кто позднее обращался к истории Дон Жуана – Мольер, Гольдони, Моцарт, Пушкин, Мериме и др., – в этом следовали за Тирсо. Представив зрителю и читателю Дон Жуана в комедии «Севильский озорник, или Каменный гость», Тирсо де Молина обессмертил себя. Дон Жуан из его комедии перешёл в произведения других художников последующих поколений человечества, стал героем их оригинальных созданий.

Тема Дон Жуана не случайно заняла такое видное место в мировой литературе, так как она включает в себе серьёзнейшие философские проблемы жизни людей, которые возникают, по сути, в любых странах и в любые времена. Жизнь и смерть, материальное и духовное, этические нормы и безграничность эгоистических устремлений и желаний, любовь и чувственность, красота и наслаждение, пороки и их наказание – эти и многие, многие другие вопросы и проблемы трактовались на протяжении веков в литературе в связи со старинным испанским приданием о рыцаре-повесе.

Поистине безгранично количество интерпретаций образа Дон Жуана в литературе, живописи, философии, теологии, музыке, театре, кино. К нему обращались Эспронседа, Соррилья, Мольер, Байрон, Гофман, Мериме, Бодлер, Моцарт, Киркегор, Ортега-и-Гассет, Ленуа, Пушкин, А. К. Толстой, Валье-Инклан, Унамуно, М. Мачадо, Б. Шоу, Рильке, М. Фриш, Чапек, Леся Украинка, Б. Зайцев, Бальмонт, Блок, Гумилёв, В. Иванов, М. Цветаева и многие другие.

Однако образ этот живёт в мировой литературе несколько по-иному, чем другие «вечные образы», например образ Дон Кихота. Переосмысливая и трансформируя сюжет средневековой легенды, писатели по-своему

интерпретировали и образ самого Дон Жуана, представляя его то как незадачливого любовника, то как политического или военного героя, то как циника, нигилиста, бунтаря, импотента, меланхолического поэта, эстета, философа и т.д. При этом с течением времени истолкование образа Дон Жуана всё более усложняется.

Основой для раскрытия глубокого и многопланового содержания вечного образа становится художественный эксперимент, то есть принцип несоответствия, сталкивания заложенных и воспринимаемых как литературное клише сюжетных и характерообразующих мотивов.

Первый Дон Жуан, таким образом, оказывается отделён от нас последующими обработками легенды, авторами которых зачастую были необыкновенно выдающиеся писатели, такие, например, как Мольер, Пушкин, Гофман, Мериме, Унамуно, Байрон и др. Поэтому представляется очень важным восстановить образ первого Дон Жуана, принять его таким, каким нарисовал его Тирсо де Молина, впервые художественно обработав старинную легенду, весьма распространённую в Испании в средние века.

Именно в этой связи сама легенда, а точнее, события, которые легли в её основу, представляют несомненный интерес, так как позволяют нам лучше понять и особенности сюжета произведения Тирсо де Молина, и тот главный смысл, то идейное наполнение, которое стремился придать автор созданному им герою, не подозревая о той фантастической судьбе, которая была уготована его детищу.

Считается, что прототипом Дон Жуана является лицо историческое, представитель одного из аристократических севильских родов по имени дон Хуан Тенорио. Его смелые любовные и дуэльные похождения, остававшиеся безнаказанными благодаря участию в них близкого друга, короля дона Педро (1350 — 1369), долго наводили ужас на всю Севилью, пока, наконец небесное правосудие — в лице убитого Хуаном командора дона Гонзаго — не положило конец бесчинствам. Предаваясь вместе с королем распутству и насилиям, дон Хуан похитил дочь командора де Ульоа, убив его самого. Правосудие бездействовало. Тогда монахи-францисканцы решают сами наказать его. От имени молодой и красивой женщины они назначили ему свидание поздно ночью, в церкви, где похоронен командор, убили его и распустили слух, будто дон Хуан был низвергнут в ад оскорблённой им статуей, что вполне отвечало народным поверьям.

Впоследствии все эти события были овеяны легендой и личность дона Хуан воплотилась в образе Дон Жуана. А в Севилье появился обычай совершать религиозную процессию, пронося по улицам скульптуру коленопреклоненного Дон Жуана, одетого во всё белое. Этот вынос означал, что знаменитый развратник покался и искупил свою вину.

Фигура феодала-насильника у Тирсо де Молина появлялась ещё в пьесах «Святая Хуана», «Крестьянка из Вальекас», «Дева Оливковой рощи» и др. Но психологический портрет дона Хуана обладает рядом

существенных оттенков, выделяющих его из этой череды искателей любовных утех.

Прежде всего дон Хуан в выборе объектов своей страсти не ограничивается крестьянскими девушками: его жертвами становятся герцогиня Изабелла и рыбацка Тисбея, дочь гранда донья Анна и крестьянка Аминта. В лихорадочной смене его привязанностей разнузданная чувственность сочетается со строгим рационалистическим анализом и расчётом; чаще всего героем движет не любовь, а своего рода азарт сердцеда. Поэтому, ещё не успев одержать победу, он уже планирует способы без осложнений покинуть обольщённую жертву. Он циник и полностью свободен от каких-либо нравственных преград и моральных обязательств.

По мнению многих исследователей, дон Хуан в пьесе Тирсо представляет собой чудовищную карикатуру на ренессансный идеал автономной личности, избавившейся от сковывавших её норм религии и средневековой морали, но не приобретшей никаких иных принципов взамен. Гений разрушения, дон Хуан всё же не лишён определённого обаяния благодаря своей смелости, энергии, хитроумию. Впрочем, его дерзость происходит из уверенности в своей безнаказанности, что подкрепляется его социальным положением. Аморальность дона Хуана, по мысли Тирсо де Молина, не может остаться без наказания. Вероятно, не веря в то, что общество способно само справиться с подобными порочными героями, автор обыгрывает уже существовавший в легенде финал. На сцене появляется статуя командора, чтобы исполнить волю Всевышнего. Дон Хуан наказан, потому что считал, что ему отпущен долгий срок покаяния. В этой пьесе автор ставит вопрос о поведении человека перед лицом Бога.

Продолжая традиции ренессансного театра Лопе де Вега, Тирсо де Молина использует многие мотивы, характерные уже для испанского барокко, — ощущение зыбкости, ненадёжности бытия, восприятие жизни как иллюзии, разочарование в гуманистических идеалах, обращение к религии, понимаемой как единственный безусловный нравственный авторитет. В духе барокко выдержана вся последняя сцена пьесы.

По мнению многих исследователей, образ первого Дон Жуана отнюдь не является лучшим в истории литературы. Однако нам представляется, что подобные суждения, по меньшей мере, не корректны, ибо каждая эпоха, каждая нация предлагает собственное истолкование «вечного образа», которое объясняется совокупностью многих социокультурных явлений, подчас не вполне объяснимых на первый взгляд.

Вечный образ, по устоявшемуся мнению, должен заключать в себе некое «инвариантное, то есть устойчивое неизменное архитипическое ядро человеческой природы, корнями уходящее в толщу истории», а также

обладать семантической многозначностью и открытостью для новых интерпретаций.

Важнейшей особенностью вечных (мировых) образов является повторяемость их сюжетно-образных систем как во времени и пространстве, так и во многих сферах гуманитарного знания – философии, литературе, искусстве, психологии и т.д. Благодаря изначально заложенному в них философско-эстетическому и художественному потенциалу вечный образ и традиционная тема органично вступают в диалог с различными дисциплинами и формами культуры, что позволяет говорить об их междисциплинарном и – шире – межкультурном характере. Выступая в роли посредника, они укрепляют единство мирового культурного процесса.

В 21-ом веке вечный образ не только не утрачивает своей актуальности, но и вызывает самый пристальный интерес у разных деятелей культуры. Это связано с мироощущением эпохи: с одной стороны, активное развитие всех сфер научного знания и небывалый технический прогресс, а с другой – историко-социальные катаклизмы, поставившие под сомнение прежние принципы структурирования бытия и пошатнувшие систему ценностей и веру человека в себя. Как следствие, возникает парадокс двойного видения и свойственное ему символизация не только, мира, но и его восприятия. Обращение к вечным образам, их переосмысливание с позиций 20-го века помогает, в определённом смысле, преодолеть «разорванность времён», «нецельность» мироощущения, выявляя вневременное, сущностное содержание этих образов и в то же время обогащая их новым духовным опытом человечества, заставляя интуитивно или сознательно полемизировать со своими предшественниками.

Без преувеличения можно сказать, что из всех «вечных» образов европейской культуры Дон Жуан, легендарный обольститель женщин, является одним из самых известных и притягательных. Истоки этого образа лежат далеко в таинственном мире народных легенд и преданий средневековой Испании, история его – это череда бесконечных авторских интерпретаций, попыток понять, оправдать или обвинить великого Севильского Насмешника. На протяжении уже многих веков мировая литература обращается к этому образу, и каждая эпоха спорит с предыдущей и создаёт «своего» Дон Жуана, отражающего тенденции нового времени. Так проходят века, и только он, насмешник, бунтарь и обольститель, останется всё таким же притягательным и таинственным...

Багно В. Е. Миф о Дон Жуане. – СПб, 2000.

Силюнас В.Ю. Стиль жизни и стили искусства. (Испанский театр маньеризма и Барокко): о пьесе Тирсо де Молина «Севильский озорник, или Каменный гость». – СПб.: Дмитрий Буланин, 2000.

Штейн А. Л. История испанской литературы. Изд.2-е – М.: УРСС, 2001. - 608 с.

Г.П.Пастревич, А.Л.Савченко

Человек и Вселенная в романе Э. Гамильтона «Город на краю света»

Эдмонд Мур Гамильтон (1904-1977) – известный американский фантаст, лауреат премии Жюль Верна (1933), пользующийся большой популярностью среди любителей произведений, посвященных межзвездным путешествиям. Он является одним из основателей жанра «космической оперы», возникшего в конце 1920-х г.г. в США. В этом жанре своеобразно соединяются черты приключенческого романа, романа-путешествия, романа-хроники и авантюрного романа, но на ином качественном уровне: если это путешествия, то в другие Галактики; если столкновение имперских интересов, то рисуются межзвездные империи; если это битва, то с участием космических кораблей; если в центре внимания авторов разум, то он приобретает различные свойства в зависимости от его носителя.

Массовому читателю Э. Гамильтон стал известен в 1939 г., когда из-под его пера вышла серия рассказов о капитане Фьючере, к образу которого автор обращался на протяжении многих лет.

24-томная эпопея о Фьючере считается классикой жанра «космической оперы», которому автор посвятил большую часть своей жизни, не будучи полностью свободным в выборе темы, ибо «писательство, ставшее профессией..., ставит его в зависимость от потребителя, от «заказчика» (Эйхенбаум 1987, с.434). В соответствии с потребностями времени, Э. Гамильтон создал образ героя абсолютно нового типа, неизвестного ранее американской фантастике: это обычный человек, попадающий в различные обстоятельства, из которых он с честью выходит. «На его месте могли бы быть и вы» – этот лозунг Э. Гамильтона получил безоговорочную поддержку читателей, ибо обычно положительные герои подобных произведений были чрезмерно идеализированы.

Триумф пришел к Э. Гамильтону с серией рассказов о межзвездном патруле.

В 1940-50 гг. писатель обратился к жанру романа, в котором тоже преуспел и в котором работал до конца своих дней.

Хотя сюжеты его произведений просты, действие протекает в хронологической последовательности, романы содержат минимум описаний, но максимум действия, герои подчас изображены схематично и прямолинейно, книги Э. Гамильтона производят большое эмоциональное впечатление на читателя. Во многом под влиянием этого романиста в американской фантастике сформировалась традиция создания динамичных сюжетов.

Обычно коллизии в произведениях Э. Гамильтона основаны на угрозе глобальной катастрофы, ставящей под вопрос само существование человека как биологического вида. Именно Э. Гамильтон одним из первых фантастов наглядно показал, что чем глубже и насыщенней конфликт произведения, тем более динамичным оно становится.

Идя в русле традиции счастливого финала он заканчивает свои романы happy end-ом, который обычно достигается благодаря мужеству и решительности главного героя.

Помимо чисто приключенческих произведений у Э. Гамильтона есть несколько романов, в которых он поднимает остросоциальные и важные общечеловеческие проблемы. Одним из них является «Город на краю света» («The city at World's End», 1951), поначалу не принятый издателями из-за несвойственных писателю стиля и проблематики. Однако Э. Гамильтон не отказался от постановки серьезных вопросов, и в рамках научной фантастики продолжил фокусировать внимание на психологии своих героев, их отношениях друг с другом и окружающим миром.

Поначалу кажется, что роман написан в жанре «космической оперы», ибо в нем есть и пришельцы с далеких звезд, и Галактический Совет, решающий судьбы жителей разных планет (в том числе и Земли), и полет главного героя Джона Кеннистона на далекую Вегу, и военное противостояние землян и пришельцев из других миров, и т.п. Но основной конфликт жителей Миддлтауна (а именно здесь, на американском континенте, происходит действие книги) разгорается не с инопланетными обитателями, а с далекими потомками землян. По существу, в «Городе на краю света» описывается Апокалипсис, вызванный взрывом супербомбы, сброшенной на городок Среднего Запада, вследствие чего люди мгновенно потеряли привычный им цивилизованный мир середины XX в.

Э. Гамильтон акцентирует внимание на ценностях истинных и ложных: то, что раньше считалось незыблемым и важным, в одно мгновение превратилось в прах. Вместо денег вводятся продуктовые карточки и натуральный обмен, прекращают свое существование промышленность и сельскохозяйственное производство. Власть оказывается неспособной принять решительные меры для спасения населения. Писатель психологически достоверно изображает настроение жителей города – от пессимизма и отчаяния к надежде и вере в свои силы.

Роман Э. Гамильтона так же, как и «Машина времени» Г. Уэллса, который оказал большое влияние на американского фантаста, переносит нас в далекое будущее. Однако в своем произведении Г. Уэллс рисует такую модель мироустройства, в которой общество разделено на враждебные друг другу социальные слои, и где нет места счастью и благополучию.

У Э. Гамильтона модель мира иная: разумные существа не противопоставлены друг другу, они борются за свободу выбора своей судьбы и судеб своих планет.

И пусть жители Миддлтауна оказались в изоляции от внешнего мира на умирающей Земле, они полны решимости сохранить свой дом, свой жизненный уклад, несмотря на все трудности, ожидающие их в будущем. Важнее всего для них, как подчеркивает Э. Гамильтон, «мать Земля» (Гамильтон 1991, с.78. Далее все ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием страницы в квадратных скобках). В финале, вопреки решению межгалактического Совета Губернаторов о переселении землян на другую планету с более комфортными условиями, миддлтаунцы вместе с учеными-гуманоидами идут на опасный эксперимент и возрождают к жизни свою родную планету.

Писатель населяет свой роман не космическими суперменами, не «звездными волками», а типичными американскими обывателями, волею судьбы оказавшимися в чрезвычайных обстоятельствах, требующих от них принятия решения, от которого зависит будущее не только их и их детей, но и миллионов разумных существ Галактики.

Это и главный герой Джон Кеннистон – физик-ядерщик, лучше других осознающий сложившуюся ситуацию, и Хуббл – начальник секретной лаборатории, и Кэрол – невеста Джона, и мэр города Гаррис и многие другие жители Земли.

Это и ученые Галактики: Пирс Еггин – историк и переводчик, Ион Арнол – ученый, открывший способ возрождения остывших планет, Горр Холл – инженер-атомщик с далекой Капеллы, Магро – инженер-электронщик из созвездия Девы, Варна Аллан – галактический администратор, в которую впоследствии влюбляется Джон.

В начале романа жители Миддлтауна обрисованы бегло, но по мере развития сюжета выявляются доминантные свойства их характеров. Еще не осознав опасности происходящего, они горячо обсуждают «событие, нарушившее сонное и однообразное течение их жизни. Некоторые поглядывали на тусклое Солнце, но на их лицах отражалось скорее сомнение, чем испуг» [2]. Тем временем начальник засекреченной лаборатории, входящей в систему национальной противоракетной обороны США, Хуббл первым понимает причину и страшные последствия падения супербомбы на Миддлтаун и вместе со своими сотрудниками ищет пути решения проблемы спасения города.

Мэр Гаррис еще настроен оптимистически, не отдавая себе отчет, в каком ужасном положении очутился Миддлтаун, в одно мгновение перенесшись на миллионы лет в будущее. «Гаррис был хорошим мужем и примерным отцом семейства, но совершенно не годился для того, чтобы твердой рукой обеспечивать нормальную и безопасную жизнь города сейчас, когда наступил почти конец света» [8].

Писателю с помощью выразительных портретных деталей («это был пухлый, розовощекий человек с заносчивым и одновременно на редкость самодовольным лицом» [8]) удастся передать изменения в настроении и психологическом состоянии мэра. Узнав правду, он «медленно опустился в кресло, вцепившись побелевшими пальцами в подлокотники. Его лицо посерело, щеки отвисли» [9].

Восприятие действительности сопровождается у жителей Миддлтауна огромным психологическим напряжением: «Страх перед пустыней могло вытеснить только одно – еще большее чувство ужаса перед *одиночеством* (выделено нами. – Г.П. и А.С.) в опустевшем городе, в котором отныне будут обитать лишь призраки» [28]. Автор романа передает настроение отчаяния обитателей городка с помощью своего излюбленного приема – использования художественной детали: «руки, скользкие от холодного пота» [13], «хрустальная тишина» [15] мертвого города, «смех, в котором звучали истерические нотки» [24] и т. д.

Однако такая ситуация не может длиться вечно. Горожане покидают старый Миддлтаун, чтобы начать новую жизнь в «городе под куполом», который они стремятся сделать максимально похожим на свой родной городок. В чужом мертвом городе звучат детские голоса, он оживает и получает новое название – Нью-Миддлтаун, подчеркивая связь миддлтаунцев с покинутым, но не забытым, домом.

Э.Гамильтон употребляет очень выразительные эпитеты не только в тексте произведения, но и в названиях глав: «Умирающая планета», «Багровый закат», «Мертвый город», «Просыпающийся мир».

Он следует своему творческому кредо – минимум описаний и авторских комментариев. Портретные характеристики присутствуют, но обычно они даются сквозь призму восприятия других героев. В них для писателя главное – выражение глаз. Например, образ возлюбленной Джона Кэрл в начале романа: «Кэрл была темноволосой, изящной девушкой с чудесными, вишневого цвета глазами» [12]. Ее душевное состояние автор передает, акцентируя внимание на их выражении: «тревожные, испуганные глаза» [12], «потухший и оцепеневший взгляд» [21], когда Кэрл узнает страшную правду о том, что произошло с Миддлтауном, и, напротив, в конце романа ее глаза лучатся «радостью и надеждой» [93]. Отпуская любимого к другой, Кэрл не сводит с него «серьезных, задумчивых глаз» [102].

Что касается Варны, галактического администратора, то Э. Гамильтон изображает ее как грациозную, но высокомерную голубоглазую красавицу, не способную на человеческие чувства. Именно такой впервые увидел ее Джон, такой же ее воспринимают и земляне, и гуманоиды. Однако в финале книги, когда она решает разделить с жителями Земли их участь, ее глаза изменяются. Джон замечает, «что на глазах холодной и неприступной Варны выступили слезы» [88], а в самом конце романа она

уже не сводит с Джона «нежных глаз» [98], даря ему надежду на взаимное чувство.

Автор, создавая образы своих героев, использует весьма лаконичные диалоги, редко – внутренние монологи персонажей, даже скорее фрагменты таких монологов. Характер раскрывается главным образом в поступках героев, в их способности на решительные действия. Так, Джон вместе с Хубблом едет на поиски города в пустыне; именно он отправляется в другую Галактику, чтобы предотвратить вооруженный конфликт землян и представителей звездной Федерации.

Представляется, что к достоинствам романа, связанным с изображением человека и Вселенной, можно отнести и описание местности, в которой происходит его действие. Здесь писатель использует контраст: «кукурузные поля, многочисленные фермы и даже река с впадающими в нее ручьями – все это исчезло без следа... Буро-желтая равнина, мрачная и пустынная... простиралась вдаль до гряды невысоких холмов..., монотонный пейзаж не оживляло ни единое деревце, ни единое пятно зелени» [13].

Для Э. Гамильтона важно и описание Солнца и Луны, которые стали враждебны человеку: «Солнце уже появилось над горизонтом, подобное разьевшемуся, опившемуся кровью монстру» [19] и т.п. Ночное светило тоже вызывает тревогу и ужас: «Из-за горизонта поднимался исполинский бронзовый щит. Это была Луна, но Луна, разбухшая до чудовищных размеров» [18]. И на протяжении всего повествования писатель педалирует мысль о том, что Луна в новых условиях превратилась в подобие бронзового щита, изъеденного кратерами.

Здесь кажется уместным вспомнить, что многие англоязычные писатели обращались к зарисовкам Луны, особенно в тягостные моменты своей жизни или жизни своих персонажей. К примеру, Д. Голсуорси в одной из литературно-критических статей, посвященной отнюдь не проблемам будущего человечества, писал: «И вдруг из-за края болота показалась большая, оранжево-красная луна. Все вокруг стало зыбким... Казалось, все контуры – лишь колебания лунной пыли; действительность – лишь немое прислушивание к шуму ветра» (Голсуорси 1962, с.344). У английского писателя отношение к светилу несколько иное, чем у Э. Гамильтона: Луна настраивает человека на философский лад, на размышления о Вселенной, которые сопрягаются с творчеством, но у обоих прозаиков Луна играет существенную роль в повествовании.

Э. Гамильтон предстает перед нами и как пейзажист-урбанист, изображая небоскребы, подземные ангары, заводы и фабрики и т.п., еще сохранившиеся как в Миддлтауне, так и в «городе под куполом». Вероятно, здесь можно обнаружить некоторое типологическое сходство с финалом романа А. Франса «Остров пингвинов», когда многомиллионный город, застроенный гигантскими домами, гибнет от взрывов бомб, и человечество должно повторить путь своего развития от первобытного

общества до эпохи капитализма. Ландшафт с небоскребами в обоих произведениях воплощает бездушие и дискомфорт в жизни общества. Не случайно герои «Города на краю света» возвращаются в свои старые одноэтажные дома и принимаются ухаживать за цветами в палисадниках.

Возвращаясь к концепции человека, отметим, что Э. Гамильтон ставит важные для него вопросы : как поведет себя человек в экстремальной ситуации? Могут ли представители разных миров и культур понять друг друга? Выясняется, что земляне для межгалактического Совета «примитивы» [73], поскольку слишком близко к сердцу воспринимают необходимость переселения на другие планеты, что почти приводит к вооруженному конфликту. Но для романиста важнее эмоциональное начало в человеческих существах, которое, собственно, и делает их людьми. Для них Земля – не просто остывающая планета. Это и «цветущие луга, весенний ветер, ...рождение и смерть, ...любовь» [56]. Жители Земли, по мысли писателя, не хотят этого забывать, и они посылают Джона в Совет Губернаторов, чтобы он объяснил далеким потомкам причины нежелания ее покидать.

«Наша планета», – утверждает Джон, – «это не просто Сол-3, а Земля, мать для многих из вас, мать забытая и одинокая. Вы не должны дать ей окончательно умереть!» [78]. И хотя Джон открыт для Космоса, он все же остается сыном Земли. Его миссия не удастся, несмотря на горячие призывы не забывать о своих корнях: «Все вы родом с Земли, даже если и принадлежите к иным галактическим расам» [80]. Галактическое правительство принимает решение об эвакуации миддлтаунцев на другие планеты, ибо считает, что для цивилизованных рас не существует понятия «отчего дома – есть лишь место проживания» [54].

Однако выход из тупика все-таки находится. На помощь землянам приходят гуманоиды, которых из-за их сохранившейся эмоциональности представители Галактического Совета также считают «примитивами». Ион Арнол, ученый-физик, предлагает достаточно рискованный план спасения Земли, дарящий надежду и представителям иных миров. Жители Миддлтауна оказываются перед сложным выбором: либо рискнуть и запустить «солнечную печку» в недрах планеты, тем самым возродив ее к жизни, либо в случае неудачи погибнуть вместе с ней.

В этой ситуации нельзя не упомянуть о психологическом состоянии главного героя, которое довольно убедительно описывает автор. От Джона зависит судьба его сограждан: «люди так ждали и надеялись на него – а что он принес? Надежду на новую жизнь или окончательную гибель?» [89] К его душевным терзаниям добавляется и личная драма: Кэрл совсем перестала его понимать, а он осознает, что ему становится ближе Варна Аллан – девушка с далекой звезды.

Возникшее взаимопонимание Варны и Джона, подчеркивающееся в романе, приводит читателя к выводу о том, что духовное начало в человеке должно оставаться доминирующим и что благодаря отваге, мужеству и

благородству людей не только Земля, но и другие планеты будут существовать. Эта общая надежда консолидирует землян и гуманоидов, тем самым писатель еще раз проводит мысль о том, что разумные существа, не утратившие способности сопереживать и сострадать, всегда найдут общий язык, несмотря на различное анатомическое строение тел.

Финал романа неоднозначен. Джон размышляет о будущем, о судьбах старшего и молодого поколений землян. Он понимает обреченность старого Миддлтауна и возлагает надежды на молодежь. «Они-то и возродят Землю по-настоящему. Построят новые города, дадут жизнь новому поколению землян... Впрочем, кто знает? Звездные корабли скоро вновь вернутся – и, быть может, эти парни и девушки предпочтут отправиться к новым мирам?» [102-103]. Э. Гамильтон фокусирует внимание на ощущении абсолютной свободы Джона: перед ним открываются широкие горизонты. Его ждут звезды, новые миры и новые друзья, а его будущее не ограничено посещением только планет Федерации.

Отнюдь не случайно при прощании Кэрол говорит ему о том, что теперь он принадлежит звездам. Она отпускает его, понимая, что они слишком разные: она привыкла к спокойной и размеренной жизни обывательницы, а он устремлен к далеким мирам.

Логичной представляется концовка романа: «Джон Кеннистон понял, что и там, среди звезд, он не будет одинок» [103]. Сопряжение его духовного обновления с возрождением природы Миддлтауна наступившей весной особенно подчеркивается автором: в старом парке распускаются почки, а в Нью-Миддлтауне после грозы, «первой за многие тысячи лет... проклюнулись робкие лучики травинки» [98].

Таким образом, по замыслу Э. Гамильтона, на Землю возвращается весна – начало новой жизни и новых надежд. Писатель попытался претворить свои принципы создания научно-фантастического романа, возникшие в 1950 гг., который, как он считает, в это время отходит от своего раннего статуса – литературы предсказаний, приближаясь к психологической прозе и фэнтези (об этом подробнее см.: Гаков 2004, с.291-297).

Человек и Вселенная даны в «Городе на краю света» в диалектическом единстве: человек одновременно часть Галактики и сын Земли (мысль, позднее неоднократно повторяемая многими фантастами разных стран). Как сын человеческий главный герой романа покидает свою колыбель – Землю, отправляясь в большой мир космоса, который то враждебен ему, то покорен.

Гаков Вл. Звездный король: [О жизни и творчестве Эдмонда Гамильтона] // Если – 2004. - № 11.

Гамильтон Эдмонд. Город на краю света – http://lib.ru/GAMILTON/city.txt_with-big-pictures.html.

Голсуорси Д. Туманные мысли об искусстве //Собр. соч.: в 16 т. – Т. 16. – М.: Правда, 1962.

Эйхенбаум Б.М. Литературный быт // Б.М.Эйхенбаум. О литературе. – М. : Сов. писатель, 1987.

Ю.Т.Листрова-Правда

Топонимы в романе А.И.Куприна «Юнкера»

Замечательный русский дореволюционный писатель Александр Иванович Куприн оставил обширное литературное наследие. По мнению современников, его всегда спасал „инстинкт природного здорового дарования, органический оптимизм, жизнерадостность, любовь к жизни” (Михайлов, с.10–11). Все эти качества большого писателя нашли отражение и в его романе „Юнкера”, написанном в эмиграции в 1932 году, незадолго до возвращения Куприна на Родину.

Многие русские писатели, оказавшиеся в эмиграции, обращались к художественным мемуарам, воспоминаниям о родине. Имеет автобиографическую основу „Жизнь Арсеньева”, написанная И.А.Буниным, в которой давние события и факты преобразованы, переосмыслены, а топонимы, употреблённые писателем, являются одним из художественных средств, подчёркивающих и отражающих „русскость” Бунина (Листрова-Правда).

Роман „Юнкера” А.И.Куприна – это лирическая исповедь, в которой писатель передоверяет свои воспоминания, тронутые эмигрантской тоской, наивному молодому человеку, юнкеру Александрову. Роман завершает военную тему, широко представленную в дореволюционном творчестве А.И.Куприна, где армейская жизнь и военные училища описаны далеко не в идиллических тонах (см., например, повесть „Кадеты”). Читая роман, попадаешь в мир, полный света и поэзии, где „царствует в своей ограниченности жизнерадостный Александров” (Михайлов, с. 16). Однако „Юнкера” – это и рассказ о старой Москве „сорока сороков”. И, несмотря на обилие света и празднеств, это, как отмечают исследователи, печальная книга. „Вновь и вновь с неопикуемой сладкой, горьковатой и нежной грустью” писатель мысленно возвращается к родине (Михайлов, с. 16).

Топонимическое пространство в романе „Юнкера” обширно, однако не все виды топонимов в нём представлены, что во многом определяется особенностью содержания романа, „прикреплённого” к Москве. Прежде всего это ойконимы *Москва* (свыше 30 словоупотреблений), *Петербург* – до 25 словоупотреблений. Топоним *Питер* упоминается 10 раз, *Санкт-Петербург* – 2 раза.

Разная частота использования указанных топонимов и их вариантов отразила в романе разное эмоциональное отношение юнкеров и их наставников к этим двум главным городам. Через весь роман проходит противопоставление Москвы и Петербурга: *Москва же в те далёкие*

времена оставалась воистину „парфироносной вдовою”, которая не только не склонялась перед новой петербургской столицей, но величественно презирала её с высоты своих сорока сороков, своего несметного богатства и своей славной древней истории (...) Бюрократический Петербург, с его сухостью и европейской мелочностью не существовал для неё. И петербургской аристократии она не признавала. В Петербурге самым старым родам не более трёхсот лет, а ордена и высокие титулы там даются за низкопоклонство и угодливость. А Москва? Что за тузы в Москве живут и умирают. Какие славные вековые боярские столбовые роды обитают в ней на Пречистенке, на Поварской, на Невинском бульваре и на Никитских... И самый воздух в первопрестольной был совсем иной, чем петербургский, куда крепче, ядрёнее, легче, хмельнее и свободнее. Петербургские штучки, словца и шуточки вяло прививались в Москве и скоро отмирали (с. 68); Нет, это вам не жидкий золотушный Петербург, а московские богатыри, кровь с молоком (с. 198); Вся Москва гордилась своими достопримечательностями (с. 198); На вас вся Москва смотрит (с. 75) – напутствовали юнкеров, выходящих из училища на улицу, их наставники. Каждому юнкеру кажется втайне несправедливостью судьбы, что государь живёт не в Москве, а в Питере. Но об этом не говорят (с. 96).

В романе постоянно употребляются сочетания *вся Москва*, *во всей Москве*. Тебя вся Москва знает, – говорили юнкера одному из извозчиков, который вёз их на бал. Подчёркивается древность Москвы.

Три варианта названия Петербурга различаются своими коннотациями. Слово *Петербург*, образованное по интернациональной словообразовательной модели (ср. *Зальцбург*, *Магдебург*), имеет коннотацию холодной изысканной иноязычности; *Питер* – оттенок разговорности, даже фамильярности (ср.: *В Питере все выскочки* (с. 68); *Санкт-Петербург* – коннотацию сверхофициальности (ср.: *Пока вакансии дойдут до Санкт-Петербур-га...* (с. 188)).

Другие российские города отмечены в романе в единичных случаях. Так, несколько раз упоминается *Пенза* – родной город юнкера Александрова, откуда на ёлку в Благородное собрание приехали три девушки, и Александров намеревался их на бал проводить. Один раз упоминаются *Ялта* и два российских городка: *Придётся тебе законопатиться в каком-нибудь Проскурове или в Кинешме* (с. 125); *Получил телеграмму из Ялты* (с. 116). Один раз употребляется топоним *Краков*: *А когда пришёл Александрову срок уезжать из Кракова, то Миртов с сенбернаром проводили его на полустанок...* (с. 108).

Отмечены также города зарубежья – *Франкфурт*, *Мюнхен*, *Плевна*, *Рошук*: *Под Рошукон (...) он был ранен пулей в горло навывлет и с тех пор дышит через серебряную трубку* (с. 78); (...) *в честь компатриота и сочлена выписывает колбасу из Франкфурта и чёрное пиво из Мюнхена* (с. 73); *Ранен при взятии Плевны штабс-капитан, грузин* (с. 77). Указанные

выше зарубежные топонимы используются при характеристике не самого Александра, а лиц, с которыми в романе он не часто встречается, но о которых что-то знает.

Не многочисленна и группа топонимов-названий сёл, деревень, хуторов: *Красково* (подмосковное большое село, с. 104); *Химки: Алексей Александрович, живший всё лето в Химках* (с. 104); *Мать Александра продала две родовые деревнюшки Zubovo и Щербаковку с землёй* (с. 164); *Съёмки проходили у огромного села Всехсвятского* (с. 176).

Основную же массу топонимов в романе составляют собственные имена внутригородских топонимических объектов – урбаноиды, характеризующие историческое прошлое и настоящее Москвы.

Как известно, в истории города Москвы в годы советской власти имел место топонимический вандализм: после событий 1917 года „стараниями московских чиновников карта Москвы на добрую треть превратилась в топонимический погост” (Горбаневский, с. 19), т.к. старые, исторически сложившиеся московские топонимы, образованные обычно по церквям, монастырям, духовным чинам и др., были заменены „невообразимыми для живой русской речи топонимами, „названиями-символами” и „именами-новоделами” (Горбаневский, с. 19).

К счастью для А.И.Куприна, при написании романа „Юнкера” он воспроизводил Москву дореволюционную, так что урбаноиды, использованные им, ещё не успели в Москве замениться новыми. Когда же А.И.Куприн приехал в Москву, многим урбаноидам уже вернули старые, дореволюционные названия. В книге М.Горбаневского „Москвоведение” отмечается, что многие старые московские улицы восходят к слободам XVI–XVII вв., в которых проживали по преимуществу люди одной профессии, одних занятий, промыслов; много также топонимов связано по своему происхождению с православием. Так, *Знаменка* названа по церкви Знамения Богородицы; *Б.Никитская* – по Никитскому женскому монастырю и Никитской монастырской слободе, *Ильинка* – по Ильинскому монастырю и Ильинским воротам Китай-города, *Всехсвятская* – по церкви Всех святых (Горбаневский, с. 10–22).

Немало в романе и урбаноидов, образованных позднее и от других производящих основ: *Пресня, Плющиха, Лефортово, Покровка, Тверская, Поварская, Мясницкая, Гороховая, Иверская, Арбат, Арбатская площадь, Кудрино, Ходынское поле, Ходынка*; бульвары: *Цветной, Никитский, Пречистинский, Екатерининский, Смоленский, Патриарший, Тверской*, а также *Красная площадь, Спасские ворота, Мамоновское подворье, Маросейка, Земляной вал, Драчовка, Соболев переулок*; соборы и церкви: *Благовещенский и Успенский соборы, часовня Сергия Преподобного, Троице-Сергиева лавра, церковь Большого Вознесения*. Происхождение многих московских урбаноидов, в том числе собственных названий улиц и площадей, до сих пор учёными не выяснено. Те же собственные имена московских улиц, бульваров и площадей, которые введены в роман

„Юнкера”, имеют, как правило, внутреннюю форму и яркую национально-культурную окраску.

Представлены в романе и учебные заведения: *Третье Александровское училище, Екатеринбургское училище, Екатерининский институт, Строгановская школа, Константиновский межевой институт, Красная казарма.*

Другие виды урбаноидов немногочисленны: *Третьяковская галерея, Булочная Севастьянова, гостиница Фальц-Файна.*

Приведённые выше урбаноиды определяли круг сведений юнкеров о Москве, многие соответствовали маршруту, по которому они часто строем отправлялись на учения (Ходынское поле), например: *Путь был неблизкий: Земляной вал, Покровка, Маросейка, Ильинка, Красная площадь, Спасские ворота, башня Кутафья, Знаменка (...)* (с. 99); *У Ильинских ворот часовня Сергея Преподобного* (с. 101); *Путь через Мясницкую, Кузнецкий мост и Тверскую* (с. 108).

Читая роман, чувствуешь, с каким удовольствием Куприн, живя в Париже, перечисляет все знакомые ему московские улицы и бульвары, заглушая этим свою тоску по родине, по всему русскому. Находясь в эмиграции, писатель тяжело переживал оторванность от родины. Он говорил: „Есть, конечно, писатели такие, что их хоть на Мадагаскар посылай на вечное поселение – они и там будут писать роман за романом. А мне всё надо родное, всякое – хорошее, плохое – только родное”. В этом, быть может, проявилась особенность художественного склада Куприна. Он накрепко, больше, нежели даже И.А.Бунин, Б.К.Зайцев или И.С.Шмелёв, привязан к малым и великим сторонам русского быта, многонационального уклада страны” (Михайлов, с. 14).

Среди используемых А.И.Куприным урбаноидов выделяются наименования учебных заведений, которые различались по социальному составу учащихся: *В Екатеринбургском учатся девицы самых древних, самых настоящих дворянских фамилий* (с. 125); *У Александра сестра воспитывалась в Николаевском институте* (с. 133); *Вечером знаменитая ёлка в Благородном собрании, на которую съезжается вся Москва* (с. 184); *А в Екатерининский институт можешь попасть лишь по именному приглашению* (с. 124).

Но в центре внимания автора было, конечно, Александровское училище и Ходынское поле: (...) *Александровское училище, питомцы которого жили и возрастали на основе рыцарской демократии* (с. 74); *Милым показалось Ходынское поле, обильно политой за лагерное время юнкерским потом* (с. 199).

Из романа читатель узнаёт, что училище было закрытым. Учебные занятия проходили с утра до вечера с перерывом на два часа. Военная подготовка в стенах училища чередовалась со строевой подготовкой в основном на Ходынском поле, включала также усвоение юнкерами-первокурс-никами правил этикета, упражнения, вырабатывающие умение

кланяться, отдавать честь особам разного социального статуса и воинского звания, танцмейстер учил их танцевать. Ротные командиры перед тем, как выпустить юнкера на улицу (в воскресенье), осматривали его с головы до ног, учили: *Гляди как орёл, ходи женихом. Вся Москва на вас смотрит*, поэтому добивались того, чтобы юнкера не горбились, голову держали выше. За каждый проступок юнкера сажали в карцер на пять суток, лишали воскресного отпуска в город.

Культ Александровского военного училища воспитывался годами. За шалость в строю юнкеров наказывали арестом, хотя они и не пытались промолчать, а тут же честно, по-рыцарски признавались в проступках; не было принято жаловаться ротным командирам и высшему начальству; с дедовщиной („циканьем“) юнкера боролись в своей среде. Эти страницы заслуживают особого внимания не только филологов.

Интерес представляет и напутствие в романе начальника училища, с которым тот обратился к бывшим юнкерам: *Уже давно известно, что всюду, где большое количество людей долго занято одним и тем же делом, где интересы общие и все разговоры уже переговорены, где конец занимательности и начало равнодушной скуки, как, например, на кораблях, в кругосветном рейсе, в полках, в монастырях, в тюрьмах, в дальних экспедициях и так далее – там, увы, заводится самый отвратительный грибок – сплетня, борьба с которой необычайно трудна и даже невозможна. Так вот вам мой единственный рецепт против этой гнусной тли. Когда придёт к тебе товарищ и скажет: „А вот я вам какую сногшибательную новость расскажу про товарища Х“ – то ты спроси его: „А вы отважитесь рассказать эту новость в глаза этого самого господина?“. И если он ответит: „Ах, нет, этого вы ему, пожалуйста, не передавайте, это секрет“ – тогда громко и ясно ответьте ему: „Потрудитесь эту новость оставить при себе. Я не хочу её слушать.*

Закончив это короткое напутствие, Анчутин сказал:

– Вы свободны, господа офицеры. Доброго вам пути и хорошей службы. Прощайте.

Господа офицеры поневоле отвесили ему ермоловские придворные глубокие поклоны и вышли на цыпочках.

На воздухе ни один из них не сказал другому ни слова, но завет Анчутина навсегда остался в их умах с такой твёрдостью, как будто он вырезан алмазом по сердолику (с. 204).

Другие виды топонимов в романе немногочисленны.

Не отмечены нами дрононимы – собственные имена любых путей сообщения, хотя названы средства передвижения: конка, тройка запряжённых лошадей и ... собственные ноги.

Из хоронимов (собственных имён любой территории, области, района) отмечены: *Россия* (несколько словоупотреблений), *Царство Польское*, *Пензенская* и *Тамбовская, Симбирская, Рязанская* и *Калужская губернии*,

Аравия. В переносном значении употреблено сочетание *княжество Московское: Удручала мысль расстаться надолго с великим княжеством Московским, с его семью холмами, с сорока сороками церквей, с Кремлём и Москва-рекою* (с. 185); *Если захочу в Аравию тамошних первоклассных лошадей объезжать* (с. 67).

Из гидронимов употребляются: *Чистые пруды, Патриаршие пруды, Москва-река: Купался в Москве-реке...* (с. 66). И отмечен всего один ороним (собственное имя рельефа земной поверхности): *Он будет ... исследователем Памира, восходящим на вершины гималайских недоступных гор* (с. 184), а также несколько дримонимов (собственных имён любого лесного участка, леса, бора, рощи, части леса: *Он (плац – Ю.П.) тянется от корпуса до Анненгофской рощи. За Анненгофскую рощу удирали отчаянные храбрецы* (с. 58). *(Гроза) снесла наголо Анненгофскую Лефортовскую рощу* (с. 184).

Рассмотрение топонимов, использованных в романе А.И.Куприна „Юнкера”, позволяет сделать некоторые выводы.

1. Обширное топонимическое поле в романе представлено главным образом ойконимами *Москва, Петербург (Питер, Санкт-Петербург)* и урбаноидами – именами собственными внутригородских объектов г.Москвы (улиц, площадей, бульваров, исторических районов, зданий учебных заведений), немногочисленные гидронимы также „прикреплены” к Москве (*Москва-река, Чистые пруды, Патриаршие пруды*). Собственные имена деревень, сёл обозначают в основном населённые пункты вблизи Москвы.

2. Тематические группы ойконимов, урбаноидов и гидронимов тесно связаны с особенностью содержания романа и отражают то, что входило в круг сведений о Москве, которым владели юнкера, обучавшиеся в Московском училище и ставшие персонажами романа Куприна.

3. В отборе топонимов проявилась любовь А.И.Куприна к Москве, ко всему русскому. Среди топонимов-урбаноидов лишь единицы образованы от иностранных слов (*Лефортово, Арбат*), но и те давно обрусели. Варианты наименований Петербурга имеют отличающие их от основной массы топонимов романа коннотации.

4. А.И.Куприн и И.А.Бунин написали свои названные выше автобиографические художественные произведения почти в одно и то же время (конец 20-ых – начало 30-ых гг. XX в.), привлекая реально бытующие топонимы не только в адресной функции, но и как яркие художественные средства, создающие культурно-исторический антураж для изображаемой в романах жизни русского народа в больших и малых городах и сёлах..

Несовпадение тематических групп топонимов в романах – результат не только несовпадения мест действия, но и идейно-художественного своеобразия романов.

В то же время оба писателя оставили нам набор топонимов, отображающих разные стороны российской действительности в начале XX века – Москву в восприятии юнкера военного училища и уездную Россию в осмыслении молодого начинающего писателя.

Бондалетов В.Д. Русская ономастика. – М.: Просвещение, 1983. – 222 с.

Верещагин Е.М. Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Русский язык, 1990. – 147 с.

Горбаневский Михаил. Московведение. Учебное пособие для начальной и средней школы. – М.: Издат. дом „Московский учебник”, 2000. – 366 с.

Куприн А.И. Юнкера // Куприн А.И. Сочинения в 2-х томах, т. 2. – М.: Художественная литература, 1981. – С. 50–207.

Листрова-Правда Ю.Т. Собственные имена (топонимы) в романе И.А.Бунина „Жизнь Арсеньева” /Язык и национальное сознание. - Вып.16.- Воронеж: «Истоки», 2001. - С.54-59.

Михайлов О.Н. А.И.Куприн / А.И.Куприн. – Соч. в 2-ух тт. - М., 1998. - С.3-16.

Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: Наука, 1976. – 198 с.

Т.В.Тимошина

Семантическая реализация слова *дети* в тексте

(на материале прозы и публицистики С.Довлатова и Д.Рубиной)

Нашей задачей является описание значения слова *дети* в прозе и публицистике С.Довлатова и Д.Рубиной.

Материалом исследования явились художественные и публицистические тексты С.Довлатова и Д.Рубиной; для описания значения слова *дети* в национальном языковом сознании использовались данные толковых словарей, словаря синонимов, частотных и ассоциативного словарей, а также анализ фразеологизмов и паремий.

Методика описания такова: описываются значения исследуемого слова по имеющимся словарям разных типов и сопоставляются со значениями исследуемого слова, выявленными в контекстуальном анализе текстов писателей и в психолингвистическом эксперименте. Затем выявляются сходства и различия значений в системе языка (за системное значение принимается обобщенное описание значений по словарям разных типов), психолингвистическом эксперименте и в прозе и публицистике исследуемых авторов.

Обратимся к **словарным толкованиям** слова *дети*:

Дети

1. Мальчики и (или) девочки в раннем возрасте, до отрочества (употр. в знач. мн. к «ребенок» и «дитя»).

2. Сыновья, дочери. (С.И.Ожегов. Словарь русского языка /Под ред. Н.Ю.Шведовой.- 18-е изд.- М.: Рус. яз.,1987, с.140)

Дети

1. Мальчики и (или) девочки до 14 – 16 лет.
2. Сыновья или дочери (независимо от возраста).
3. О наивных, неопытных людях. *Да вы еще дети в авиации!*
4. О людях, являющихся характерными представителями какой-либо среды, эпохи и т.п., тесно связанных с кем-, чем-либо. *Дети своего века.* (Большой толковый словарь русского языка /Под ред. С.А.Кузнецова.- СПб: «Норинт», 2006, с.25).

Дети см. *ребенок*, малыш, малютка, крошка, малолетний; маленький, кроха (*разг.*); ребятишек, малолеток (*прост.*); дитя (*уст.*); карапуз, малявка (*разг. шутл.*)...младенец; лялька, пеленашка (*прост.*); роженое дитя (*уст. прост.*); чадо (*уст. книжн.*); кровинка (*народно-поэт.*)... (Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практ.справочник: Ок. 11 000 синоним. рядов.- 11-е изд., перераб. и доп.- М.:Рус. яз., 2001, с.467).

Обобщение словарных дефиниций позволяет выделить следующие значения слова *дети*:

1. Мальчики и (или) девочки до 14 – 16 лет;
2. Сыновья или дочери (независимо от возраста);
3. Наивные, неопытные люди в чем-л.;
4. Характерные представители какой-либо среды, эпохи и т.п.

По данным «Частотного словаря русского языка» под ред. Л.Н.Засориной (1977), на 1 000 000 словоупотреблений общая частота употреблений слова «дети» составляет 169. При этом на долю газетного стиля приходится 44 словоупотребления, научного и публицистического – 13, художественного – 39. Таким образом, концепт *дети* наименее востребован в текстах научного и публицистического стилей.

По данным «Частотного словаря» С.А.Шарова (2002), в современных художественных, газетных и научно-популярных текстах частота употреблений слова *детвора* составляет 4, слова *детушки* – 13, слова *ребята* – 254, в то время как слово *дети* в словаре отсутствует (<http://www.gramota.ru>).

Анализ семантики слова осуществляется также через анализ **фразеологического фонда** русского языка. Во фразеологических словарях русского языка найдено единственное фразеосочетание со словом *дети*, позволившее выявить следующий признак:

Через крещение детей люди становятся близкими - детей не крестить кому с кем. Не иметь никаких общих дел, предполагающих близкие взаимоотношения. (См.: Словарь образных выражений русского языка / Под ред. В.Н.Телия.– М., 1995, с.92; Фразеологический словарь русского языка /Под ред. А.И.Молоткова. – М., 1967; В.П.Жуков, А.В.Жуков. Школьный фразеологический словарь русского языка. – М., 1989).

Анализ многочисленных *паремий* со словом *дети* (См.: Русские народные пословицы и поговорки /Сост. А.М.Жигулев. – М., 1965; Пословицы русского народа: Сб. В.Даля. – М., 1957. – 992с; Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь.- 2-е изд., испр. и доп.- М.: Рус. яз., 1988) позволяет выявить следующие признаки:

***Дети - это благо* 7** - На что и клад, коли дети идут в лад. Радуется сердце тяти от ласкового дитяти. Изба детьми весела. Дети – благодать наша. Дети – благодать божья. С детьми горе, а без них вдвое. Работные дети отцу хлебы.

***Свои дети всегда любимы* 7** - Дитя и худенько, а отцу-матери миленько. Всякому свое дитя милее. И сова своих детей хвалит. Свое дитя и горбато, да мило. Дитя хоть криво, да отцу, матери мило. Свой дурак дороже чужого умника. Всякому свое дитя милее.

***Детей надо воспитывать строго* 6** - Наказуй детей в юности, успокоят тебя в старости. Кто детям потакает, тот сам плачет. Дай детям полную волю – сам наплачешься. Кто боится, что ребенок будет плакать, - сам заплачет. Сын отца бьет – не на худо учит. Матерни побои не болят; мать и бия не бьет.

***Детей надо учить и воспитывать* 5** - Детей учить – не лясы точить. Воспитать ребенка – не выпустить цыпленка. Детей учи без людей! Гни дерево, пока гнется, учи дитя, пока слушается. Умел дитя родить, умей и научить.

***Дети создают проблемы родителям* 5** - У кого детки, у того и заботы. У кого детки, у того и бедки. С малыми детками горе, а с большими вдвое. Деток родить – не веток ломить. Малые дети съесть, а большие износить не дадут.

***Дети похожи на своих родителей* 3** - у доброго дядьки (бабки) добры и дитятки. Каковы где дядьки, таковы и дитятки. Не мы на детей походим, они на нас.

***Детям нужен уход* 3** - Дети что цветы: уход любят. Кому детей родить, тому и кормить. Дитятко что тесто: как замесил, так и выросло.

***Хорошие дети – благо, плохие – зло* 2** - Добрые дети – дому венец, а злые – конец. Детки хороши – отцу, матери венец, худы – отцу, матери конец.

***Все дети разные* 2** - Детки деткам рознь. У одной матки разные дитятки.

***Дети любят своих родителей* 1** - Птица рада весне – а дитя матери.

***Дети не должны осуждать своих родителей* 1** - Дети родителям не судьи.

Многочисленные случаи употребления слова *дети* в паремиях свидетельствуют о том, что оно входит в обыденное, повседневное употребление в русской речи.

Ассоциативное поле стимула «дети» представлено в «Русском ассоциативном словаре» Ю.Н.Караулова, Т.А.Черкасовой и др. в 2 тт. 1986 г.

Дети: маленькие 26; взрослые 20; играют 18; цветы 17; радость 15; цветы жизни 10; мои, счастье 8; наши, подземелья, родители 7; Арбата, большие, будущее, гуляют 6; Земли, мира, отцы 5; веселые, много, солнца, семья, солнце, умные, школа 4; детсад, здоровые, красивые, малые, малыши, милые, непослушные, растут, ребята, чужие, шаловливые 3; воспитанные, выросли, голодные, двор, детский сад, дом, играли, игрушка, игрушки, капризные, крик, любви, любовь, люди, маленький, несчастные, песочница, плачут, послушные, прекрасные, прелесть, радостные, разные, ребенок, родные, сад, садик, сироты, теплота, учатся, хорошие, цветы нашей жизни, шалют, шум, шумят 2; аборт, абстрактно, асфальт, балбесы, балованные, баловать, бегали, беготня, бегали, бедные, бедняжки, беззащитны; беззубые существа, веселые и счастливые; больные, брат, брата, будут, бумаги, бусы, века, весело, веселье, вечность, взрослый, визг, визжат, внуки, война, войны, вокруг, врач, вселенной, все наши, в школе, гам и шум, где вы?, глупые, голубой, горе, горшок, грудные, дети, добры, дома, дорога, дорогие, дорожный знак, до 16, желанные, жизни, забота, заботы, замечательный, звери, здоровье, земля, злые, игра, играть, играющие, игривы, идут, интерес, интересные, уроды, капитана Гранта, карапузы, клуб, книга, козлята, краски, кривые, кричат, легкомысленные, леди, леса, лети, маленькие люди, малыши, мальчик и девочка, мальчишки, милое, мир, мой ребенок, молодые, муж, надоели, на солнце, насущные, наше будущее, наше счастье, неблагодарные... неугомонные, не чужие, очарование, пеленки, планеты...приятные эмоции, радости, радость жизни, радость земли, раздора, расти, резвые, родителей, родить, род человеческий, рождаются, своенравные, свои, сестра, слепые,мышленные, современные, соседи, соседей, соска, спят, сталинизма, старого мира, старый, счастливы, сын, тоже люди, ужас, улица, уроды, учитель, хлопоты, хулиганы, цвет жизни, цветки, цветок, чада, чисты, чудо, шалость, шалуну, школьники, шумливые, шумно, шумные, шустрый народ, это прекрасно, это чудо, ясли, ясли-сад; 485+237+6+166, где 485 – общее число реакций опрошенных, 237 – число разных реакций, 6 – число отказов, 166 – число единичных реакций (Русский ассоциативный словарь / Ю.Н.Караулов, Т.А.Черкасова и др. – Т.1. От стимула к реакции. Ок.7000 стимулов. – М: Астрель, 2002, с.164).

Семантическая интерпретация единиц ассоциативного поля слова *дети* позволяет выделить следующие семантические компоненты психологически реального значения слова *дети*:

непослушные 25 (непослушные, шаловливые 3, капризные, шалют 2, балбесы, балованные, баловать, бегали, беготня, глупые, легкомысленные, неугомонные, озорные, резвые, своенравные, хулиганы, шалость, шалуну, шустрый народ 1),

наши 21 (мои 8, наши 7, родные 2, все наши, мой ребенок, свои, не чужие сын,1),

бывают взрослые 20 (бывают взрослые 20),

играют 18 (играют 18),

нуждаются в детских предметах 14 (игрушка, игрушки, песочница 2, бумага, бусы, горшок, клуб, книга, краски, пеленки, соска 1)

создают много шума 14 (крик, плачут 2, шум, шумят, визг, визжат, гам и шум, кричат, надоели, шумливые, шумно, шумные 1),

имеют родителей 13 (родители 7; отцы 5, , родителей 1),

ходят в школу 9 (школа 4, учатся 2, в школе, учитель, школьники 1),

ходят в детсад 9 (детсад 3, детский сад, сад, садик 2),

бывают несчастны 9 (несчастные, сироты 2; бедняжки, беззащитны, беззубые существа, горе, подземелья 1);

живут в семье 8 (семья 4; брат, брата, муж, сестра, 1),

ужасные 8 (звери, ироды, надоели, недоноски, раздора, ужас, уроды, хулиганы 1),

красивые 7 (красивые 3, прекрасные, прелесть 2),

веселые 7 (веселые 4, веселые и счастливые, весело, веселье 1),

умные 5 (умные 4, смышленные 1),

чужие 5 (чужие 3, соседа, соседей 1),

здоровые 5 (здоровые 3; врач, здоровье 1),

растут 5 (растут 3, выросли 2),

воспитанные 4 (воспитанные, послушные 2),

живут в доме 3 (дом 2, дома 1),

требуют заботы 3 (забота, заботы, хлопоты 1),

их надо лечить 3 (больные, врач, слепые 1);

старого мира 3 (сталинизма, старого мира, старый 1);

ходят в ясли 2 (ясли, ясли-сад 1),

голодные 2 (голодные 2),

родные 2 (родные 2),

страдают от войн 1 (война),

добрые 1 (добры 1),

неблагодарные 1 (неблагодарные 1),

современные 1 (современные 1).

Устойчивые фразы (это наше будущее 6; дети всего мира, Земли, 5; дети солнца 4; вселенной, войны, планеты 1).

Ассоциативная статья подтверждает наличие следующих значений:

1. Мальчики и (или) девочки до 14 – 16 лет: имеют родителей 13, ходят в школу 9, живут в семье 8, красивые, веселые 7, умные 5, воспитанные 4, добрые, современные 1.

2. Сыновья или дочери (независимо от возраста): *наши 21, требуют заботы, живут в доме 3, их надо лечить, голодные, родные, ходят в ясли 2*

3. Потомки, ради которых живет человек: *растут 5, страдают от войн 1*

Таким образом, системными психологическими реальными значениями слова *дети* в русском языке являются следующие:

1. Мальчики и (или) девочки до 14 – 16 лет;

2. Сыновья или дочери (независимо от возраста);

3. Потомки, ради которых живет человек.

Значения слова *дети* в индивидуально-авторском сознании выявлялись также в контекстуальном анализе *художественных и публицистических текстов С.Довлатова и Д.Рубиной*, авторов, во многом мировоззренчески близких, что определяет сходство в содержании ряда значений. В авторских текстах выявлены следующие признаки:

Мы уезжаем ради своих детей. Чтобы они росли на свободе. Забыли про ужасы тоталитаризма... (СД1, 49) – *дети требуют жертв от родителей*

Эти люди учатся, торгуют, пишут книги, раскатывают мацу и воспитывают детей... Но каждый прожитый день завершается в семье. И нет у обычных людей другой модели реального человеческого счастья. (СД1,307) – *детей необходимо воспитывать.*

Оба были женаты и развелись. Оба готовы были посвятить себя детям. (СД1,305) – *дети требуют заботы родителей.*

С продовольствием дела обстоят безобразно. А детей кормить надо... (СД1,184) – *детей надо материально обеспечивать.*

- Каждый из нас вправе распоряжаться лишь собственной жизнью. Решать что-либо за своих детей мы не вправе. (СД1, 50) - *родители не имеют права распоряжаться жизнью своих детей.*

А тысячи лагерных поселений, где дети не знают вкуса яблок?! (СД1,313) – *дети должны есть фрукты.*

К счастью, у меня нет детей. Нортону казалось, что это слишком дорого. (СД1,307) – *дети требуют материальных затрат.*

Что касается той силы, которая женщине помогает (да и мне, в частности) – так она все та же: дети. (ДР5, 102) – *дети дают женщине силы.*

Ты сама уж как придется, а дети должны быть накормлены, одеты и заняты пристойным делом. Точка. (ДР5, 102) – *дети – предмет первоочередной заботы.*

- Да, служба в здешней армии очень меняет и тебя самого, и детей; буквально месяца за два израильские балбесы становятся опорой общества. (ДР5, 104) – *дети быстро взрослеют.*

Да что там говорить – не нами сказано впервые: отцы и дети! (ДР6,73) - *существует проблема взаимоотношений отцов и детей.*

Но голод, унижения, одиночество, которые этим детям пришлось пережить, тоже дают себя знать. (ДР, 242) – *дети –слабые существа, уязвимые для трудностей*

Нет, конечно, есть семьи, прекрасно существующие без детей, но здесь другой случай. (ДР7,167) – *дети – продолжение рода.*

...ведь бывает так, что, вырастая, дети уезжают и живут в других городах. (ДР7, 201) – *дети вырастают и уходят от родителей.*

Дети ведь должны рисовать, это полезно, это развивает видение мира. (ДР8,67) – *рисовать детям полезно для развития.*

Десять лет они не отдыхали вдвоем, без детей. Десять лет они не были хотя бы неделю наедине друг с другом. (ДР8,269) – *дети препятствуют уединению родителей.*

Перечень признаков слова *дети* в общенациональном и индивидуально-авторском сознании представлен в таблице. Для каждого признака вычислен **индекс яркости** как отношение количества объективаций данного признака к общему количеству объективаций (по совокупности системных, психолингвистических и авторских значений общее количество объективаций - 495). Содержание значения *дети* в рассмотренных источниках включает 50 семантических компонентов.

Перечень сем значений слова *дети* по результатам описания в словарях, психолингвистическом эксперименте и авторских текстах писателей имеет следующий вид:

Семантические компоненты	Толковые словари 1 семант. компонент (3 объективации)	Фразеологизмы 1 (1)	Паремии 12 (43)	ИЯ общенациональный	ИЯ психолингвист. значений (ассоциативный словарь) 31(420)	ИЯ у С.Довлатова 8 (8)	ИЯ у Д.Рубиной 9 (9)
Бывают маленькие	0,07	-	-	0,07	-	-	-
Играют	-	-	-	-	0,04	-	-
Бывают взрослые	-	-	-	-	0,05	-	-
Непослушные	-	-	-	-	0,06	-	-
Наши	-	-	-	-	0,05	-	-
Имеют родителей	-	-	-	-	0,03	-	-
Нуждаются в детских предметах	-	-	-	-	0,03	-	-
От них много шума	-	-	-	-	0,03	-	-
Ходят в школу	-	-	-	-	0,02	-	-

Живут в семье	-	-	-	-	0,02	-	-
Ходят в детсад	-	-	-	-	0,02	-	-
Ужасные	-	-	-	-	0,02	-	-
Красивые	-	-	-	-	0,02	-	-
Веселые	-	-	-	-	0,02	-	-
Несчастные	-	-	-	-	0,02	-	-
Это наше будущее	-	-	-	-	0,02	0,13	-
Умные	-	-	-	-	0,01	-	-
Чужие	-	-	-	-	0,01	-	-
Воспитанные	-	-	-	-	0,01	-	-
Здоровые	-	-	-	-	0,01	-	-
Быстро растут	-	-	-	-	0,01	-	-
Живут в доме	-	-	-	-	0,01	-	-
Требуют заботы	-	-	0,01	0,01	0,01	0,13	-
Интересные	-	-	-	-	0,01	-	-
Ходят в ясли	-	-	-	-	0,01	-	-
Их надо кормить	-	-	-	-	0,01	-	-
Родные	-	-	-	-	0,01	-	-
Больные	-	-	-	-	0,01	-	-
Страдают от войн	-	-	-	-	0,01	-	-
Добрые	-	-	-	-	0,01	-	-
Неблагодарные	-	-	-	-	0,01	-	-
Современные	-	-	-	-	0,01	-	-
Через крещение детей люди становятся близкими	-	0,02	-	0,02	-	-	-
Дети - это благо	-	-	0,16	0,16	-	-	-
Свои дети всегда любимы	-	-	0,16	0,16	-	-	-
Детей надо воспитывать строго	-	-	0,14	0,14	-	-	-
Детей надо учить и воспитывать	-	-	0,12	0,12	-	-	-
Дети создают проблемы родителям	-	-	0,12	0,12	-	-	-
Дети похожи на своих родителей	-	-	0,07	0,07	-	-	-
Хорошие дети – благо, плохие – зло	-	-	0,07	0,07	-	-	-
Все дети разные	-	-	0,05	0,05	-	-	-

Дети не должны ссориться	-	-	0,05	0,05	-	-	-
Дети любят своих родителей	-	-	0,02	0,02	-	-	-
Дети не должны осуждать своих родителей	-	-	0,02	0,02	-	-	-
Дети требуют жертв от родителей					-	0,13	-
Детей необходимо воспитывать					-	0,13	-
Дети требуют материальных затрат					-	0,13	-
Родители не имеют права распоряжаться жизнью своих детей					-	0,13	-
Дети могут жить хорошо	-	-	-	-	-	0,13	-
Дети должны есть фрукты	-	-	-	-	-	0,13	-
Дети – продолжение рода	-	-	-	-	-	-	0,11
Дети дают женщине силы	-	-	-	-	-	-	0,11
– Дети быстро взрослеют	-	-	-	-	-	-	0,11
Дети – слабые существа, уязвимые для трудностей	-	-	-	-	-	-	0,11
Рисовать детям полезно для развития	-	-	-	-	-	-	0,11
Дети – предмет первостепенной заботы	-	-	-	-	-	-	0,11
Дети препятствуют уединению родителей	-	-	-	-	-	-	0,11
Дети вырастают и уходят от родителей	-	-	-	-	-	-	0,11
Существует проблема взаимоотнош	-	-	-	-	-	-	0,11

ений отцов и детей							
-----------------------	--	--	--	--	--	--	--

Полученная совокупность признаков подтверждает наличие в языковом сознании писателей следующих значений:

1. Мальчики и (или) девочки до 14 – 16 лет;
2. Сыновья или дочери (независимо от возраста);
3. Потомки, ради которых живет человек.

Таким образом, проведенное сопоставление показывает, что значения слова *дети* в национальном языковом сознании и в текстах писателей в целом совпадают, но значительно отличаются перечнем составляющих их признаков, выявляются лишь единичные сходства.

Совпадают следующие смысловые признаки значения *дети* (имея разную яркость):

	общенац.	Довлатов
<i>Дети - наше будущее</i>	0,02	0,13
<i>Их надо кормить</i>	0,01	0,13
<i>Быстро растут</i>	0,01	0,13

Остальные признаки в национальном языковом сознании и в индивидуальном сознании исследуемых авторов различаются.

Примеры чисто системных признаков, не актуализируемых в текстах С.Довлатова и Д.Рубиной:

	сист.
<i>через крещение детей люди становятся близкими</i>	0,02
<i>свои дети всегда любимы</i>	0,16
<i>детей надо воспитывать строго</i>	0,14
<i>непослушные</i>	0,06
<i>от них много шума</i>	0,03
<i>дети не должны осуждать своих родителей</i>	0,02
<i>неблагодарные</i>	0,01

Эндемичными в текстах **С.Довлатова** являются следующие чисто «довлатовские» семантические компоненты:

<i>дети требуют жертв от родителей</i>	0,13
<i>дети требуют материальных затрат</i>	0,13
<i>родители не имеют права распоряжаться жизнью своих детей</i>	0,13

Специфику значения слова *дети* в текстах **Д.Рубиной** составляют следующие актуализируемые только в ее текстах признаки:

<i>дети дают женщине силы</i>	0,11
<i>дети быстро взрослеют</i>	0,11
<i>дети – предмет первостепенной заботы</i>	
<i>дети препятствуют уединению родителей</i>	0,11
<i>дети вырастают и уходят от родителей</i>	
<i>детей родители хотят сделать неувязимыми перед опасностью</i>	0,11

Таким образом, проведенное сопоставление показывает, что значения слова *дети* в национальном языковом сознании и в индивидуальном сознании писателей имеют лишь единичные сходства. Совпадает лишь незначительное число семантических компонентов (*это наше будущее; они быстро растут; их надо кормить*). Индивидуально-авторскими оказались 30% всех смысловых компонентов (15 из 50).

Может быть вычислен индекс эндемичности значения в индивидуальном языковом сознании писателя, который рассчитывается как соотношение эндемичных (не повторяющихся ни в системном, ни в психолингвистическом значении, ни в концепте другого писателя) компонентов значения и всей совокупности выделенных семантических компонентов значения.

У С.Довлатова индекс эндемичности значения слова *дети* составляет 0,12, у Д.Рубиной – 0,18, что свидетельствует о высокой степени индивидуализации языкового сознания автора.

Близкие значения индексов эндемичности двух писателей свидетельствуют, что индивидуально-авторские значения – реальность и закономерность существования индивидуально-авторской картины мира.

Довлатов С. Речь без повода... или Колонки редактора. (Ранее неизданные материалы). – М., 2006. – 432 с.

Довлатов С. Малоизвестный Довлатов. Сборник – СПб.: АОЗТ «Журнал «Звезда» », 1999. – 512 с.

Довлатов С. Собрание прозы в 3т. – т.1.- СПб: Лимбус-пресс, 1995. – 416 с.

Довлатов С. Собрание прозы в 3т. – т.2.- СПб: Лимбус-пресс, 1995. – 384 с.

Рубина Д. Больно только когда смеюсь. М.: Эксмо, 2008. - 336 с.

Рубина Д. «Их бин нервосо...»! – М: Эксмо, 2005. – 256 с.

Рубина Д. На Верхней Масловке: Повести и рассказы. – М.: Изд-во Эксмо, 2004. – 336 с.

Рубина Д. Наш китайский бизнес: роман и рассказы. – М.: Эксмо, 2004.

Рубина Д. Холодная весна в Провансе. – М.: Эксмо, 2005- 336 с. – 496 с.

СЛОВАРИ

Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка: Практ. справочник: Ок. 11 000 синоним. рядов.- 11-е изд., перераб. И доп.- М.: Рус. Яз., 2001.

Большой энциклопедический словарь. - М.: АСТ: Астрель, 2006, с.615.

В.П. Жуков, А.В. Жуков. Школьный фразеологический словарь русского языка. - М., 1989.

Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / Под ред. Г.Н. Складневской. – М.: Эксмо, 2007.

Пословицы русского народа: Сб. В. Даля. – М., 1957. – 992 с.

Русские народные пословицы и поговорки / Сост. А.М. Жигулев. – М., 1965.

Русский ассоциативный словарь» . Ю.Н. Караулов, Т.А. Черкасова и др. - В 2 тт. - М., 1986.

Словарь образных выражений русского языка / Под ред. В.Н. Телии. – М., 1995.

Словарь синонимов / Под ред. И. Писарева. - М.: ТОМ, 1997.

Словарь синонимов русского языка / Под ред. Л.А. Чешко. – М., 1968.

Фелицына В.П., Прохоров Ю.Е. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: Лингвострановедческий словарь.- 2-е изд., испр. и доп.- М.: Рус. яз., 1988.

Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. – Изд. 7-е. – М., 2001.

Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – М., 1967.

Частотный словарь русского языка / Под ред. Л.Н. Засориной.- М., 1977.

Частотный словарь С.А. Шарова. - 2002 (<http://www.gramota.ru>).

В.А. Щукина

Проблема отчуждения в романе Джеймса Джонса «Только позови»

Понятие отчуждения трактуется как «философско-социологическая категория, выражающая объективное превращение деятельности человека и ее результатов в самостоятельную силу, господствующую над ним самим и враждебную ему, и связанное с этим превращение человека из активного субъекта в объект общественного процесса» (Философская энциклопедия 1960-1970).

Со второй половины XIX века в литературе США начинается осмысление этого явления в различных его модификациях: отчуждение от социума, от семьи, от собственной личности. Однако с наступлением нового столетия проблема отчуждения приобретает особое звучание в связи с изменениями во всех сферах жизни, что находит отражение в искусстве, и, в частности, в антимилитаристской прозе, одними из наиболее ярких образцов которой становятся произведения американского писателя Джеймса Джонса (1921-1977).

Являясь участником Второй мировой войны, он воссоздает в своем творчестве, с одной стороны, батальные сцены, с другой – психологическое состояние солдат. Так, его роман «Отныне и вовек» (“From Here to Eternity”, 1951) посвящен описанию американской армейской жизни накануне нападения Японии на США в ноябре 1941 г., «Тонкая красная линия» (“The Thin Red Line”, 1962) – изображению военных действий на Соломоновых островах Тихого океана в конце 1942 – начале 1943 гг. При этом в первом произведении интерпретируется внешнее отчуждение человека, а во втором – внутреннее.

Однако с наибольшей полнотой этот феномен осмысливается в посмертно опубликованном романе Дж. Джонса «Только позови» (“Whistle”, 1978), где представлен уникальный анализ всех форм отчуждения. В связи с этим возникает необходимость определить характер отношений, объединяющих проблему отчуждения и антимилитаристскую тематику в последнем произведении писателя.

Роман «Только позови» повествует о возвращении раненых на острове Гуадалканал американских солдат на родину в 1943 году. В центре внимания автора оказываются четыре однополчанина: ротный старшина Март Уинч, начальник кухни-столовой сержант Джон Стрейндж, командир отделения сержант Бобби Прелл и ротный писарь Марион Лэндерс. Поначалу герои радуются своему возвращению, но, приехав домой, понимают, что «если война ужасна, то мир еще ужаснее» (Венедиктова 1989. с.299). Помещенные в госпиталь близ Люксора, солдаты постоянно посещают центр города, где их и настигает пугающее осознание своей ненужности и никчемности. Они убеждаются теперь, что, говоря словами Ю. Ковалева, «мир, в который их перебросила судьба, словно и не подозревает, что где-то идет кровавая война. Здесь по-прежнему делают деньги, покупают автомобили, ходят в кино <...> Жизненные и нравственные принципы, вывезенные героями из пекла сражений, здесь ни к чему» (Ковалев 1983, с.16).

Тем не менее сперва у них еще сохраняется слабая связь с этим чуждым обществом – семья. Так, Стрейндж торопится встретиться со своей женой, которая ему очень дорога, но во время их разговора она признается, что хочет его оставить, так как уже давно влюблена в другого человека. С этого момента начинается тотальное отчуждение сержанта Джона от окружающего мира: в нем «залегли какая-то обида и ожесточение, залегли так плотно, что, казалось, не проткнешь и штыком» (Джонс 1983, с.240), он «снова и снова спрашивал у себя, почему он так одинок и вообще, что это такое – одиночество? Тут уж совсем было непонятно, все непонятно. Прежде он никогда не знал одиночества» (Джонс 1983, с.259).

Уинч, тоже женатый и даже имеющий детей, наоборот, сам не стремится увидеть близких, потому что за годы войны слишком отдалился от семьи, которая «есть где-то» (Джонс 1983, с.), «в Сент-Луисе, наверное» (Джонс 1983, с.38). Но все же, решившись на встречу, он, подобно Стрейнджу,

убеждается в неверности своей супруги: «понял, что он свободен от обязательств, словно взятых на себя по какой-то бесовской сделке» (Джонс 1983, с.210).

Юный Лэндерс приезжает в родительский дом, но сталкивается с полным непониманием со стороны отца, требующего от него «надеть ленточки «Бронзовой звезды» и «Пурпурного сердца» (Джонс 1983, с.182), выступить с речью «в отделении Американского легиона перед участниками первой мировой» (Джонс 1983, с.183), а под конец отправляет заснувшего в ресторане сына «проспать в кутузке» (Джонс 1983, с.187). В итоге расстроенный Марион уходит, утверждая: «я забуду, что у меня есть отец» (Джонс 1983, с.188). Прелл, до сих пор не имевший близких, женится на медицинской сестре из военного госпиталя, но быстро догадывается, что девушка вышла замуж лишь из-за его «Почетной медали конгресса», и признается: «орден она на мне любит, вот что» (Джонс 1983, с.402), «она втайне питала отвращение к своей же пылкости, и теперь эта ее пылкость вытекла, как ртуть из треснувшего градусника» (Джонс 1983, с.403). Таким образом, каждый из героев ощущает болезненное отчуждение от своей семьи, тем самым обрывая последнюю нить, соединяющую его с равно чуждым окружающим миром.

Единственной спасительной мыслью для всех них является воспоминание о родной роте, но и оно вскоре рассеивается. Оказывается, что армия для этих солдат теперь тоже потеряна, так как «роты больше нет и не будет. Впереди как неизбежность маячил на крутом берегу Люксор. В нем теперь заключалось все <...> будущее, если оно вообще есть, это будущее. Нечего обманывать себя» (Джонс 1983, с.211). Но самым страшным для однополчан становится внезапное осознание того, что они чувствуют отчуждение и друг от друга: «распадается даже костяк роты, разваливается из-за новых интересов и новых привязанностей» (Джонс 1983, с.409), «получается, что привязанность как товар, который можно купить, выгодно продать или обменять по каким-то необъяснимым правилам» (Джонс 1983, с.409).

В этой связи А. Мулярчик справедливо отмечает, что в романе «Только позови» «на авансцену была выдвинута знакомая по Дос Пассосу, Хемингуэю и Ремарку тема «фронтового содружества» (Мулярчик 1989, с.291), но у Джонса оно не выдерживает «испытания «пошлой действительностью» (Мулярчик 1989, с.291). Внешнее одиночество героев дополняется внутренним отчуждением от собственной личности при воспоминании о своих поступках на войне: «ненависть, жгучая, неукротимая ненависть к себе и ко всем тем, кто ради какой-то, пусть благой цели изувечил или убил хоть одного человека <...> Когда люди делают то, что никогда бы не сделали в здравом уме и при чувстве ответственности и не хотели бы, чтобы другие сделали по отношению к ним» (Джонс 1983, с.255). В подобном состоянии опустошенности и безысходности Лэндерс увольняется из армии, но, покинув главную

канцелярию, бросается под колеса автомобиля. Прелл, в глубине души стыдящийся своего нового занятия – «агитпоездок по стране с целью распространения облигаций военного займа» (Джонс 1983, с.391), погибает в пьяной драке, которую в отчаянии сам провоцирует в одном из баров Лос-Анджелеса. Старшина Уинч, пораженный трагической смертью своих бывших солдат, сходит с ума, в безумии забрасывая гранатами военный городок, пока его не запирают «в камере гарнизонного госпиталя» (Джонс 1983. с.441). Стрейндж, последний из этой четверки, отправляется добровольцем на европейский фронт, но по пути во Францию бросается в море с палубы парохода и гибнет. Автор не уточняет причину его смерти: «он не знал, захлебнется он сначала или замерзнет» (Джонс 1983. с.444).

При этом показательным становится композиционное построение произведения. Роман Джонса разделен на пять книг, каждая из которых отражает определенный этап в истории тотального отчуждения героев. Первая – «Транспорт» – дает представление о надежде находящихся в пути раненых солдат обрести счастье на родине, вторая – «Госпиталь» – повествует о внутреннем разладе каждого из персонажей с самим собой, третья – «Город» – фиксирует нарастающее в душе однополчан ощущение отдаления от общества и от семьи, четвертая – «Военный городок» – посвящена описанию их отрыва от армии и друг от друга, пятая – «Конец всего» – рисует трагическую гибель друзей. Такая композиция создает своеобразный заколдованный круг, за пределы которого уже невозможно выйти. Мысль о войне как некий бесконечный кошмар постоянно преследует героев, не случайно изображение отдельных моментов пережитых ими сражений присутствует лишь в описаниях снов, которые они сами часто принимают за реальность:

«Его разбудил резкий телефонный звонок. В голове у него все перепуталось: ему показалось, что звонит полевой телефон, что его вызывает с батальонного КП подполковник Беккер. Он залег со своей ротой на открытой местности, и по ним били вражеские минометы. <...> Уинч стиснул зубы, чтобы не закричать, и, спустив ноги с кровати, огорошено глядел на обыкновенный телефон на тумбочке как на что-то непонятное и чужое, но видел залегшую, зарывшуюся в грязь роту и бойцов» (Джонс 1983, с.291).

М. Гайсмар, говоря о современниках Дж. Джонса, отмечает, что «все знания о жизни сводились у этого поколения к ярким военным переживаниям <...> романтически-острая, мучительная травма заменила им зрелость и рост; не умея понять мирный домашний быт, они чувствовали к нему одно лишь презрение. Не очень-то легко жить, как обычно, после того, как ты так близко видел смерть и так дешево ценишь жизнь» (Гайсмар 1976, с.286). Этим высказыванием в равной мере можно охарактеризовать и внутреннюю суть трагедии персонажей «Только позови».

Во время работы над романом сам Дж. Джонс писал: “The publication of *Whistle* will mark the end of a long job of work for me. <...> It will say just about everything I have ever had to say, or will ever have to say, on the human condition of war and what it means to us, as against what we claim it means to us” (Jones 1978. p.xxi). Действительно, своим произведением автор показывает, что война разрушает человека не только физически (герои часто даже забывают о своих увечьях), но и духовно. Четыре солдата умирают не на поле боя и не от полученных ран, а в родной стране от того внутреннего переворота, который в них произошел во время службы. Важным становится вывод о том, что человек, побывавший на войне, погибнет в любом случае, разница заключается лишь в том, каков характер этой смерти.

Таким образом, проблема отчуждения оказывается тесно связанной с антимилитаристским пафосом романа «Только позови», так как это явление выступает в качестве одной из основных форм духовного умирания, которую влечет за собой война.

Венедиктова Т. Д. Наедине с войной: концепция личности в современной американской антивоенной прозе / Т. Д. Венедиктова // Проблемы американистики. Вып. 7: Милитаризм в США: Сборник под ред. Е. Ф. Язькова. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – С. 295-312.

Гайсмар М. Джеймс Джонс и американский военный роман / М. Гайсмар // Американские современники. – М.: Издательство «Прогресс», 1976. – С. 286-301.

Джонс Дж. Только позови / Дж. Джонс. – М.: Радуга, 1983. – 448 с.

Ковалев Ю. Джеймс Джонс и его герои (Предисл.) / Ю. Ковалев // Только позови / Дж. Джонс. – М.: Радуга, 1983. – С. 5-23.

Мулярчик А. С. «Военный роман» в современной литературе США / А. С. Мулярчик // Проблемы американистики. Вып. 7: Милитаризм в США: Сборник под ред. Е. Ф. Язькова. – М.: Изд-во МГУ, 1989. – С. 272-294.

Философская энциклопедия. В 5-ти т. Под ред. Ф. В. Константинова. – М.: Советская энциклопедия, 1960-1970. – URL: http://www.dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy (дата обращения: 16.01.2011).

Jones J. A note by the author / J. Jones // *Whistle*. – N. Y.: Delacorte Press, 1978. – P. xix-xxii.

Рекламный дискурс

Н.В. Аниськина, С.В. Апинян

Пропаганда здорового образа жизни средствами рекламы

Рекламу можно рассматривать как специфическую форму пропаганды – системы деятельности, направленной на распространение знаний, художественных ценностей и другой информации с целью формирования определенных взглядов, представлений, оказания влияния на социальное

поведение людей. Предлагая людям определенные ценности, реклама пропагандирует опирающийся на эти ценности образ жизни. Она оказывает влияние на наше отношение к себе и окружающей среде, нередко становится образцом для подражания.

Цель настоящей статьи – выяснить, как в коммерческой рекламе представлена тема здорового образа жизни. Обращение именно к этой теме продиктовано следующими причинами: во-первых, здоровье населения нашей страны в настоящее время характеризуется многими специалистами как критическое, поэтому поиск эффективных методов его улучшения является насущной общественной и государственной проблемой. Во-вторых, данная тема широко представлена в социальной рекламе, она активно обсуждается в СМИ. Одним словом, можно говорить о том, что тема здорового образа жизни сегодня стала «модной». Это побуждает многих рекламодателей использовать данную тему при продвижении своих товаров и услуг.

Материалом для исследования послужили 250 текстов наружной рекламы, размещенной в г. Ярославле в течение 2008-2010 гг.

В литературе по валеологии выделяют следующие факторы здорового образа жизни:

полноценный отдых,
 активность жизненной позиции,
 удовлетворенность работой,
 физический и духовный комфорт,
 сбалансированность питания,
 медицинская активность,
 экономическая и материальная независимость,
 физическая и двигательная активность,
 отсутствие вредных привычек,
 физиологическое удовлетворение в семье (Масияускене 2008, с. 63-65).

В результате анализа рекламных текстов нами были получены следующие результаты: в 124 текстах из 250 (49,6%) идеи здорового образа жизни не нашли отражения. В остальных примерах указанные выше темы распределились следующим образом.

В 42 текстах (33,3%) содержатся открытые призывы к ведению нездорового образа жизни. Это, прежде всего, реклама пивных брендов, в которой очень часто ставится знак равенства между хорошим отдыхом и употреблением пива: Zatecky Gus. Отдых с хорошим вкусом; отрывайся!; Для обстоятельных разговоров (реклама пива «Три богатыря»).

В других случаях видеоряд указывает на неразрывную связь пива и спорта (реклама пива «Старый мельник», «Балтика-3»). Кроме того, в рекламе пива «Старый мельник» положительная оценка пива сочетается с отрицательной оценкой витаминов: Лето без «Старого мельника» – бездушное накопление витаминов. «Старый мельник» – душевное пиво.

Однако в данном случае такая подача рекламируемого товара вполне ожидаема, тем более что все эти тексты сопровождаются обязательной надписью «Чрезмерное употребление пива может вредить здоровью». Гораздо интереснее, на наш взгляд, проследить, как используются ценности здорового образа жизни в продвижении тех товаров, которые также могут повредить здоровью, однако реклама которых не содержит предостерегающих надписей. Для этого постараемся последовательно проследить отражение всех вышеназванных факторов в рекламе.

Изучая наружную рекламу г. Ярославля, мы пришли к выводу, что апелляция к такой ценности как сбалансированное питание представлена, прежде всего, в рекламе гипермаркетов. В целом данная тема является одной из наиболее широко представленных в рекламе: она использована в 31 рекламном обращении (24,6%), из которых 16 текстов направлены на поддержку здорового питания (употребление свежих овощей и фруктов, молочных и диетических продуктов и т.п., например: Заряд сильных витаминов. Пейте сок!; Ярославский бройлер. Гармония вкуса и здоровья) и 15 в поддержку несбалансированного питания. Среди последних чаще всего встречается реклама кафе и ресторанов быстрого питания. В качестве альтернативы здоровой пище такая реклама предлагает то, что «вкусно и быстро»: полуфабрикаты (пельмени, котлеты), Макзавтраки (завтраки в «Макдональдсе»), гамбургеры, пиццу и т.п. Интересно, что в данных примерах не затрагивается тема правильного питания, реклама апеллирует к такой ценности, как жизненная активность: посещение кафе быстрого питания приравнивается к посещению Парижа (например, Сэндвич-экспресс. Окно в Париж).

Анализ показал, что фактор «активность жизненной позиции» используется в 26 (20,6%) рекламных текстах. К активной жизненной позиции и полноценному отдыху призывает реклама различных сотовых операторов, предлагая все новые и новые тарифы, например: МТС – 24 часа бесплатных разговоров (видеоряд – коллаж из фотографий, изображающих девушку/молодого человека в разных жизненных ситуациях, но всегда разговаривающих по телефону) или За границу со СМАРТС, все входящие вызовы в Европе и на курортах 25 рублей. Реклама безлимитного Интернета также призывает человека быть мобильным, общительным, целеустремленным, быть всегда в центре событий, узнавать все последние новости.

К этой же ценности апеллирует и реклама магазинов для рыболовов и туристов: А ты готов к серьезной рыбалке? В то же время использование этого мотива в рекламе сети магазинов «Перекресток» (Поймай свою рыбку! Свежайшая рыба за полцены) вряд ли можно отнести к пропаганде активного образа жизни, ведь потребителю предлагается заменить настоящую рыбалку походом в магазин.

Фактор полноценного отдыха может быть использован в рекламе банковских услуг (предоставление кредита для того, чтобы люди могли исполнить свои мечты – съездить отдохнуть в любую страну мира), а также в рекламе кинотеатров, концертов и даже коттеджных поселков (например, поселка «Ярославская Голландия»).

Необходимо отметить, что апелляция к факторам «активность жизненной позиции» и «полноценный отдых» нередко используется и в социальной рекламе, но если в коммерческой рекламе активный образ жизни является «бонусом» при покупке той или иной услуги или товара (пользование услугой стимулирует или, по крайней мере, не ограничивает путешествия по миру, активную жизненную позицию), то в социальной рекламе активный образ жизни является альтернативой наркотикам, алкоголю и т.д. (реклама показывает, что получать удовольствие от жизни можно и другим путем, не прибегая к вредным привычкам), например: Жизнь без наркотиков. Колеса для здоровых (видеоряд – изображение молодого человека на роликах).

Тема «регулярная физическая и двигательная активность» поднимается в 15 рекламных текстах (11,9%). Прежде всего, это реклама магазинов спортивных товаров, фирм, занимающихся установкой и обслуживанием бассейнов и т.д. Кроме того, данная тема используется при продвижении фитнес-центров, спортивных клубов, секций и т.д. Главную роль в этих текстах играет изображение, призывающее заниматься спортом, чтобы быть в хорошей физической форме (Спорт-мастер. Мы делаем спорт доступным; Ярославская федерация каратэ. Здоровье. Сила. Уверенность).

В то же время в семи текстах коммерческой рекламы представлена противоположная точка зрения. Это реклама автомобилей, предлагающая потребителю передвигаться преимущественно с помощью транспортного средства.

В пяти рекламных текстах (3,9%) поднимается тема «медицинской активности»: демонстрируется призыв заботиться о себе и своем здоровье, о здоровье близких. К этому фактору здорового образа жизни апеллирует реклама различных клиник, салонов оптики, медицинских центров (салон «Очкарик»: Проверьте зрение бесплатно). При этом подчеркнем, что реклама подобных организаций нередко обращается и к иному фактору – полноценному отдыху (например, реклама санатория «Большие соли»: Отдохни по полной!).

Нередко один рекламный текст апеллирует к нескольким факторам здорового образа жизни. Так, например, реклама молока «Простоквашино» обращается к ценностям здорового питания, потребления экологически чистых продуктов (До свежего молока рукой подать!), однако происходит замещение отдыха на природе правильным питанием. Потребителю имплицитно сообщается, что 'выпить стакан молока «Простоквашино»' = 'побывать в деревне, на свежем воздухе'.

Для того чтобы выявить особенности потребительского восприятия рекламы, мы провели опрос двух групп респондентов. Первая группа – люди в возрасте от 15 до 25 лет. Вторая группа – от 25 лет и старше. Общее количество опрошенных составило 50 человек. Цель опроса – выяснить и сравнить отношение двух групп опрошиваемых к использованию факторов здорового образа жизни в рекламе.

По результатам опроса, было выявлено, что 95 % респондентов в возрасте 15-25 лет и 90 % респондентов в возрасте старше 25 лет знают, что такое здоровый образ жизни. В то же время необходимо отметить, что ответы всех респондентов были далеко не полными. Чаще всего опрошенные называли следующие составляющие здорового образа жизни: отсутствие вредных привычек, правильное питание и двигательную активность. Никто из опрошенных не назвал удовлетворенность работой и семьей, дважды была названа медицинская активность, четыре респондента подчеркнули необходимость полноценного отдыха. Необходимо также отметить, что доля тех, кто ведет здоровый образ жизни, довольно невелика в обеих группах респондентов: среди молодежи – 15%, среди взрослых – 20%.

Опрос позволил выявить и источники, из которых респонденты получают информацию о здоровом образе жизни. Для первой группы опрошенных основными источниками являются СМИ – 70 %, реклама – 20 %, книги – 10 %. Ответы второй группы респондентов распределились несколько иначе: СМИ – 45 %, книги – 25 %, реклама – 10 %, другое (жизненный опыт, работа, больница) – 20 %.

Далее респондентам были предложены два рекламных текста, причем одна реклама (молоко «Простоквашино») была направлена на формирование принципов здорового образа жизни, а вторая (завтраки в Макдональдсе) – противоречила этим принципам.

Опрос показал, что потребители в целом правильно воспринимают ценности, представленные в рекламе: лишь 10% респондентов указали, что реклама «Макдональдса» пропагандирует здоровый образ жизни (так как предлагает горячий завтрак). В то же время оценка коммуникативной эффективности (оценка коммуникативной эффективности по модели Ю.К.Пироговой: Рекламный текст: Семиотика и лингвистика / Под ред. Ю.К. Пироговой. П.Б. Паршина. – М., 2000) этих рекламных текстов показала, что лишь 45% респондентов в возрасте от 15-25 лет высоко оценили привлекательную и агитационную силу рекламы «Простоквашино» (ср.: во второй группе опрошенных таких оказалось более 70%), в то время как 53% в первой группе и 18% во второй посчитали более привлекательной и убедительной рекламу «Макдональдса».

Таким образом, проведенный анализ показал, что тема здорового образа жизни используется в каждом втором рекламном тексте как средство воздействия на потребителя. С помощью «переплетения» факторов

здорового и нездорового образа жизни идет активное воздействие на массовое сознание.

Масияускене О.В., Муравянникова Ж.Г. Валеология. – Ростов-на-Дону: «Феникс», 2008. – 240 с.

Публицистический дискурс

Е.В.Пикалова

Лексика тематической группы «Наименования болезней» в публицистическом дискурсе

Крупные социальные изменения, произошедшие за два последних десятилетия в России, привели к тому, что политики, ученые, бизнесмены, публицисты стремятся осмыслить российскую социальную реальность на рубеже тысячелетий. Своего рода неосознанным отражением нового состояния страны стала активизация целого ряда моделей метафорического представления современной действительности. Предметом исследования в данной статье является метафоризация исходной понятийной области «медицина» и перенос ее на новую понятийную область. Сценарий «медицина» предполагает характер заболеваний общественного организма, использование средств для его оздоровления. Процесс метафоризации медицинских терминов возможен потому, что их использование в функции прямой и обратной номинации совпадает по набору некоторых семантических признаков. Такая метафора обладает мощным коннотативным ореолом: яркая внутренняя форма, оценочность – все это способствует приращению разнообразных, дополнительных смыслов и влияет на восприятие текста адресатом.

Кроме того, метафора является мощным средством формирования воздействующей функции языка.

Медицинская метафора относится к антропоморфной метафоре, поскольку авторы текстов в публицистике моделируют социально – политическую реальность исключительно по своему усмотрению. Такая метафора обогащается эмотивными коннотациями и создается для того, чтобы перенести имеющиеся эмоциональные отношения к понятийному источнику (его обозначает слово в основном значении) на понятие, которое выражается метафорическим значением того же слова.

Метафорические номинации и нарушения сочетаемостных ограничений обусловлены принципами и постулатами лингвистической прагматики, интенциями субъектов метафорических высказываний.

Во всех случаях метафорического использования медицинской лексики связь метафорического значения с терминологическим значением слова не утрачивается, но значения медицинских терминов как сфера-источник переносятся на социально – политическую сферу.

Образность медицинской метафоры, основана на сходстве признаков диагнозов, оценок больного человека, с признаками и оценками состояния других разнообразных социально – политических явлений.

В публицистике метафоризируются, как правило, не конкретные предметы, а абстрактные понятия. Об этом свидетельствуют некоторые примеры, собранных в книге «Русская политическая метафора» (Баранов, Караулов, 1991): *агония режима, атрофия политической власти и т.д.*

В нашем материале обнаружено значительное количество метафорических осмыслений медицинской лексики тематической группы «наименования болезней». Рассмотрим их:

Близорукость – аномалия рефракции глаза, при которой главный фокус оптической системы глаза находится между сетчаткой и хрусталиком, что ведет к искажению «картинки», находящейся вдали от человека.

Благодаря метафорическому переносу сегодня рождаются новые контекстные сочетания слов с компонентом «близорукость».

Главный недостаток интенсификации продаж – маркетинговая близорукость. («Витрина читающей России», 2002.10.25)

Направление метафоризации: Конкретная болезнь => абстрактное понятие. Прагматическое значение – упрек.

Метафоризация приводит к новой сочетаемости с переходным глаголом «проявить».

Вновь испанские спецслужбы проявили загадочную «близорукость» (Известия 2004.04.08)

В данном примере осуществляется перенос, который происходит на основе семы «искажение картинки вдали». Прагматическое значение – косвенное обвинение России в политической неадекватности.

Кома – состояние глубокого угнетения функций центральной нервной системы, характеризующееся полной потерей сознания, утратой реакции на внешние раздражители и расстройством регуляции жизненно важных функций организма.

Коммунальная кома. (Заголовок) (Неприкосновенный запас, 2003.07.14)

Я думаю, что Кремль находится в коме, в параличе. (Известия, 2002)

Глубокая кома – таков диагноз поставил Евросоюзу саммит – консилиум в Брюсселе. (Труд – 7, 2005.06.21)

Это уже не просто приступ звездной болезни, а настоящая кома, достойная Маши Распутиной (Комс. правда, 2004.04.26)

Любовь – это же кома. Семью держит что-то другое... (Комс. правда. 2003.01.28)

Во всех случаях перенос осуществляется на основе интегральной семы «полная потеря дееспособности».

Направление метафоризации: Физическое состояние => социальное состояние. Прагматическое значение – осуждение.

Коллапс – это результат остро развивающейся сосудистой недостаточности, характеризующейся падением сосудистого тонуса и уменьшением массы циркулирующей крови. Возможна остановка сердца.

*На наших глазах происходит **коллапс** мира печатного слова (Знание – сила, №1, 2003)*

*Риски в сфере образования следует свести к нулю, в противном случае страну ждет еще один **коллапс** – социальный (Итоги, 2003.02.11)*

*О том, что **коллапс** российской экономики был тщательно спланированным мошенничеством, на Западе стали говорить сразу же (Сов. Секретно, 2003.05.05)*

*Слишком большой риск для национальной экономики – получить **коллапс** на железной дороге (Моск. Новости 2003)*

*Люди не сразу поняли, с чем связан транспортный **коллапс** на «Ленинградке» (Новости, 21.08.10)*

Метафорический перенос осуществляется на основе общности семы «остановка», для обозначения краха, остановки чего-либо (транспорта, предприятия, офиса, организации). Происходит перенос наименования болезни на новый объект, в результате чего появляется новый контекст для медицинского термина и, соответственно, его иная сочетаемость.

Паралич – расстройство двигательной функции в виде полного отсутствия произвольных движений вследствие нарушения иннервации соответствующих мышц.

Это медицинской термин оказывается также чрезвычайно удобным для констатации того факта, что то или иное явление или тот или иной объект переживает состояние вынужденного бездействия, застоя.

*Вспомните, как повел себя народ, и как повела партия в августе 91- го года...тогда все общество поразил **паралич**. И этим **параличом** Ельцин и его сторонники воспользовались в полную меру (Завтра, №25, 2004)*

*Затор движения достиг Серпухова, затем **паралич** сковал шоссе между Серпуховым и Тулой (В. Гроссман. Все течет)*

*Нападки рассчитаны на то, чтобы вызвать у правительства, у власти **паралич** и воли и мысли (РИА Новости, 2007.04.13)*

*Если ситуация с развязками и парковками не изменится, то наступит дорожный **паралич** (Комсомольская правда, 2007.01.15)*

*Сегодня в городе **паралич** власти (Комсомольская правда. 2006.07.21)*

*Нынешний **паралич** воли в отношении афганской наркотической проблемы должен рано или поздно закончиться (РИА Новости, 2005.11.03)*

Метафоры «коллапс» и «паралич» становятся синонимами и могут использоваться в одном текстовом фрагменте, осуществляя функцию градации.

*Дальше может быть только хуже, потому что финансовый **паралич** перекинется на предприятия – смежники, и **коллапс** охватит уже всю отрасль гражданского самолетостроения* (Новый ремонт 2, 2005.09.14)

Перенос значения осуществляется на основе элементарного смысла «расстройство двигательной функции».

Направление метафоризации: физическое состояние => экономическое состояние.

Паралич (органов) – паралич власти, общества, воли и многих других объектов. Прагматическая интенция - негативная оценка бездействия.

Очень интересны эти два примера с точки зрения публицистического и разговорного дискурса: понятия «коллапс» и «паралич» воспринимаются как синонимичные, как «остановка» чего-либо. А с точки зрения медицины, это абсолютно разные понятия.

В современной устной и письменной речи широко распространено метафорическое использование названий не только физических, но и психологических заболеваний.

Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Словарь русских политических метафор. М., 1991

А.О.Шатова

Особенности информационных текстов в русскоязычной и англоязычной публицистике

Ежедневно информационные агентства поставляют на рынок СМИ сотни новостных событий, Они касаются политики, культуры, спорта и многих других тема. Для одних поводом являются события внутри страны, для других – так называемые «события в мире», то есть всё, что произошло за пределами наших государственных границ. Как правило, нам рассказывают о переизбрании президентов или других крупных руководителей, подписании документов, которые могут повлиять на дипломатические отношения, важных культурных событиях, природных катаклизмах, крупных авариях и курьезных происшествиях. Зачастую подобные новости интересны жителям многих стран. В нашем исследовании мы решили выявить особенности презентации новостных материалов, касающихся мировых событий, в русскоязычной и англоязычной прессе.

В данной статье мы представляем сравнительный анализ двух новостных материалов, посвященных крушению самолета президента

Польши Леха Качиньского. Одна из них взята с сайта российской ежедневной газеты «Известия», другая – с сайта английского ежедневного издания «Guardian».

ИЗВЕСТИЯ

Крушение Ту-154 под Смоленском: хроника трагедии

фото: Reuters

web-редакция от 11 апреля 2010 года

По последним данным трагедия унесла жизни 97 человек, в том числе президента Польши Леха Качиньского. "Все свидетельствует о том, что президент Польши Лех Качиньский и его супруга Мария Качиньска погибли", - заявил в субботу официальный представитель Польши Петр Пашковский в интервью телеканалу "Россия 24".

10 апреля в 10 часов 50 минут самолет Ту-154 потерпел катастрофу при заходе на посадку на военный аэродром Смоленска "Северный". Лайнер вез из Варшавы в Смоленск польскую делегацию, которая должна было посетить Катынское кладбище и почтить память погибших.

По последним данным трагедия унесла жизни 97 человек, в том числе президента Польши Леха Качиньского. "Все свидетельствует о том, что президент Польши Лех Качиньский и его супруга Мария Качиньска погибли", - заявил в субботу официальный представитель Польши Петр Пашковский в интервью телеканалу "Россия 24".

Как информирует РИА Новости, по одной из версий, которую рассматривают специалисты, самолет при посадке зацепился за дерево. Ту-154 четыре раза пытался зайти на посадку, чтобы сесть на взлетно-посадочную полосу аэропорта Смоленска. Четвертая попытка приземления завершилась трагедией. От сильного удара о землю у лайнера оторвало хвостовую часть, после чего начался пожар. "Так что шансов у людей, находившихся на борту, спастись практически не было", - сказал представитель правоохранительных органов.

Глава Минтранса РФ Игорь Левитин объяснил, что пилот самолета сам принял решение идти на посадку, несмотря на то, что видимость составляла только 400 метров, сообщает "Интерфакс". Хотя по нормативам необходимо 1000 метров. "Мы нашли два самописца на месте, но ничего не трогали до приезда наших коллег (из Польши)", - заявил Левитин. А глава Федерального агентства воздушного транспорта Александр Нерадько рассказал, что самолет шел ниже установленного минимума и первый раз ударился о восьмиметровое дерево, хотя должен был в тот момент находиться на высоте до 60 метров.

На месте крушения были найдены "черные" ящики, сообщил "Интерфаксу" источник в администрации Смоленской области.

Трагедия потрясла Польшу (рубрикация издания – прим. А.Ш.)

Узнав о катастрофе под Смоленском самолета Ту-154 с президентом Польши на борту, премьер-министр Польши Дональд Туск не смог сдержать слез. Об этом сообщил глава МИД Польши Радослав Сикорский.

"Моей страшной, грустной обязанностью было проинформировать о происшедшем премьера, маршала Сейма и Ярослава Качиньского. Премьер заплакал, когда узнал", - сказал Радослав Сикорский, передает ИТАР-ТАСС.

На борту разбившегося самолета президента Польши летели высокопоставленные польские чиновники и политики. Список пассажиров разбившегося самолета обнародовал Совет по охране памяти борьбы и мученичества.

На борту самолета находились президент Польши Лех Качиньский и его супруга Мария Качиньска, начальник президентской канцелярии Владислав Стасяк, начальник генерального штаба Войска Польского Франтишек Гонгор, епископ Тадеуш Плоский, директор Совета охраны памяти борьбы и мученичества Анджей Пшевозник, бывший министр обороны и кандидат в президенты Польши от партии Союз демократических левых сил Ежи Шмайдзиньский, а также другие высокопоставленные чиновники, политики и общественные деятели. Самолет пилотировал польский экипаж авиаотряда президента.

Белорусские диспетчеры предупреждали пилотов о тумане

Белорусские диспетчеры информировали пилотов польского самолета Ту-154 о неблагоприятных условиях посадки в Смоленске, однако экипаж принял решение следовать до места назначения, сообщил агентству "Интерфакс" представитель белорусских авиационных властей.

"Незадолго до выхода из зоны ответственности белорусских авиадиспетчеров к ним обратились российские коллеги с просьбой передать на борт информацию о плохих метеоусловиях посадки в Смоленске. Белорусские диспетчеры передали на борт Ту-154 данную информацию, но польские пилоты приняли решение следовать в Смоленск", - отметил собеседник агентства.

Он уточнил, что самолет Ту-154 вышел из зоны ответственности белорусских диспетчеров в 09:22 местного (в 10:22 мск), а катастрофа произошла спустя 36 минут после того, как борт покинул белорусскую зону ответственности.

Разбившийся авиалайнер принадлежал 36 специальному полку транспортной авиации Войска Польского, который обслуживал правительство Польши. Самолет недавно прошел плановый ремонт.

Тело Леха Качиньского опознал его брат-близнец

Брат-близнец погибшего президента Польши Ярослав Качиньский опознал тело Леха Качиньского и его супруги, погибших в авиакатастрофе в Смоленске. Об этом рассказал депутат польского сейма Макс Крачковский, который присутствовал при опознании, сообщает "Эхо Москвы".

Погруженный в траур Ярослав Качиньский отказался давать какие-либо публичные комментарии о смерти брата, сообщает "Ти-Ви-Эн-24". Сопровождавшие Ярослава Качиньского представители партии сообщили журналистам, что были шокированы тем, что увидели на месте катастрофы. Адам Бьелань заявил, что "уже не может больше плакать". "Я видел тело президента жакет его жены, висевшие на фюзеляже самолета. У меня нет слов", - цитирует его слова польский телеканал. Макс Крачковский, также присутствовавший на опознании погибшего президента, заявил, что Ярослав Качиньский вел себя на месте катастрофы как "хороший человек и добрый католик".

Экспертиза и опознание тел погибших в результате крушения самолета президента Польши под Смоленском начались в Москве утром в воскресенье. Об этом сообщает интернет-издание Gazeta.pl.

Все тела жертв катастрофы были доставлены в Москву в ночь на 11 апреля двумя вертолетами Ми-26Т МЧС России. Как уточнила глава Минздравсоцразвития РФ

Татьяна Голикова, единственным центром, где будут проводиться все работы, будет Центральное бюро судебной медицинской экспертизы города Москвы.

12 апреля – день траура в России

В России 12 апреля объявлен траур по жертвам крушения самолета Ту-154. Об этом объявил президент Дмитрий Медведев.

Россияне переживают и скорбят вместе с польским народом по жертвам авиакатастрофы, заявил премьер-министр РФ Владимир Путин. "Эта ужасная трагедия, погибли 97 человек. Это, прежде всего трагедия Польши, польского народа. Но это и наша трагедия. Мы скорбим вместе с вами, мы переживаем вместе с вами", - сказал минувшим вечером премьер-министр РФ Владимир Путин, отвечая на вопрос польского телевидения, что он хотел бы в эти минуты сказать польскому народу.

"Государственная комиссия сделает все, чтобы поддержать в эту минуту родственников погибших, которые начинают прибывать в Москву", - сказал он. "Мы молимся вместе с вами", - сказал премьер РФ.

По материалам РИА Новости, "Интерфакс", ИТАР-ТАСС.
[<http://www.izvestia.ru/incident/article3140694/>]

guardian.co.uk

Poland in shock as plane crash kills President Lech Kaczynski

Smolensk disaster claims life of head of state, wife and top officials as they travel to memorial for Katyn massacre

Luke Harding and Kate Connolly, Warsaw

guardian.co.uk, Saturday 10 April 2010 22.46 BST

Article history

Russian television images show the scene of the crash in which President Lech Kaczynski died. Photograph: NTV/EPA

The following correction was printed in the Observer's For the record column, Sunday 18 April 2010

Our coverage of the Polish air disaster said 15,000 Polish officers died in the 1940 massacres at Katyn and other locations. The more generally accepted figure is 22,000. Piotr Paszkowski is foreign ministry spokesman for Poland, not Russia, and the sacking of shipyard worker Anna Walentynowicz, which led to the formation of Solidarity, was in 1980, not 1990.

Poland was confronting the worst political disaster in its postwar history after President Lech Kaczynski, his wife, and dozens of top officials were killed when their plane crashed in thick fog on Saturday in western Russia.

At least 96 people died, including eight crew members, when the president's Tupolev plane clipped a copse of trees on its approach to Smolensk airport. It then broke up. There were no survivors. Russian TV showed pictures of the upended wing and smouldering fuselage. Small fires burned in woods shrouded in fog.

The crash wiped out almost half of Poland's leadership. Those killed included Kaczynski, his wife, Maria, the army chief of staff, the head of the national bank, Poland's deputy foreign minister, 12 members of parliament, and at least two presidential aides, the Polish foreign ministry said. Rescuers found several unidentified bodies and the plane's black box.

Across Poland bells were rung at a slow and mournful pace. People sought solace in churches and drifted through city squares, apparently in a daze, and laid candles at national monuments and government buildings. Mourners queued in their hundreds to sign books of condolences, young people in leather jackets and torn jeans, and elderly women in headscarves and clutching pictures of the Black Virgin of Czestochowa.

"I can't fathom this, it reminds me of when the pope died – five years ago this month," said Zofia, recalling the death of Pope John Paul II on 5 April 2005. Kaczynski had been flying to Smolensk to attend the 70th anniversary of the Katyn massacre, when Soviet secret police executed 15,000 Polish officers in one of the most notorious incidents of the second world war. In a tragic twist, family members of the Katyn victims were on board the president's plane. Others were waiting at the airport.

Although there was no suspicion of foul play, the extraordinary timing and location of the disaster, together with Kaczynski's known antipathy towards the Kremlin, are likely to fuel conspiracy theories on both sides. Newspapers bearing headlines such as "Katyn – a double tragedy" lay next to portraits of some of the crash victims.

"We still cannot fully understand the scope of this tragedy and what it means for us in the future. Nothing like this has ever happened in Poland," a foreign ministry spokesman, Piotr Paszkowski said. "We can assume with great certainty that all persons on board have been killed."

Russian officials said that the airport, 430km (270 miles) west of Moscow, had been closed because of thick fog. They advised the pilot to land instead in Moscow or Minsk. But he continued with the original flight plan – making three abortive attempts to land at Smolensk's Severny military airport. On the fourth attempt, the Russian-built airliner crashed. According to witnesses, Kaczynski's plane was between 500 and 700 metres from the runway, and about 20 metres off the ground when it ploughed into the trees.

"The Polish presidential plane did not make it to the runway while landing. Tentative findings indicate that it hit the treetops and fell apart," Smolensk's governor, Sergei Anufriev, said.

In Warsaw, Poland's prime minister, Donald Tusk, held an extraordinary meeting of his cabinet, as disbelieving Poles struggled to comprehend the news that the country's 60-year-old president – and numerous civilian and military leaders – had perished. Looking shattered, Tusk emerged to declare a day of national mourning. He said a two-minute silence for victims of the tragedy would be held at midday today. "The contemporary world has not seen such a tragedy," he said.

World leaders yesterday paid tribute to Kaczynski, who was elected in 2005 after defeating Tusk in a presidential vote. He and his twin brother, Jaroslaw, a former prime minister now in opposition, emerged from Poland's anti-communist Solidarity movement. They have dominated Polish politics for the past decade, espousing a national conservative – and often anti-Russian – ideology. Kaczynski leaves a daughter, Marta, and two granddaughters.

Gordon Brown said: "The whole world will be saddened and in sorrow as a result of this tragic death in a plane crash of President Kaczynski and his wife Maria and the party that

were with him. I think we know the difficulties that Poland has gone through and the sacrifices that he himself made as part of the Solidarity movement, and we know the contribution he made to the independence and the freedom of Poland."

The German chancellor, Angela Merkel, said she was "deeply dismayed by the plane crash and the death of the Polish president", while France's president, Nicolas Sarkozy, hailed him as a "tireless defender" of liberty and "the fight against totalitarianism". Russia's president, Dmitry Medvedev, also sent his condolences.

The subject of Katyn has for decades been a source of unresolved friction between Moscow and Warsaw – with successive Soviet governments falsely blaming the Nazis for the massacre. Recently, however, tensions had been easing, with Tusk and Vladimir Putin, Russia's prime minister, attending a joint ceremony at Katyn last Wednesday. Putin and Tusk were due to travel to Smolensk to inspect the crash site.

Kaczynski had said he would seek a second term in presidential elections this autumn. He was expected to face an uphill struggle against the speaker, Bronislaw Komorowski, the candidate of Tusk's governing Civic Platform party. Komorowski yesterday took over Kaczynski's job as head of state, a largely symbolic role. The election will be brought forward, with Poles set to go to the polls to choose a new president by the end of June.

Polish officials have long discussed replacing the planes that carry the country's leaders but said they lacked the funds. The presidential Tu-154 that crashed was 26 years old. It was overhauled in December in Russia, with Russian experts yesterday insisting that it was airworthy and blaming pilot error and bad weather.

Among the victims was Anna Walentynowicz, whose dismissal in August 1980 from the Lenin shipyards in the Polish port of Gdansk ignited the strike that led to the creation of the Solidarity movement and, ultimately, the collapse of communist rule. She became a prominent Solidarity member.

[<http://www.guardian.co.uk/world/2010/apr/10/poland-lech-kaczynski-russia-crash>].

Внешнее оформление статей очень сходно: они примерно одинакового объема («Известия» – 736 слов, «Guardian» – 711 слов), текст каждой сопровождается одной фотографией, на которой изображен искореженный фюзеляж упавшего самолета. На этом, пожалуй, сходство статей заканчивается.

Первое, что бросается в глаза, - некоторая обезличенность статьи в газете «Известия». В «Guardian» мы сразу видим имена авторов, в российской газете – только подпись «web-редакция» в начале статьи, которая скорее указывает на то, что данный материал отличается от напечатанного в бумажной газете, и примечание в конце «По материалам РИА Новости, "Интерфакс", ИТАР-ТАСС», которое даёт представление об источниках информации. Тот же, кто собрал эту информацию воедино, остается неизвестным.

Статью «Известий» мы нашли в архиве за 11 апреля 2010 года, это был первый материал о крушении, то есть информация на сайте газеты появилась спустя сутки после происшествия. Материал «Guadian» был опубликован уже к вечеру 10 апреля. Мы считаем, что такое запоздание отечественного издания может быть связано как с недостаточной оперативностью работы редакции русского интернет-издания, так и с политикой издательского дома, не желающего публиковать свежие материалы до поступления нового номера газеты в продажу.

Ранняя публикация материала в английской газете привела некоторым неточностям. Во-первых, это касается количества жертв: видимо, на момент написания статьи еще не все тела были найдены, поэтому автор указывает, что погибшими считаются как минимум 96 человек (число жертв – 97 человек). Во-вторых, приводя цитату смоленского губернатора, автор материала делает ошибку в фамилии: Sergei Anufriev – Сергей Антуфьев. Видимо, дала себя знать спешка в подготовке материала: либо возникли сложности с транслитерацией, либо должность губернатора присвоили другому чиновнику, дававшему комментарии о причине крушения.

Следующее различие касается лидов статей. В «Guardian» лид краткий и говорит о том, что в катастрофе погиб глава государства, его супруга и высокопоставленные польские чиновники. Такой лид привлекает внимание, приглашая к дальнейшему чтению статьи. В «Известиях» в качестве лида выносятся второй абзац статьи, который дает информацию о количестве жертв и подтверждает гибель президентской четы. Поскольку материал в «Известиях» вышел спустя сутки после трагедии, он, как нам кажется, рассчитан на подготовленного читателя, который уже в курсе случившегося. Об этом говорит и вступление «По последним данным...», и сам жанр статьи – хроника событий – это значит, что читающий уже знает, что самолет упал, и хочет найти в статье подробную картину происшествия.

На это же указывает и рубрикация материала в «Известиях»: читатель может быстро перейти к интересующему его разделу. В «Guardian» рубрикация отсутствует, материал целостный, его необходимо прочитать целиком.

Обратимся к содержанию статей. Как заявлено в заголовке отечественного издания, читателю представлена хроника событий: в статье практически по минутам расписана последовательность действий экипажа, приведших к трагедии и события, последовавшие за ней. «Guardian», ссылаясь на источники в России, кратко рассказывает об официальной причине крушения: плохой видимости и недостаточной высоте полета при заходе на посадку.

Английская газета уделяет больше внимания комментариям европейских политиков и описанию траурных митингов в Варшаве, а также истории Катынского вопроса. Последнее вполне объяснимо. Поскольку трагедии предшествовали долгие переговоры между Москвой и Варшавой, которые в России активно освещала не только пресса, но и телевидение, «Известия» сочли достаточным простого упоминания пункта назначения полета.

Для английского читателя Катынь – не более чем географическое название, поэтому цель приезда крупной правительственной делегации нуждается в дополнительных пояснениях. С заявленным жанром хроники связано и отсутствие российской статье каких-либо оценок, предсказаний

дальнейшего развития событий внутри Польши и наших дипломатических отношений. Все высказывания чиновников и польских, и российских остались без комментариев автора. На суд читателя представлены только факты, выводы должен сделать он сам.

Английские журналисты своему читателю такой свободы не дают. Помимо того, что в статье присутствуют прогнозы относительно того, что ожидает Польшу после гибели президента, автор берет на себя ответственность предположить, кому могли быть выгодны смерти стольких чиновников и кто может за ними стоять. Подозреваемых немного – все размышления автора так или иначе приходят к России. Автор сознательно использует конструкцию «were killed» или «have been killed» - «были убиты» для описания гибели пассажиров самолета. Также журналист упоминает о разногласиях Качиньского и Кремля и даже проводит параллель между убийством тысяч польских офицеров в 40-м году и гибелью их родных на том же месте десятилетия спустя. В конце статьи автор вновь возвращается к теме виноватых и приводит информацию, что президентский самолет в декабре проходил капитальный ремонт именно в России и именно российские эксперты настаивают на том, что причина крушения – это ошибка пилота и плохая погода.

Таким образом, рассмотрев данные материалы, мы можем сделать вывод, что отечественное издание стремится к более объективному, безоценочному изложению информации. В статье газеты «Известия» не даются какие-то прогнозы, автор не высказывает своего мнения, он не обнаруживает себя не только в тексте, но даже в подписи – информация дается предельно беспристрастно. Журналист оставляет за читателем право самому оценить масштаб происшествия. Статья «Guardian», напротив, предельно персонализирована: мнение авторов и их оценка просвечивают в каждом абзаце. Читателю остается только принять точку зрения пишущего.

Таковы основные результаты сопоставительного анализа публицистических текстов двух лингвокультур, посвященных одному событию.

Деловой дискурс

А.О. Стеблецова

Национальная специфика дискурса оперативного взаимодействия

Лингвистические исследования коммуникации внутри организации или общения в рабочей обстановке в англоязычном научном сообществе часто обозначаются термином *workplace interaction* или *workplace discourse*. В трудах А. Koester, J. Holmes, S. Billett, рассматривались повседневные ситуации общения на работе с позиций описания их жанров,

коммуникативного поведения участников, репертуара используемых ими дискурсивных стратегий. В фокусе их исследований был преимущественно устный модус дискурса.

1. Само понятие *рабочего места* (workplace) в лингвистической литературе возникло как разновидность одного из экстралингвистических факторов коммуникации – *обстановка или место действия*. Будучи параметром контекста коммуникативного события, *обстановка* (setting) активно использовалась в этнографии коммуникации (D. Hymes, M. Saville-Troike и др), конверсационном и дискурс-анализе. В зарубежной социолингвистике возникло целое направление исследований, анализирующих профессиональную и деловую коммуникацию (Vijay K. Bhatia, Celia Roberts, Srikant Sarangi, Catherine Nickerson). Некоторые авторы подразумевают под понятием дискурс *рабочего места* «любую коммуникативную деятельность, которая генерируется на работе» (Gu 2002, с. 138). Дискурс *рабочего места* противопоставляется семейному или домашнему дискурсу, т.е. «дискурсу, генерируемому членами семьи в домашней обстановке» (Gu 2002, с. 138). В этом смысле дискурс рабочего места следует рассматривать как разновидность делового дискурса (далее ДД).

2. Занимаясь исследованием национально-культурной специфики англоязычной и русскоязычной деловой коммуникации, мы обращались в различным типам делового дискурса как вида институционального: дискурсу трудоустройства, коммерческому дискурсу (Стеблецова 2009).

3. В качестве материала анализа мы избрали письменный модус дискурса как менее изученный по сравнению с устным модусом. Вместе с тем, исследования письменного дискурса способны предоставить ценный лингвистический и лингвокультурологический материал: «обращение к письменным источникам дает исследователю коммуникации важные сведения о коммуникативной практике в языковом сообществе» (*перевод наш*) (Saville-Troike 2003, с.128).

В контексте данного исследования нашей целью было выявить такой тип институционального дискурса, который бы, с одной стороны, в полной мере отвечал критериям делового дискурса, а с другой, не ограничивался бы рамками одной профессиональной сферы. Workplace discourse или *дискурсивное взаимодействие на работе* включает в себе все признаки институционального дискурса как статусно-ориентированного общения в рамках социального института (Карасик 2000), а также удовлетворяет таким критериям делового дискурса как целенаправленность, продуктивное сотрудничество, результативность.

С другой стороны, такой определение данного типа дискурса требует уточнения. Так, признак *рабочего места*, положенный в основу идентификации типа дискурса, оказывается настолько широким, что включает в себя практически любую профессиональную или

институциональную обстановку (например, классная комната, операционная, зал судебных заседаний), а также типичные дискурсивно-профессиональные фреймы, которые будут далеки от деловых (урок, операция, судебный процесс). Следовательно, для более четкой идентификации дискурса необходим и другой конституирующий признак – признак цели дискурсивного взаимодействия.

Действительно, вне зависимости от профессиональной или социальной сферы, любая институциональная система нуждается во внутреннем регулировании, координации, управлении. Обсуждение текущих вопросов, постановка и решение проблем, информирование и побуждение к действию, каждодневная рутинная коммуникация в институциональной иерархии – вот универсальные компоненты дискурса на работе или дискурса *оперативного взаимодействия*. И хотя профессиональная сфера, безусловно, накладывает свой отпечаток на тематику оперативных вопросов и задач, а также жанр дискурсивных событий, в ходе которых они решаются, выделение дискурса *оперативного взаимодействия* как универсального типа делового дискурса возможно и плодотворно.

Таким образом, дифференциальными признаками дискурса *оперативного взаимодействия* (далее дискурса ОВ) могут быть следующие:

- дискурс ОВ имеет общую цель - организация и координация действий сотрудников для решения проблем;
- дискурс ОВ объединяет участников – коммуникантов в дискурсивное сообщество, внутри которого у них есть определенные дискурсивные роли, модели и нормы поведения, отношения и положения, обусловленные социальными статусами;
- дискурс ОВ функционирует в двух модусах (устный и письменный);
- дискурсивные события устного модуса (например, заседание, совещание, планерка) обязательно фиксируются в виде текстов протоколов, решений;
- дискурсивные события письменного модуса (отчет, обмен электронными сообщениями, служебными записками) функционируют в основном в виде текстов.

Таким образом, коммуникация на рабочем месте с целью решения оперативных вопросов (постановка задачи, ее обсуждение, решение) определяет содержание *дискурса оперативного взаимодействия*.

Единицей описания дискурса является дискурсивное событие (далее ДС), включающее в себя создаваемые в его рамках тексты. В нашем исследовании под дискурсивным событием подразумевается некий фрагмент коммуникации, который объединен общей целью, участниками, темой и который можно легко отделить от другого дискурсивного события при смене одного из вышеперечисленных компонентов. Данное толкование основывается на понятии коммуникативного события (Nunes 1972) и находится в русле современных трактовок (ср. определение

дискурсивного события Гришаевой Л.И., Цуриковой Л.В.) (Гришаева, Цурикова 2004).

Определение дискурсивных событий в рассматриваемом дискурсе ОВ напрямую зависит от их типа, которых можно выделить два:

- плановые (нормативные, ритуализованные), то есть подготовленные ДС – заседания, совещания, советы, планерки,
- спонтанные (текущие, не подготовленные или не требующие специальной подготовки) ДС – передача и получение информации, возникновение проблемы, ее обсуждение и решение.

Именно последние, то есть спонтанные ДС и манифестируют дискурс ОВ как коммуникацию на рабочем месте с целью решения оперативных вопросов. И именно они в силу своей спонтанности и многообразия представляют определенную сложность в плане выделения и наименования отдельных дискурсивных событий: содержание ДС зависит от темы вопроса, диапазон которых может варьироваться от сроков сессии и рождественского балла до представления нового сотрудника или закупки оборудования.

Поэтому нам представляется целесообразным классифицировать конкретные события дискурса ОВ в обобщенные или прототипические группы событий. В основу выделения этих групп можно положить признак коммуникативно-прагматической функции. Тогда можно выделить две наиболее часто встречающиеся группы событий дискурса ОВ:

1. ДС информативного характера, то есть такие дискурсивные события, которые призваны сообщать о положении дел в действительности. Данная группа дискурсивных событий манифестируется посредством следующих текстов:

Англоязычный дискурс	Русскоязычный дискурс
ОВ	ОВ
E-mail	Информационное письмо
Memo	Объявление
Report	Справка
	Отчет
	Заключение

2. ДС побудительного характера, то есть такие, которые призваны изменять положение дел в действительности. Данная группа дискурсивных событий манифестируется посредством следующих текстов:

Англоязычный дискурс	Русскоязычный дискурс
ОВ	ОВ
E-mail	Приказ
Memo	Докладная записка
Proposal	Служебная записка
	Объяснительная записка

Заявление Ходатайство

В настоящей статье предлагаются предварительные результаты дискурсивно-лингвистического исследования ДС информативного характера (первой группы) в англоязычном и русскоязычном дискурсах ОВ на примере ДС *объявление о недавних или предстоящих изменениях в служебной деятельности, касающихся сотрудников учреждения*. Материалом исследования послужили образцы информационных электронных писем и объявлений, использовавшиеся в 2009-2010 гг. в американском университете, британском университете и двух российских вузах г. Воронежа.

Основные компоненты ДС *объявление об изменениях*:

Компоненты ДС объявления	Англоязычный Дискурс	Русскоязычный Дискурс
<i>Тип \ жанр текста</i>	Мемо	Информационное письмо, объявление
<i>Тема текста</i>	Модернизация системы локальной электронной связи	Внедрение новой системы подачи хозяйственных заявок
<i>Форма текста</i>	Электронное письмо	Письмо на бумажном носителе Сообщение на официальном сайте
<i>Канал передачи</i>	Интернет (локальная сеть)	доска объявлений интернет (официальный сайт)
<i>Тональность \ регистр коммуникации</i>	Деловая, нейтральная	Официально-деловая, нейтральная
<i>Направление интеракции</i>	горизонтальное: от технической службы – в подразделения	«сверху вниз»: от руководителя (проректора) – в подразделения
<i>Адресант</i>	информационно- техническая служба	проректор по АХЧ
<i>Адресат</i>	руководители подразделений сотрудники	и руководители подразделений

Анализ дискурсивного события требует определенной методологической процедуры, в основе которой лежит предлагаемая нами

модель дескриптивного анализа дискурсивного события, предусматривающая анализ ДС в трех контекстах: ситуативно-

прагматическом, текстовом и лингвостилистическом. Сопоставление результатов, полученных в ходе такого дескриптивного анализа, позволит сделать некоторые выводы относительно специфики англоязычного и русскоязычного дискурсов ОВ.

В **ситуационно-прагматическом контексте** ДС *объявление* обнаруживает определенные сходства обоих дискурсов в следующих параметрах:

- *обстановкой* ДС объявления является недавние или предстоящие изменения, которые касаются оперативной деятельности сотрудников и о которых они должны знать;
- *общей коммуникативной целью* ДС объявления является изменения представлений адресата о ситуации;
- *адресантом* ДС объявления является тот участник дискурса, по инициативе или от имени которого произошло или произойдет изменение положения дел действительности.

Ситуационно-прагматические различия обнаружены в следующих параметрах:

- *канал передачи сообщения*

В англоязычном дискурсе – доминирование электронного канала коммуникации (электронная почта). В русскоязычном дискурсе – сочетание традиционного (обычная почта) и электронного (объявление на сайте)

- *тип \ жанр текста и персонализации адресата*

В англоязычном дискурсе используется memo или email с индивидуальной или коллективной адресацией. В русскоязычном дискурсе – информационное письмо или объявление, в котором адресат обозначается посредством коллективного обращения. Например:

Англоязычный дискурс ОВ	Русскоязычный дискурс ОВ
To: Hillard, Vera, Klayborn, Elisabeth, Stricklaw, Lamie	Уважаемые коллеги! Руководителям структурных подразделений
To: UWC Liberal Studies Faculty and Staff	Внимание! В соответствии с приказом Росособнадзора...в Академии начал работу диссертационный совет Д 123.456.78 по специальностям...

- *тональность*

При сходной для обоих дискурсов нейтральности и деловитости тональность англоязычного дискурса – более личностная,

предусматривающая обратную связь, тональность русскоязычного дискурса – более сдержанная, формализована. Например:

Англоязычный дискурс ОВ	Русскоязычный дискурс ОВ
The upgrade will take several months and is expected to be completed during the spring semester...	Вниманию руководителей структурных подразделений!
If you are running Office 2003 on your computer, you will need to upgrade to Office 2007...	С 2011 года вступает в действие новая система по формированию и защите заявок на приобретение материальных ценностей для нужд отдельных структурных подразделений академии.
If you have questions about this, please contact the ITS Help Center at 902.876.3100.	Заявка на приобретение материальных ценностей подается в виде служебной записки до 1 мая и 1 ноября в управление по административно-хозяйственной работе. Заявка должна содержать подробное обоснование целесообразности приобретения и перспектив дальнейшего использования требуемого оборудования...
	Проректор по АХУ П.А. Ветров

В **текстовом контексте** ДС информативного характера исследуется с позиций его жанровой реализации, тематически-композиционного структурирования. Так, рассматриваемый жанр ДС объявления существует в обоих дискурсах. Этот жанр реализуется в следующих *типах текста*: электронное письмо или меморандум в англоязычном дискурсе, информационное письмо или электронное объявление на сайте в русском дискурсе.

Тематическая структура текста зависит от сложности и объемности темы. В рассматриваемом ДС *объявление об изменениях* облигаторными информационными компонентам является *наименование изменения*, что и является темой информационного сообщения и *сроки действия* изменения, а дополнительными информационными компонентами являются *порядок внедрения изменения, необходимость изменения и др.* Например:

Информационные компоненты	Англоязычный дискурс ОВ	Русскоязычный дискурс ОВ
Облигаторные:		Система по
• Наименование изменений (тема)	Exchange 2010 Email Upgrade	формированию и защите заявок на приобретение материальных ценностей
• Сроки	The upgrade will be completed during the spring semester...	С 2011 года вступает в действие...
Дополнительные:		
• порядок изменения	In a few weeks ITS will begin communicating with departments and colleges to	Заявка на приобретение материальных ценностей подается в виде служебной

prepare each area for the migration of individual email boxes from the old Exchange system to the new one.

записки до 1 мая и 1 ноября в управление по административно-хозяйственной работе.

• необходимость изменения (его преимущества)

After the upgrade we will be running the latest version of Exchange on new hardware that will provide improved performance and more reliability...

В связи с необходимостью упорядочения работы по закупке и использования оборудования для нужд клинических кафедр и лабораторий....

• особые замечания

** special note for Mac clients

• возможность обратной связи с адресантом \ автором текста

If you have questions about this, please contact the ITS Help centre

Различия *композиционной структуры* во многом объясняются спецификой визуально-графического оформления электронного и традиционного письма:

Англоязычный дискурс ОВ

From: Information & Technology Services
Sent: Tue 11/23/2010 8:54 AM
Subject: Exchange 2010 Email Upgrade
To: UWC Liberal Studies Faculty and Staff

Dear Colleagues:

Текст сообщения

Русскоязычный дискурс ОВ

Уважаемые сотрудники кафедры!
С 2011 года подписка на периодические издания производится строго по служебным запискам по форме:...
(шаблон прилагается)

Служебную записку необходимо зарегистрировать в отделе комплектования до 15 февраля 2011г.

Композиционное структурирование самого текста сообщения представляет собой распределения информационный компонентов по абзацам, количество которых зависит от полноты представления информации, его детализации.

Анализ используемых синтаксических средств обнаруживает в текстах информационных писем и объявлений в обоих дискурсах наличие полных (простых и сложных) распространенных предложений, герундиальных и причастных оборотов.

Основным различием между информационными текстами англоязычного и русскоязычного дискурсами ОВ нам представляется использование дискурсивной стратегии личностного обращения к каждому в англоязычном дискурсе и отсутствие таковой в русскоязычном дискурсе.

Дискурсивная стратегия личностного обращения реализуется такими лингвостилистическими приемами как

- активное использование личного местоимения you, I;
- преобладание синтаксических конструкций действительного залога;
- обязательное указание на способ обратной связи: If you have any questions, please contact Administrative Support Associate Caroline Moore;
- использование синтаксических конструкций повелительного наклонения, а также лексики и лексических сочетаний неформального регистра, создающих эффект устного общения:

I wanted to make sure that you are aware of the changes planned for the University's e-mail system

...please see the note about Macs; ... please let me know; ... I'll do my best to find out the answers

В текстах информационных писем и объявлений русскоязычного дискурса ОВ основной дискурсивной стратегией является, на наш взгляд, стратегия создания образа авторитетности источника и значительности сообщаемой информации, что достигается такими лингвостилистическими приемами как

- использование коллективного обращения *Уважаемые сотрудники* или лексемы *Внимание* вместо обращения;

- ссылки на соответствующие нормативные акты, указы, постановления

В соответствии с приказом Рособнадзора 1030-383 от 14.05.2010...

В соответствии с приказом ректора от ...

В соответствии с решением Ученого совета;

- использование неопределенно-личных синтаксических конструкций: Информацию о работе диссертационных советов можно получить...
Служебную записку необходимо зарегистрировать в отделе...;
- использование лексики и лексических оборотов официально-делового стиля: в связи с производственной необходимостью, внедрение,, совершенствование учебного процесса.

Таким образом, представленная выше процедура дескриптивного анализа дискурса ОВ дает возможность получить определенные социокультурные и лингвостилистические данные, которые, в свою очередь, позволяют сделать некоторые предварительные выводы относительно специфике дискурса ОВ в англоязычной и русскоязычной деловых культурах.

Англоязычный дискурс ОВ демонстрирует доминирование письменного модуса дискурса: информирование сотрудников, обсуждение и решение проблем происходит в виде письменной интеракции - обмена электронными сообщениями. Электронный канал связи является основным. Дискурс диалогичен: его инициативный ход (текст) предполагает аналогичный по форме реактивный ход (текст). Направление интеракции в дискурсе может быть как по вертикали, так и по горизонтали, причем выбор типа текста не зависит от направления интеракции и статуса

участников дискурса. Основными типами текстов (документами внутренней коммуникации) являются электронные сообщения (emails, memos). Универсальность этих типов текста предполагает возможность их использования в широком диапазоне коммуникативно-прагматических функций и тем. Наиболее заметной лингвостилистической тенденцией англоязычного дискурса ОВ является создание неформальной тональности, дружелюбного тона, а также отход от официально-делового стиля.

Русскоязычный дискурс ОВ демонстрирует сочетание устного и письменного модусов дискурса, в котором устный модус доминирует в аспекте решения оперативных вопросов, а письменный – в аспекте фиксации или документирования решений. Дискурс характеризуется сочетанием электронного и традиционного каналов связи. Дискурс монологичен: его инициативный ход (текст) не обязательно предполагает аналогичный по форме реактивный ход (текст). Обратная связь может осуществляться посредством невербального действия. Направление интеракции в дискурсе может быть как по вертикали, так и по горизонтали. При этом выбор типа текста зависит от направления интеракции и статуса участников дискурса. Специфичность типа текста определяет избирательность их использование в сочетании с определенными целевыми установками и коммуникативно-прагматическими функциями.

Gu Y. Towards an Understanding of a Workplace Discourse: A Pilot Study for Compiling a Spoken Chinese Corpus of Situated Discourse // *Research and Practice in Professional Discourse*. Ed. By C.N. Candlin. – Hong Kong: City University of Hong Kong, 2002. – P.137-187.

Hymes D. Models of Interaction of language and social life // *Directions in Sociolinguistics: Ethnography of Communication*. New York: Holt, Rinehart & Winston, 1972. – P. 35-71.

Saville-Troike M. *The Ethnography of Communication: An Introduction*. Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 2003. – 320p.

Гришаева Л. И., Цурикова Л. В. Введение в теорию межкультурной коммуникации: Учебное пособие. – Воронеж, 2004. – 424с.

Карасик В.И. Этнокультурные типы институционального дискурса // *Этнокультурная специфика речевой деятельности: Сб. обзоров*. М.: ИНИОН РАН, 2000. – С.37-64.

Пермякова Т. М. Моделирование дискурса межкультурной коммуникации // *Вестник Челябинского университета № 3. Филология. Искусствоведение* (Вып. 18) 2008. – С.71-84 Электронный ресурс: http://www.lib.csu.ru/elbibl/vestn_arh.

Стеблецова А.О. Национальная специфика делового общения в англоязычной и русскоязычной коммуникативных культурах. Воронеж: ИПЦ Воронежского государственного университета, 2009. – 206 с.

Ширяева Т.А. Когнитивное моделирование институционального делового дискурса: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Ставрополь, 2008. – 42 с.

Индивидуальный дискурс

А.С.Куркина

Вербальная реакция в коммуникативном поведении А.П. Чехова

Исследование коммуникативной личности А.П. Чехова по материалам его переписки и воспоминаний о писателе вскрывает многие интересные особенности его коммуникативной личности.

Одной из наиболее интересных сторон коммуникативного поведения писателя является его коммуникативная реакция. Нами установлено, что коммуникативная реакция А.П. Чехова многообразна в различных коммуникативных ситуациях.

Чаще всего писатель вербально реагирует на критику своих произведений. Он достаточно нетерпимо относился к критике в свой адрес и активно защищался от нее. При этом в основном такая реакция проявляется в письмах писателя друзьям и родственникам, которые обычно не критиковали его произведения.

Заочная ответная реакция писателя на критику обычно характеризуется категоричностью и повышенной эмоциональностью, которая имеет тенденцию нарастать к концу высказывания. Речь А.П. Чехова при этом часто имеет обличительно-исповедальный характер, изобилует повторами, авторскими ассоциативными сравнениями и экспрессивно-оценочной лексикой.

Выявлена потребность писателя в незамедлительной и многократной заочной демонстрации перед собеседником своей негативной реакции в адрес тех лиц, кто критикует его как писателя или драматурга. Антон Павлович мог написать несколько писем в день разным адресатам, сообщая им в саркастической, ироничной или чрезмерно эмоциональной тональности о том, какое впечатление его произведение произвело на публику, и какую оценку ему дала критика. А.П. Чехову присуще в саркастической манере цитировать высказывания критиков, особенно те их выражения, которые дискредитируют его произведение.

А.П. Чехову также свойственно в письмах своим адресатам прибегать к гиперболизациям при описании негативной реакции публики на его пьесу:

«Ты не можешь себе представить, что было! Из такого малозначащего дерьма, как моя пьесёнка ..., получилось чёрт знает что. Я уже писал, что на первом представлении было такое возбуждение в публике и за сценой, какого отродясь не видел суфлер, служивший в театре 32 года. Шумели, галдели, хлопали, шикали; в буфете едва не подрались, а на галерке студенты хотели вышвырнуть кого-то, и полиция вывела двоих. Возбуждение было общее. Сестра едва не упала в обморок. Дюковский, с к<ото>рым сделалось сердцебиение, бежал, а Киселев ни с того ни с

сего схватил себя за голову и очень искренно возопил: «Что же я теперь буду делать?» Актеры были нервно напряжены» (Ал.П. Чехову) – [Письма, т.2: с.154].

В коммуникативном поведении писателя наблюдается тенденция демонстрировать адресату не только свое неприязненное отношение к критикам, но и к городу, в котором они живут, вне всякой связи с контекстом беседы или письма:

«Воспоминание о предстоящем возвращении в Москву, кишащую Гавриловыми и Кичеевыми, портит мне кровь» (Чеховым) – [Письма, т.2: с.160];

«В Харькове я не был ни разу в жизни. Не люблю я сего города. Харьковские газеты меня ругают нещадно. Какое кощунство!» (Е.К. Сахаровой) – [Письма, т.3: с.137].

Как правило, повышенная эмоциональность А.П. Чехова мешает ему дать объективную оценку отзывам критиков и аргументировать свое несогласие с их точками зрения. В своих заочных ответах критикам писатель не всегда логичен, практически не приводит аргументов.

В тех редких случаях, когда А.П. Чехов пытается при заочной ответной реакции на необъективную критику его произведений быть менее эмоциональным, в его речи появляются аргументы. Однако почти все аргументы подаются писателем в виде генерализованных высказываний, а выводы зачастую приводятся без доказательств. Нередко А.П. Чехов формулирует аргументы в виде правил, а не в виде логической цепочки умозаключений.

В отличие от заочной реакции очная реакция А.П. Чехова на критику его произведений почти всегда сдержанная. Реагируя на критику, писатель использует приемы как активной самозащиты (мягкое, но настойчивое отстаивание своей позиции), так и пассивной самозащиты (уклонение от спора с собеседником).

Активная самозащита наблюдается обычно в письмах А.П. Чехова к адресатам, мнение которых авторитетно для писателя. В этом случае А.П. Чехов пытается быть рациональным и объективным, поэтому главный акцент он делает на аргументированность собственных высказываний, выстраивание логической цепочки суждений и выводов. Как правило, писатель старается отвечать на каждое замечание оппонента по пунктам.

Обычно А.П. Чехов легко признает правомерность критики деталей в его произведении. Если же критика собеседника касается принципиальных вопросов, то писатель может выражать категорическое несогласие с ним, обязательно смягчая в непосредственном общении категоричность своих высказываний самокритикой или самоиронией. В данном случае в коммуникативном поведении А.П. Чехова речевые акты частичного согласия доминируют над речевыми актами полного согласия или категорического несогласия с собеседником, что свидетельствует о стремлении писателя, с одной стороны, к отстаиванию своей позиции, а, с другой стороны, к выравниванию коммуникативного напряжения.

Если же А.П. Чехов понимает, что повлиять на мнение собеседника невозможно, он сознательно избегает рационального подхода к разбору критических высказываний в адрес его произведений. Его реакция на критические замечания адресата в таких случаях может быть двух типов:

1) шутливая угроза или шутливый укор в адрес собеседника:

«Вы смеетесь над моею основательностью, сухостью и над потомками, которые оценят мой труд, я же добром плачу за зло: с восхищением читаю Ваше последнее письмо о расколе и воздаю Вам великую хвалу. <...> Мой «Сахалин» – труд академический, и я получу за него премию митрополита Макария. <...> Во всяком случае, Вы напрасно смеетесь. Хорошо смеется тот, кто последний смеется. Не забывайте, что скоро я буду видеть Ваш новый водевиль» (А.С. Суворину) – [Письма, т.5: с.258];

2) демонстрация раздражения с навешиванием на себя нелепого ярлыка по следующей смысловой схеме: «если это так, как вы говорите, то я (кто?)»:

«Неужели и в последнем рассказе не видно «направления»? Вы как-то говорили мне, что в моих рассказах отсутствует протестующий элемент, что в них нет симпатий и антипатий... Но разве в рассказе от начала до конца я не протестую против лжи? Разве это не направление? Нет? Ну, так значит, я не умею кусаться или я блоха...» (А.Н. Плещееву) – [Письма, т.3: с.25].

Очных реакций раздражения в ответ на критику адресата мы наблюдаем в коммуникативном поведении А.П. Чехова меньше всего.

Стратегию уклонения от спора Антон Павлович обычно применяет в случае, когда критикующий его адресат ему мало знаком, и его точка зрения не представляет для писателя ценности. Реакция А.П. Чехова на критику такого собеседника выражается, как правило, в поспешном и добродушном соглашательстве писателя буквально со всеми (даже абсурдными) замечаниями его адресата и стремлении перевести разговор на другую тему.

Известны случаи, когда А.П. Чехов использовал стратегию уклонения от спора и в беседе с хорошо знакомыми ему адресатами. Чаще всего данная стратегия применялась, когда собеседник указывал на очевидные недостатки в произведении писателя. Обычно А.П. Чехов равнодушно признавал его правоту, неохотно оправдываясь при этом и ссылаясь на обстоятельства, которые повлияли на качество его работы, и также спешил сменить тему разговора.

Однако, несмотря на то, что А.П. Чехов признавал правоту адресата, он, тем не менее, мог в прямой или в косвенной форме отказаться исправить в своем произведении недочеты, на которые указал ему собеседник:

«Но, разумеется, и на солнце есть пятна, и одно такое незначительное стилистическое пятнышко я как-то указал Чехову, когда мы разговаривали о «Степи». Именно почему-то вспомнилась в самом начале (где говорится о смерти бабушки) фраза, на которой я запнулся, читая впервые рассказ: «Она была жива, пока не умерла...» Что-то в этом роде.

– *Быть не может!* – воскликнул Чехов и сейчас же достал с полки книгу и нашел место: «до своей смерти она была жива и носила с базара мягкие бублики». – Чехов рассмеялся. – Действительно, как это я так не доглядел. А впрочем, нынешняя публика не такие еще фрукты кушает. Нехай!

И равнодушно захлопнул книгу (Это место в «Степи» осталось без переделки. – А.К.)» (И.Л. Леонтьев-Щеглов) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников, 1986: с.77].

Большое количество примеров иллюстрирует чеховскую реакцию на дискредитацию адресатом отсутствующего при разговоре третьего лица. Эта реакция всегда негативная. В дружеской беседе писатель реагирует обычно эксплицитно и стремится защитить критикуемого аргументами, смягчающими его «недостатки» – в основном такими, как возраст и позитивные личностные качества отсутствующего третьего лица:

«Ну, зачем вы? Он же старик, ему же семьдесят лет...» или «Он же ведь еще молодой, это же по глупости...» (М.Горький) – [А.П. Чехов в воспоминаниях современников, 1986: с.447];

«Это не всё... Это не так. Вот, вы знаете, в восьмидесятих годах был процесс, и если бы не этот господин, то несколько хороших и ни в чем не повинных людей, может быть, пошли бы на каторгу... Он добрый, а это много, очень много!» (Б.А. Лазаревский) – [Там же: с.581];

Если при А.П. Чехове мало знакомый ему собеседник заочно осуждал или критиковал не присутствующее при разговоре третье лицо, то негативная реакция писателя обычно была имплицитной и выражалась невербально: отстраненный вид, опущенные глаза, частые короткие и выразительные взгляды на человека, приведшего критикующего.

Сходную негативную реакцию А.П. Чехов выражал и на бестактность, бесцеремонность непрошенных гостей, но писатель обычно не демонстрировал ее в присутствии посетителя. А.П. Чехов подвергал свои эмоции жесткому контролю, старался быть со всеми ровен, терпелив и внимателен. Но его невербальные сообщения противоречили вербальным. Внутреннее состояние писателя выдавали выступавшие красные пятна на его щеках. Такая деликатность, по словам А.И. Куприна, была похожа на безволие. Однако после ухода посетителя А.П. Чехов выражал свою негативную реакцию эксплицитно и эмоционально. Раздражение он обычно демонстрировал друзьям и родственникам, упрекая их за пережитый коммуникативный дискомфорт.

Самыми сильными негативно-эмоциональными реакциями А.П. Чехова являются реакция на публичный неуспех (провал пьесы «Чайка»), публичный успех (чествование, пафосную речь и оvation в его адрес), необходимость публичных выступлений и на навязывающегося ему собеседника. Чаще всего в этих случаях писатель реагирует невербально – «спасается бегством». При этом он очень часто перекладывает на посредника (друга или родственника) улаживание возникающих этических вопросов. Видимо, коммуникативный и психологический комфорт в этих

ситуациях становится более значимым для А.П. Чехова, чем этическая составляющая.

Самыми яркими примерами подобных ситуаций являются: «бегство» от неприятного собеседника, «бегство» писателя с собственной свадьбы, «бегство» с торжественных мероприятий (например, с мероприятия, посвященного чествованию Д.В. Григоровича), где планировалось публичное выступление А.П. Чехова.

В присутствии нескольких лиц писатель может выражать свою реакцию на пафосные чествования в его адрес в виде шутливой дискредитации оратора, произносящего торжественную речь.

А.П. Чехов по-разному реагировал на похвалу своих читателей. Обычно похвалу от читателей, мнение которых было для него авторитетным, писатель принимал с некоторым смущением. В одном из писем он признается:

«Меня маленького так мало ласкали, что я теперь, будучи взрослым, принимаю ласки как нечто непривычное, еще мало пережитое». (В.А. Тихонову) – [Письма, т.3: с.173].

В письмах А.П. Чехова встречаем несколько типов реакций на похвалу его произведений разными читателями. Выявлены заочные реакции А.П. Чехова на похвалу «поверхностного», на его взгляд, читателя, а также заочные и очные реакции на похвалу «глубокого» читателя.

Если читатель хвалит произведение А.П. Чехова, но при этом не отмечает тех достоинств, которые осознает сам писатель, то такая похвала обычно огорчает А.П. Чехова. Свою негативную реакцию на «поверхностное» понимание читателем его произведения писатель обычно выражает в дружеской беседе или переписке с адресатом, который его хорошо понимает, чаще всего с А.С. Сувориным. В данном случае А.П. Чехов реализует свою реакцию через речевой жанр откровения-рассуждения. Обычно он апеллирует к общим с адресатом проблемам. В речи писателя при этом зачастую присутствуют риторические вопросы с готовыми ответами.

Заочная реакция на похвалу «глубокого» читателя в дружеском письме адресату чаще всего выражается А.П. Чеховым в шутливой манере самовозвеличивания:

«Григоровичем польщен. Это единственный человек, который оценил меня!! Скажите всем знаменитым писателям, в том числе, конечно, и Лейкину, чтобы они брали с него пример» (В.В. Билибину) – [Письма, т.1: с.196].

Очную реакцию на похвалу читателя, по достоинству оценившего его произведение, А.П. Чехов обычно выражает через речевой жанр благодарности. Речь писателя при этом отличается, с одной стороны, повышенной комплиментарностью в адрес собеседника, а, с другой стороны, легкой самоиронией. Для А.П. Чехова очень характерно преуменьшать собственные достоинства в ответ на похвалу от адресата:

«Рецензия прекрасна; ценю ее на вес не золота, не алмазов, а своей души. Мое глубокое и искреннее убеждение: получил я гораздо больше, чем заслужил» (А.С. Суворину) – [Письма, т.3: с.146];

«Вы чехист? Покорно благодарим. Нет, Вы не чехист, а просто снисходительный человек» (М.И. Чайковскому) – [Письма, т.4: с.40].

Реакция писателя на неумеренные похвалы или чествования в его адрес от мало знакомого ему человека или со стороны публики всегда резко негативная. Чаще всего она выражается писателем невербально: он мрачнел, краснел, имел сконфуженный вид, опускал глаза, а иногда пересаживался подальше от компании или уходил в другую комнату. Если же А.П. Чехов хвалил хорошо знакомый ему человек, то писатель обычно переводил разговор на другую тему или обращал его в шутку.

Перечисленные коммуникативные реакции А.П. Чехова наиболее характерны для писателя. Проведенный анализ позволяет выявить особенности реагирования А.П. Чехова на те или иные действия собеседника или третьего лица.

В реактивном поведении писателя наблюдается, с одной стороны, стремление к эмоциональной сдержанности и снятию коммуникативного напряжения в непосредственном общении с собеседниками всех типов и статусов и, с другой стороны, проявление высокой эмоциональности и категоричности в заочных реакциях.

Реактивное поведение А.П. Чехова не лишено парадоксальности. Писатель одинаково негативно относился как к чрезмерной похвале, так и критике в свой адрес. В его коммуникативных действиях высокая самокритичность сочетается с нетерпимостью к негативной оценке его произведений и его личности. Парадоксальна реакция А.П. Чехова и на коммуникативные раздражители: на публичное внимание, на неприятного или неинтересного собеседника, использующего личное время писателя. В одних случаях А.П. Чехов жестко контролирует свое реактивное поведение, ставя на первое место исполнение этикета. В других случаях, ставя на первое место психологический и коммуникативный комфорт, писатель явно нарушает этикетные нормы и этические конвенции (тактика «бегства» от коммуникативного раздражителя с переложением ответственности на других лиц).

Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в 30-ти томах. Письма в 12-ти томах. – М.: Наука, 1974. – Т.1–6.

А.П. Чехов в воспоминаниях современников. – М.: Худож. лит., 1986. – 735 с.

Содержание

От редколлегии	3
Вопросы теории	
Маклакова Е.А. О понятии лингвокультурологической специфики значения слова	3
Стернин И.А. Коммуникативный анализ семантики слова	10
Чарыкова О.Н. Сравнение как феномен художественной концептосферы	34
Национальная картина мира и её языковая репрезентация	
Басим Кхребет (Ирак). Наименования изделий из теста в метафорическом пространстве русского языка	39
Басим Кхребет (Ирак), Н.М.Вахтель. Особенности сочетаемости в генитивной кулинарно-гастрономической метафоре	47
Белюсова О.А. Лексико – фразеологическое поле «работа» в русском языке	51
Дюжакова С.Г. Наименование эмоциональной привязанности в русском языке	57
Карам Р.А. (Ирак). Метафорическая деривация сложных дериватов в русском языке	63
Панкова Т.Н. Проблемы перевода метонимии	67
Панкова Т.Н. Национальная специфика образования метафорических значений на примере лексем, обозначающих цветы в русском и английском языках	71
Хохонин Д.Е. Атрибуты прецедентных имен и их роль в формировании картины мира	74
Семантика слова в тексте	
Виноградова О.Е. Семантическое и семное варьирование глагола <i>думать</i> в тексте	77
Поляков А.С. Реализация оценочных значений слова в контексте	91
Талл У. Семантика слова <i>гостеприимство</i> в художественном тексте	94
Тимашова А. Ю. Типы вероятностных признаков в семантике слова и их актуализация в текстах «корпусов» русского и английского языков (<i>на материале существительных русского и английского языков</i>)	103
Шаманова М.В. Функционирование лексем <i>общение, общаться</i> в	107

художественном тексте

Художественный дискурс

Барабушка И.А. Авторские интерпретации концепта «город» в русской художественной литературе XX века	111
Вахтель Н.М. Графическая образность поэтического текста	114
Морозова Т.В. Рождение легенды и первый Дон Жуан в литературе	118
Пастревич Г.П., Савченко А.Л. Человек и Вселенная в романе Э. Гамильтона «Город на краю света»	122
Листрова-Правда Ю.Т. Топонимы в романе А.И.Куприна «Юнкера»	129
Тимошина Т.В. Семантическая реализация слова <i>дети</i> в тексте (на материале прозы и публицистики С.Довлатова и Д.Рубиной)	135
Щукина В. А. Проблема отчуждения в романе Джеймса Джонса «Только позови»	146

Рекламный дискурс

Аниськина Н.В., Апинян С.В. (Ярославль) Пропаганда здорового образа жизни средствами рекламы	150
--	-----

Публицистический дискурс

Пикалова Е.В. Лексика тематической группы «Наименования болезней» в публицистическом дискурсе	155
Шатова А.О. (Ярославль) Особенности информационных текстов в русскоязычной и англоязычной публицистике	158

Деловой дискурс

Стеблецова А.О. Национальная специфика дискурса оперативного взаимодействия	165
---	-----

Индивидуальный дискурс

Куркина А.С. Вербальная реакция в коммуникативном поведении А.П. Чехова	175
---	-----

Содержание	181
-------------------	-----